

BEYE

BEYE

28

1988

28

Вече

Независимый русский альманах

28

Седьмой год издания

Главный редактор О. А. Красовский

Обложка работы художника Адама Русака

Издатель:

Российское Национальное Объединение в ФРГ

© Russischer Nationaler Verein (RNV) e. V., 1987

München

Статьи, подписанные фамилией или инициалами автора,
необязательно выражают мнение редакции.

**СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЮ
ЧИТАТЕЛЕЙ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЕЙ
АЛЬМАНАХА «ВЕЧЕ»
С ПРАЗДНИКОМ
Р О Ж Д Е С Т В А
Х Р И С Т О В А
И
ТЫСЯЧЕЛЕТИЕМ
КРЕЩЕНИЯ РУСИ!**

О. КРАСОВСКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Год Тысячелетия	7
Игорь Огурцов на Западе	17

РОССИЯ СЕГОДНЯ

М. Назаров – Писатели о милосердии	23
В. Солоухин – Земля и люди	33
М. Рузин – Несколько стихотворений из «Огонька»	41
В. Щубачеев – Кого и почему пугает „Память“?	53

К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Н. Кусаков – Победы и поражения и торжество победителей	89
А. В. Карташев – Князь Владимир. Его обращение и крещение	103

РУССКОЕ ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Кн. Н. С. Трубецкой – Европа и человечество. (Продолжение)	127
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

В. Вулич – Румынские миниатюры	151
--------------------------------	-----

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

П. Палий – „Красный Крест“ и „Серп и Молот“. (Окончание)	183
---	-----

НАМ ПИШУТ	189
-----------	-----

ГОД ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Хотят ли этого или нет, нравится ли это кому или не нравится – но наступающий 1988-й год воспринимается и переживается фактически всеми, как **Русский Год**, Год России. Такое переживание для многих – подсознательно, но от этого тем большее значение приобретает сам факт: предстоящий 1000-летний юбилей Крещения Руси неразрывно, неотделимо связан, слит – с „русским вопросом“, актуальность которого от этого становится еще очевиднее.

Празднование Тысячелетия Крещения русского народа – событие исключительной важности, которое можно рассматривать в разных аспектах и с разных точек зрения. Прежде всего, это – **праздник Русской Православной Церкви** и, больше того, Торжество Православия, каковое тем самым убедительно заявляет миру о неистраченной полноте своих духовных сил. Далее, это – **праздник Русской культуры**, глубоко уходящей корнями в родное Православие, возросшей и расцветшей на почве народной веры. Наконец, – хотя далеко не все согласны с этим сегодня – это и **праздник российской государственности**, которая более девяти столетий неотделима была от Православной Церкви...

С разных точек зрения рассматривают этот уникальный юбилей – Православная Церковь в России и Русская Зарубежная Церковь, другие Православные Церкви и Церковь римо-католическая, наши соотечественники на родине, „зарубежные“ русские и представители так называемой „третьей волны“, украинцы и другие народы прежней Российской империи, наши друзья и недруги на Западе – в Европе и Америке.

Еще не начались по-настоящему юбилейные торжества, но уже бушует полемика, которой особенно острый характер придают наши братья-украинцы, многие из которых, увы, слишком ослеплены националистическими страстями. Ватикан явно поддерживает Украинскую Католическую (униатскую) Церковь, что усиливает напряженность в отношениях между Святейшим Престолом и Московским Патриархатом. В стране режим стремится максимально использовать 1000-летний юбилей для укрепления своих позиций: отношения между Церковью и Государством переживают какую-то новую фазу, можно думать, что появляются возможности, прежде не бывшие... Атмосфера религиозного пробуждения, „сгущающаяся“ в преддверии великого Юбилея, обессиливает атеистическую пропаганду, которая заметно утрачивает свои позиции.

Короче говоря, в этом юбилее, как в фокусе, сходятся все главнейшие вопросы, связанные с судьбами нашей родины – по нашему глубочайшему убеждению, неотделимыми от Православной Церкви. И, тем самым, с судьбами всего мира.

*

Тысячелетие Крещения русского народа – знаменательная веха в истории Русской Церкви, которая заслуженно видит в этом юбилее „праздник благоговейного памятования о наших духовных истоках, дань благодарения нашим предкам, создавшим великую Русь“. Мы сознательно процитировали эти строки из Предъюбилейного

Послания Патриарха Пимена и Священного Синода (оглашенного в Неделю Всех Святых, в земле Российской просиявших, 8/21 июня 1987 года) – с содержанием которого не могут не согласиться и русские, в изгнании сущие. К сожалению, текст Послания в целом – с непременным упоминанием другого, „черного“ юбилея, 70-летия российской катастрофы – оставляет то же горькое чувство, как и все другие официальные заявления **пленной** Русской Православной Церкви. Не таких слов ожидалось от церковного руководства в начавшийся, как будто, период перемен; казалось, **могло** сказать оно – много больше, и гораздо выразительнее... Два юбилея объективно „существуют“, – но как несопоставимы в земном плане 1000 лет и семь десятилетий, так несоизмеримы по своему значению Праздник веры, Праздник верности отеческим преданиям и очередные официальные славословия режима самому себе.

Высокопраздничное настроение не может не быть омрачено сознанием того, что православные русские люди вынуждены раздельно совершать это празднование – в Отчизне и в Зарубежье, а в самом рассеянии – без должного и чаемого единства.

Итак, великий Юбилей – как праздник памятования о наших духовных истоках, наших предках... Решающий для исторических судеб России, для духовного ее существования момент Крещения стал поворотным, определившим все последующее Тысячелетие, вплоть до наших дней. Известно, что наша „родословная“ „старше“ христианства – как то можно сказать и о этнических генеалогиях многих других христианских народов. Мы не можем и не должны забывать прошедших пространствами **будущей России** скифов и готов, гуннов и „антов“; предмет научных споров до сих пор остаются „финский элемент“ и призвание варягов в формировании великорусского этноса; только начинается, по сути дела, серьезное исследование огромного культурно-этнического массива славян – непосредственных предков русского народа. К концу X века уже существовала не просто „Русская земля“

с многочисленным населением, но и прочное государственное образование, наводившее страх на соседнюю могущественную Византию. Но тогда-то, по выражению историка, и „наставал момент религиозного самоутверждения Руси в сложном переплете вероисповедных воздействий, которым она была открыта“ (Проф. свящ. К. Зайцев. „Киевская Русь“, Шанхай, стр. 73).

Необходимо, однако, твердо поставить все точки над „і“, повторив – вслед за профессором А. В. Карташевым – о **тщетности** „многолетних усилий римско-католических и униатских историков... перетянуть русскую крещальную купель в римский бассейн и представить нас изменниками св. Владимиру, будто бы крещенному варягами-латинами и признавшему папу своим главой“ (см. статью в юбилейном „Владимирском сборнике“).

Подлинная проблема была не в этом – Крещение Руси совершилось до пагубного разделения Церквей. Само Кирилло-Мефодиевское дело, определяющее для христианизации славян, теперь иначе, чем прежде, рассматривается и самими католиками. Думается, что и вопрос о русском язычестве, настойчиво поднимаемый в Советском Союзе как официальной наукой, так и крайне „правым“ инакомыслием, не решает проблему.

В свете тысячелетнего юбилея полезно обратиться к некоторым древним текстам, позволяющим освежить нашу историческую память и поставить нынешние дискуссии в правильную перспективу. В частности, уместно напомнить о документе, который приобрел необыкновенную актуальность в последнее время. Это – единственный письменный памятник, дошедший до нас от тех первых времен: „Слово о законе и благодати“ первого киевского митрополита из русских, Илариона. „Естественным было ожидать, что первым словом церковного пастыря после введения христианства будет прославление нового порядка вещей, указание тех благ, которые народ приобрел посредством новой веры, – писал С. М. Соловьев. – Но... **противоположность христианства с первым русским язычеством не составляет главного содержания**

„Слова“, в котором преимущественно показывается **противоположность и превосходство христианства перед иудейством**, благодати Христовой перед законом Моисеевым, – как истины перед тенью, сыновства перед рабством, **общего, всечеловеческого перед частным, народным**“... /подчеркнуто нами – Ред./ (С. М. Соловьев. „История России с древнейших времен“, Кн. I, Москва, 1962, стр. 263). Современник великого историка отмечал в связи с этим: „Поводом к сочинению „Слова“ могла служить попытка иудеев и до Владимира через хазар, и после Владимира внести к нам свою веру“ (А. Галахов. „История русской словесности, древней и новой“, Том I, изд. 3-е. Москва, 1894, стр. 284).

1000-летие Крещения – это и праздник Русской культуры. Не случайно зарубежная Россия в свое время избрала Днем Русской Культуры день церковной памяти Св. равноапостольного Великого Князя Владимира: 15/28 июля (традиция, к сожалению, ушедшая в прошлое).

По словам замечательного русского писателя И. С. Шмелева – „наша культура, культура ’во Христе’... пронизана небесным светом, высоким устремлением, мучительным исканием высокой правды, страданием за **человека**, со-страданием, любовью к **человеку**, вдохновенным провидением Бога в человеке, – всечеловечностью... Без истинной культуры, нашей, русской, которую храним – не быть России, во-Христе-России: другая будет, не-Россия...“ (И. Шмелев. „Душа Родины. Сборник статей от 1924-1950“. Париж, 1967, стр. 286). Эта наша культура начала ощутимо созреть после просвещения наших предков светом Христовой истины.

Этот аспект празднования великого Юбилея особенно злободневен в наше время. Советским режимом создана атмосфера преклонения перед „культурой“ – но потому-то и важно показать, что самые глубокие корни ее, особенно культуры русской, уходят в область религиозных верований, питаются ими. После десятилетий интернационалистского нигилизма в отношении ценностей национальной культуры (он еще и сейчас продолжает отрав-

лять души наших соотечественников) в среде русской интеллигенции, молодежи началось духовное пробуждение, **опамятствование**, восстановление исторической памяти. Показательно, что духовным знаменем русского возрождения стали по-новому осмысляемые Достоевский, с его „Дневником писателя“, и Гоголь, с „Выбранными местами из переписки с друзьями“. Живыми продолжателями этой традиции восходящей к истокам тысячелетней давности, выступают сегодня современные русские писатели В. Астафьев и В. Белов, В. Распутин и В. Солоухин, – если называть только нескольких самых известных.

Знаком могущих быть перемен служит и реализованная возможность соединения усилий Русской Православной Церкви и „светских“ (уже в силу самого этого факта **не вполне советских!**) академических работников в подготовке к Юбилею. В мае месяце 1987 г. в Москве состоялась 2-я Международная научная церковная (!) конференция, посвященная Тысячелетию Крещения Руси – „Богословие и духовность Русской Православной Церкви“. Наряду с церковными иерархами различных Православных Церквей, инославными религиозными деятелями и зарубежными учеными, впервые в такого рода конференции участвовали профессор и научные работники из Московского университета и Академии Наук. Выступивший в либеральных «Московских новостях» (№ 29 - 1987) археолог и историк В. Янин высказал пожелание о совместной с Русской Православной Церковью разработке ряда тем по русской истории. Впервые публично высказался о приближающемся Тысячелетии Крещения – в интервью «Литературной газете» (9.9.87) – известный специалист по древне-русской культуре академик Д. С. Лихачев, пользующийся значительным моральным авторитетом в среде интеллигенции.

Приходится отметить следующее. Если в 1938 году 950-летие Крещения Руси стало событием огромной важности для российской эмиграции, ознаменовавшимся целой библиотекой ценнейших публикаций и бесчисленными

юбилейными торжествами во всех центрах рассеяния, – нынешний приближающийся Юбилей пока не обещает ничего подобного, по своим масштабам. Из жизни ушли сотни тысяч русских людей, оказавшихся в эмиграции как после революции, так и по окончании второй мировой войны. Окончила свое земное бытие элита эмиграции и ныне в русском Зарубежье почти не осталось духовных и культурных сил, украшавших ее в былые времена. И это не может не отразиться на характере и масштабе ознаменования Тысячелетия Крещения Руси за рубежом.

Между тем, на родине – где 50 лет назад нельзя было и помыслить о том, чтобы хоть как-то отметить начало христианского бытия русского народа – сейчас положение заметно изменилось. Разумеется, этим мы никак не хотим сказать, будто режим отказался от магистральной „линии“ – на „устранение религиозных пережитков“. И все же нельзя закрывать глаза на то, что сейчас ситуация совершенно иная, чем раньше. Реальная картина взаимоотношений Церкви (не сводимой лишь к высшей иерархии, но включающей и новую христианскую общественность) и Государства – сложнее, многостороннее, „пестрее“... При всем том духовном потенциале, каким располагает еще русское Зарубежье, несмотря на его малочисленность, при всем значении, какое сохраняет сам факт существования действительно независимой Русской Зарубежной Церкви, поставившей себе памятник в веках прославлением Новомучеников Российских, – при всем этом, все более решающее значение приобретают процессы, происходящие на родине, в том числе и в лоне Русской Православной Церкви.

Западные (и эмигрантские) наблюдатели сходятся на том, что никаких существенных перемен в религиозной области „перестройка“ Горбачева не принесла и принести не может. „Генеральная линия партии“ в этом вопросе, кардинальная для существования системы, остается неизменной: она была подтверждена в докладе генсека на последнем партийном съезде и в новой редакции партийной программы. Новый главный идеолог (и завзятый русофоб)

А. Яковлев в „руководящей“ речи в Президиуме Академии наук СССР категорически потребовал: „как говорится, богу – богово, церкви – церковное, а нам, марксистам – полнота правды. И с этих позиций должны быть решительно отвергнуты любые попытки изобразить христианство как 'мать' русской культуры“. Цитируются и отдельные высказывания Горбачева о необходимости укрепления атеистической пропаганды, – хотя таковых набирается не так много, и многочисленные доброжелатели его на Западе стараются отыскать в высказываниях главного реформатора на темы религии мотивы „разрядки“. Так, согласно бывшему венскому архиепископу кардиналу Кёнигу, на московском „форуме“ Горбачев назвал религию в числе „главных сил человечества“.

Несомненно одно: прагматизм нового кремлевского руководства побуждает его, не поступаясь видимым образом „священными принципами“ марксистской догмы, более гибко строить свои отношения с интеллигенцией, с одной стороны, и с Церковью (Русской Православной) – с другой. В перспективе желательных изменений к лучшему приобретает определенное значение недавний факт: религиозному обществу предоставлены права юридического лица (см. «Журнал Московской Патриархии», 1986, № 1). При подготовке к Юбилею Тысячелетия почти во всех приходах отремонтированы или реставрированы храмы, имеются даже единичные случаи постройки новых церквей. Разумеется, это слишком, ничтожно мало – но именно в этих условиях не кажутся абсолютно утопичными требования группы священников и верующих о пересмотре религиозного законодательства, о дальнейшей „либерализации“.

Вызывает недоумение и сожаление позиция высшей иерархии Русской Православной Церкви, морально дискредитировавшей себя при предшественниках Горбачева; создается впечатление, что она не способна в полной мере воспользоваться открывающимися возможностями, громко заявить о своих правах. Как никогда, ощущается необходимость в новом типе духовных руководителей в

Русской Церкви – которые с верностью отеческому Преданию сочетали бы бóльшую принципиальность и в делах земных.

С другой стороны, приветствуя мужественные заявления отдельных клириков и верующих Русской Православной Церкви – засвидетельствовавших верность Христу бескомпромиссным поведением в лагерях и ссылках, – следует с большой осторожностью относиться к некоторым из распространяемых на Западе „самиздатских“ документов. **Анонимные** их авторы, выступая от имени „христианской общественности“, призывая к „богословскому творчеству“, на самом деле далеки от Православия, и от России.

Совсем недавно видный иерарх Руской Зарубежной Церкви, епископ Берлинский и Германский Марк, на страницах «Вече» подверг заслуженно суровой критике пресловутые „Семь ответов на семь вопросов о Русской Православной Церкви“. Владыка Марк писал: „когда мы видим, что даже на Западе распространяются подобные, глубоко неправославные и антирусские взгляды, направленные на разложение Св. Церкви, – мы, свободные члены Русской Православной Церкви, не можем молчать“ (см. «Вече» № 16).

Сравнительно недавно, как раз к предстоящему Юбилею, появился еще один аналогичный – и опять **анонимный!** – документ: „О Русской Православной Церкви“, запись состоявшейся в Москве беседы „у круглого стола“ (опубликовано в «Русской мысли» 17 и 24 апреля 1987 г.). Безымянные авторы единодушно пытаются скомпрометировать религиозное возрождение в современной России. Один заявляет: „Сейчас нет никаких признаков того, что Христос прославляется в России, каким-то особенным образом, как-то больше, чем в других странах...“ Другой утверждает: „мы имеем альтернативу – либо обновление духа, продолжающееся откровение духа в мире, либо пассивное продолжение традиции“. При этом „обновление духа“ московскими анонимами мыслится, как „самостоятельный христианский подвиг“, „поиски самостоятель-

ного личного пути“, „свободное духовное делание“. Участники „круглого стола“ призывают: возрождать „не псевдоцерковный консерватизм, а подлинное чувство церковности“ (не уточняя, что это значит); „выйти на горизонт (?) вселенской церкви“, что предполагает „не национальное самолюбование, а глубокое и искреннее национальное покаяние“.

Церковные авторитеты должны дать надлежащую оценку подобному „богословскому творчеству“ самонадеянных интеллектуалов, вчера только переступивших церковный порог, а сегодня уже выступающих с поучениями и поношениями тысячелетней традиции. Им полезно напомнить рекомендацию, какую дает всем верным чадам Церкви митрополит Виталий, Первоиерарх Русской Православной Зарубежной Церкви в своем Первом предъюбилейном Послании: „терпение в постоянстве; развитие силы воли, столь необходимой нам, расслабленным; последовательность в духовном умном делании...“

Итак, мы вступаем в Год Тысячелетия Крещения русского народа – с твердым упованием, выраженным еще в начале этого века великим святым Русской земли, праведным отцом Иоанном Кронштадтским: „Россия мечется, страдает и мучается от безбожия, но Божественное Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии“. Празднование тысячелетнего Юбилея даст новый стимул глубоко жизненному делу РУССКОГО, ПРАВОСЛАВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Игорь Огурцов – на Западе

3-го декабря 1987 года епископ Германский и Берлинский Марк отслужил в православном монастыре преп. Иова Почаевского под Мюнхеном благодарственный молебен о благополучном исходе из неволи и прибытии в свободный мир Игоря Вячеславовича Огурцова с родителями: отцом – Вячеславом Васильевичем Огурцовым и матерью – Евгенией Михайловной Деревенской.

Нет необходимости особо представлять И. В. Огурцова постоянным читателям альманаха «Вече»: это издание началось, как продолжение за границей того дела, какое на родине осуществлялось такими патриотическими объединениями как ВСХСОН, журналы В. Н. Осипова «Вече» и «Земля» и т. п. (см. Редакционную статью в Первом выпуске). Уже и до выхода в свет – в 1981 году – первого номера альманаха «Вече» имя основателя Социал - Христианского Союза становилось знакомым российскому Зарубежью, – хотя, к сожалению, и с десятилетним опозданием, и слишком медленно.

Об этом лучше всего сказать словами А. И. Солженицына – в его Обращении „Сахаровским слушаниям в Вашингтоне“ (сентябрь 1979):

„На краю могилы – Игорь Огурцов, замученный христианский мыслитель; ученый, оборванный на первых шагах; выдающийся сын России, осужденный несправедливо, бесчеловечно, сидящий 13-й год.

Те, кто были первоклассниками, когда арестовали Игоря Огурцова, – теперь кончают университеты. А Огурцов – сидит.

Почти вся эпоха Брежнева уложилась в это протяжение времени. В Соединенных Штатах три раза произошли президентские выборы и вот готовятся четвертые. Весь разгар вьетнамской войны уложился в эту длительность. От разгула культурной революции Китай перешел к кооперации с Западом. А Огурцов менял только камеру на карцер, тюремное заключение на строгое лагерное, и снова на тюремное...

Уже 8 лет было его сиденью, когда широковещательно была подписана Хельсинская декларация, маня Запад видением эры свободы на Востоке. И имела время полинять и продырявиться уже и для самых легковых. А Огурцов – сидит.

В этот период уложилась и вся общественная деятельность Андрея Сахарова как мы его знаем, и вся моя публичная история от съезда писателей до высылки. Смелая семерка демонстрантов на Красной площади взята, осуждена, отсидела, освобождена. А Огурцов, не совершивший и малого реального действия, – сидит.

Сколько имен угрожаемых, преследуемых, арестованных в СССР – Синявский, Даниэль, Амальрик, пронесли над Западом в эти годы, прорезали мировое внимание, вызвали энергичные протесты, к счастью помогшие уже неоднократно. Мощной общественной кампанией давно освобожден Плющ, севший на 5 лет позже Огурцова. Нашел мировую поддержку и освобожден Штерн, севший на 8 лет позже Огурцова. Из малой и большой зоны вырваны – Григоренко, Сильва Залмансон, Буковский, Мороз, Винс, Гинзбург и другие. Сколько имен, кого лишали эмиграции или притесняли в Советском Союзе, – супруги Пановы, Левич, другие разлученные супруги или продержанные отказники – в несравнимые сроки получили свободу. А Игорь Огурцов все эти годы, все эти годы – сидит, и лишь недавно его имя стало мелькать изредка..."

Поучительно перечитывать сейчас это страстное Обращение великого писателя – воплощенной совести нашей – в защиту своего соотечественника, которого еще раньше Солженицын назвал „выдающимся сыном русского народа, искавшим христианских путей развития России“.

**Игорь Вячеславович Огурцов с родителями
– Евгенией Михайловной и Вячеславом Васильевичем –
в венском аэропорту 29 ноября 1987 г.**

Альманах «Вече», в сущности, с самого начала **подхва-**
тил этот призыв А. Солженицына – и так на Западе и в
русском Зарубежье развернулась, наконец, борьба за до-
срочное освобождение из заключения лидера Социал-
Христианского Союза. Борьба, никогда не достигшая

масштабов мирового значения мощных, щедро финансируемых различными западными организациями, кампаний в пользу лиц, частично перечисленных А. Солженицыным в его Обращении, – но вдохновлявшаяся искренним и глубоким желанием хоть как-то помочь своему соотечественнику, русскому патриоту, верному сыну Православной Церкви. Не случайно наша Церковь с таким вниманием и заботой относилась все эти годы ко всем начинаниям зарубежных организаций, направленным к облегчению участи И. Огурцова. Справедливость требует сказать, что в этих начинаниях, получивших международный размах, самое активное участие принимали также инославные христиане, католики и протестанты. И с глубоким огорчением нужно добавить, что **меньше всего** делали в этом направлении – так называемые „правозащитные организации“ – как на родине, так и в эмиграции...

В первом же выпуске альманаха «Вече» (1981) был опубликован текст выступления тогдашнего соредатора альманаха Е. А. Вагина на митинге в Париже, организованном французским Комитетом защиты И. Огурцова, – под названием „Русский человек конца XX века“. Это было выражением принципиальной линии альманаха «Вече»: защита **всех** борцов с коммунистическим тоталитаризмом – наряду с Огурцовым назывались имена томившихся тогда в неволе Владимира Осипова, Александра Огородникова, Владимира Пореша, а также Балиса Гаяускаса, Паруйра Айрикяна...

Второй выпуск альманаха «Вече» (1981) весь был посвящен И. В. Огурцову. В Редакционной заметке содержалась горестная констатация, ставшего очевидным для всех, факта: в **досрочном** освобождении этого русского патриота „НЕ заинтересованы не только советские чиновники“... В специальной статье, открывавшей номер, содержался, в числе прочего, анализ писем И. Огурцова к родным – с целью дать возможно полное представление об этом „исключительном русском человеке нашего времени“.

Имя лидера всероссийской патриотической организации ВСХСОН с тех пор постоянно упоминалось на страницах «Вече» – в самых разнообразных статьях и материалах. А в 1984 году, в 13-м выпуске «Вече» особый раздел был посвящен 20-летию основания ВСХСОН, – организации, обязанной своим возникновением и существованием прежде всего и исключительно И. В. Огурцову. Естественно, что в материалах этого раздела – „Русское национальное возрождение“ – основное внимание было уделено личности Огурцова и его судьбе. Статья от Редакции заканчивалась следующими словами:

„Социал - Христианский Союз, несомненно, сыграл свою роль в деле духовного пробуждения нашего народа от гипноза мертвящей марксистской идеологии. Этот процесс углубляется и расширяется, принимает новые формы, но – мы твердо верим в это – все движется в направлении, которое было указано в Программе...“

Эту же убежденность подчеркнул в своих первых заявлениях для печати – на пресс-конференциях в Вене (30 ноября) и в Мюнхене (3 декабря) – И. В. Огурцов, покинувший со своими родителями Советский Союз 29 ноября 1987 г. Выразив благодарность правительственным и общественным организациям Запада, принимавшим участие в борьбе за его освобождение и выезд из СССР, И. Огурцов, констатировал начавшиеся на родине значительные перемены, хотя здесь же подчеркнул: слишком многие „борцы за демократию и гласность все еще находятся в местах лишения свободы“. Основатель Социал - Христианского Союза высказал твердую уверенность в том, что борьба за права человека является логическим следствием сопротивления любой тоталитарной идеологии. Это сопротивление в сегодняшней России приобретает сейчас поистине всенародный размах...

И. В. Огурцова и его родителей встречали в венском аэропорту члены Западногерманского и Французского Комитетов спасения Огурцова, представители „Международного общества защиты прав человека“, журналисты. Многие друзья из разных стран мира – прежде всего из

США, где Конгресс русских американцев проводил особенно активную работу в пользу руководителя русского патриотического объединения – не смогли быть в этот день в столице Австрии, но их радость была такой же искренней и неподдельной, как и всех тех, кто лично встречал наших дорогих соотечественников.

НАШИ ВЕСТИ

Издание Союза Чинов Русского Корпуса
Журнал основан полковником А. И. Рогожиным

Редактор Н. Н. Протопопов
Казначей А. А. Пустовойтенко

Журнал выходит ежеквартально
Подписка на 1 год 12 ам. долларов

Подписку направлять по адресу:

NASHI VESTI,
P. O. Box 5741,
Presidio of Monterey, CA 93940, USA

М. Назаров

Писатели о милосердии

Одно из примечательных явлений „перестройки“ – изменение отношения к милосердию. Дать оценку этому мы попробуем в конце статьи. Сначала – несколько примеров из советской печати, которые уже во многом называют вещи своими именами.

Первым о необходимости реабилитировать понятие о милосердии заговорил Даниил Гранин. И как! В «Литературной газете» (13. 3. 87) он пишет:

„Милосердие убывало не случайно. Во времена раскулачивания, в тяжкие годы массовых репрессий людям не позволяли оказывать помощь близким, соседям, семьям пострадавших. Не давали приютить детей арестованных, сосланных. Людей заставляли высказывать одобрение суровым приговорам. Даже сочувствие невинно арестованным запрещалось. Чувства, подобные милосердию, расценивались как подозрительные, а то и преступные: оно-де аполитичное, классовое, в эпоху борьбы мешает, разоружает... Оно стало непопозволенным в искусстве. Милосердие действительно могло мешать беззаконию, жестокости, оно мешало сажать, оговаривать, нарушать

законность, избивать, уничтожать. В тридцатые годы, сороковые, понятие это исчезло из нашего лексикона. Исчезло оно и из обихода, „милость падшим“ оказывали таясь и рискуя...”

В «Московских новостях» (15. 11. 87) Бенедикт Сарнов анализирует эту „неположенность милосердия“ в советской литературе, невзирая на лица: „Горький имел неосторожность обмолвиться однажды: 'Жалость – уничтожает человека!'. И вот с тех пор внушали, вдалбливали, предостерегали, одергивали: 'Нечего человека жалеть!', 'Не унижайте его жалостью!' “.

Сарнов приводит примеры, как на разные голоса повторяли это поэты: „Нас не надо жалеть! Ведь и мы б никого не жалели!“ (Семен Гузенко). Как другой поэт (Дмитрий Кедров), отказывая в милосердии несчастному старику-крестьянину, писал в незабываемом 1933 году: „...к чему он тут, ...в рабочей стране, где станок и плуг“. Как Михаил Светлов оправдывался перед коллегами: „Простите меня – я жалею старушек. Но это единственный мой недостаток“.

„Это отношение к жалости как к чуждому нам, 'не нашему' чувству в свое время было возведено в ранг **теории**, – продолжает Сарнов. – Был даже придуман специальный термин – „абстрактный гуманизм“... Согласно рассматриваемой нами теории, если бы поэт пожалел **конкретного** человека, просящего на хлеб, – это и было бы проявлением **абстрактного** гуманизма. А вот то, что он оказался во власти **абстрактных** логических построений и догм (“Обострение классовой борьбы“, „Ликвидация кулачества как класса“ и т. п.), напротив, является проявлением гуманизма **конкретного**.

Все нравственные понятия, таким образом, оказывались перевернутыми, поставленными с ног на голову.“

Таковыми они оставались по сей день в преобладающей части советского литературоведения, в школьном преподавании литературы. Например, в романе А. Фадеева „Разгром“ командир красного отряда Левинсон и врач-коммунист Сташинский решают дать яд смертельно раненому

красноармейцу Фролову, чтобы избавиться от этой обузы для отряда.

„Фадеев правдиво отразил экстремальную, чудовищную, **нечеловеческую** ситуацию, к которой можно относиться по-разному, – пишет Сарнов. – ...Но вряд ли возможно представить этот поступок как некий **нравственный подвиг**. Однако на протяжении многих лет, даже десятилетий вся наша критика в один голос **прославляла** поступок Левинсона и Сташинского как акт **подлинного гуманизма**. А в том, что Мечик ужаснулся решению Левинсона и Сташинского и просто по-человечески **пожалел** Фролова, критика видела лишнее подтверждение закономерности его будущего предательства.“

Еще более свежий пример – отношение критики к повести Василя Быкова „Круглянский мост“, в которой ротный командир Бритвин обманом посылает на смерть мальчишку, превратив его в живую мину – чтобы взорвать мост: некоторые критики доказывали, что „Бритвин кругом прав, что он выгодно отличается от других персонажей повести своей **идейностью**“.

Но позиция самого Быкова здесь уже полярно противоположна фадеевской: „Там (у Фадеева) подлецом оказывался человек, не умеющий преодолеть естественное чувство жалости к обреченному. У Быкова подлецом оказывается человек, и в теории и на практике **отрицающий** жалость и милосердие как чувства вредные, опасные“.

И здесь мы уже подходим к усиливающемуся отражению в литературе традиционной, общечеловеческой морали, которое стало заметно в послевоенное десятилетие. Бенедикт Сарнов приводит и другие примеры: „Двое в степи“ (1948) Эммануила Казакевича, „До свидания, мальчики!“ (1962) Бориса Балтера, „Будь здоров школяр!“ (1961) Булата Окуджавы... В этом ряду хочется выделить опубликованную в 1956 году повесть Павла Нилина „Жестокость“, в которой партийные идеологи сразу же почуяли „неклассовую мораль“. Ее герой, молодой идеалист, в послереволюционные годы попадает на службу в репрессивные органы „бороться за счастье людей“ – и

кончает с собой, не в силах вынести противоречия между провозглашенной „великой целью“ и аморальными средствами, используемыми для ее достижения.

В 1986 году мы находим аналогичный эпизод в „Плахе“ Чингиза Айтматова – там кончает самоубийством чекист матерый и опытный. Но и сейчас мы слышим в этой связи упреки автору за отказ от „классового подхода к оценкам событий“ (см. статью в «Комсомольской правде» от 22. 5. 87, автор которой Е. Лесото, настойчиво выбивается в первые ряды воинствующих безбожников и блюстителей „классовой морали“ в эпоху „перестройки“).

Как мы видим, реабилитация понятий добра и милосердия – длительный процесс послевоенного времени, и у нее до сих пор есть противники. Думается, это неспроста, ибо причины анти-милосердия не только социально-политические. Они, явно, лежат глубже.

Милосердие и сострадание искоренялись ведь не только в сталинское время, которым в советской печати сейчас ограничивается обсуждение и этой проблемы, и всех пороков режима. Партия большевиков отбросила эти понятия как составную часть „буржуазной морали“ с самого начала своего возникновения – достаточно вспомнить кровавые „эксы“ по добыванию денег и высказывания Ленина по поводу коммунистической нравственности.

Милосердие и сострадание искоренялись, наверное, и не только потому, что они „могли помешать беззаконию, жестокости“, могли сплотить народ перед коммунистическим насилием. Видимо, помимо этих прагматических мер по укреплению власти, и у теоретического отрицания большевиками милосердия, и у их жестокости есть общая первичная причина. Сарнов ее точно определяет как „**перевернутую** систему нравственных координат“.

Добавим: перевернутую – по отношению к христианству. И это не только ленинская одержимость в богохульстве. Почему-то коммунистам для воплощения их замысла об обществе мало было просто захватить власть – нужно было опровергать все десять заповедей. Даже ту, которой Коллонтай противопоставляла теорию „стакана

воды“. И даже ту, казалось бы, ни по каким меркам не переступимую, которую нарушил малолетний предатель родителей Павлик Морозов, возведенный за это в ранг детского идола в пантеоне коммунистических богов.

И если та первоначальная одержимость коммунистов постепенно сдавала позиции перед реальностью жизни (так, были похоронены цели Коммунистического манифеста – уничтожить нацию и семью), то „перевернутость“ по отношению к христианскому принципу любви продержалась до сегодняшнего дня.

Неважно, что основоположники коммунистической идеологии надеялись принести народу счастье и что в личной жизни революционеры часто были порядочными людьми, самоотверженными аскетами, „любили детей и зверей“. Важно то, что перевернутая система нравственных координат уже сама по себе придавала их усилиям обратный знак.

В такой системе координат не могло быть иного результата, чем получившийся. Можно сказать, что противоречие между целью и средствами, столь талантливо отраженное в „Жестокости“ Нилина, составляет суть самого явления коммунизма, провозглашающего вседозволенность средств, но оно же и обрекает его теорию на крах при попытке ее реализации. Это противоречие было гениально предвидено в творчестве Достоевского еще в то время, когда предтечи большевизма только теоретизировали. Современные русские писатели исходят в своем утверждении абсолютной, христианской морали – уже из воочию обнажившегося практического результата коммунистической теории.

Коммунистический эксперимент в России стал наглядным и доведенным до последней степени очевидности доказательством того, что добрая цель недостижима злыми средствами и что не материально-экономический базис определяет „духовную надстройку“, а наоборот: духовные ценности первичны и от них зависит состояние материальной жизни государства.

Сейчас в советской прессе появилось достаточно

иллюстраций развала „материального базиса“. Прочити-
руем хотя бы несколько из области, где взаимоотношения
между духовными ценностями и материальным бытом
видны наиболее отчетливо: на примере состояния семьи
как основной ячейки общества и состояния подраста-
ющего поколения, с которым связано будущее страны.

В весьма типичном для страны городе Перми „...на
каждую тысячу забеременевших пришлось: аборт – 272;
рождений вне брака (матери-одиночки) – 140; рождений в
первые месяцы брака – 271; рождений через девять и
более месяцев после заключения брака – 317... В 1986 году
в стране было зарегистрировано 943 тысячи разводов, или
347 на каждую тысячу заключенных в том же году бра-
ков... получается полтора-два миллиона детей, воспиты-
вающихся без отцов...“ (В. Переведенцев. „Брак вдо-
гонку“, «Неделя» № 34, 1987).

„140 тысяч детей до одного года в 1986 году у нас
умерло“ (интервью А. Лихачева в журнале «Собеседник»
№ 35, 1987).

„Миллион детей в нашей стране лишены родительской
опеки.

300 тысяч детей содержатся в детских домах, причем у
95 процентов из них родители есть.

20 процентов продуктов в детских домах разворовы-
ваются.

Только половина новорожденных абсолютно здорова,
8-10 процентов детей имеют врожденную или младенче-
скую патологию.

Каждый пятый грабеж в стране, каждое третье изнаси-
лование, каждый второй автомобильный угон совершают-
ся несовершеннолетними...“ (Н. Майданская. „Колокола
детства“, «Советская культура», 20. 10. 87).

Нетрудно представить себе будущее страны, если руко-
водить ею продолжали бы на тех же нравственных прин-
ципах...

Но началась „перестройка“. И появились надежды, что
под давлением очевидности российское общество сможет
восстановить отвергнутую большевиками систему нравст-

венных координат. Стремление к этому впервые стало проявляться не только в литературе, но и в общественной деятельности. Поскольку партийно-государственная система вместо обещанных к 1980 году „благ коммунизма“ обнаружила полнейшую неспособность помочь миллионам ею же обездоленных людей – не оставалось другого выхода, как допустить общественную взаимопомощь в практических делах благотворительности и милосердия.

В катастрофическом положении оказались не только дети, но и старики. Одна из позорных для великой державы проблем – нищенские пенсии. К тому же „приходится признать: система обслуживания одиноких пенсионеров окончательно еще не сложилась“, – пишет И. Островский в статье „Время милосердия“ («Труд» 28. 7. 87), поддерживая призыв Даниила Гранина создать Общество милосердия. Сам Гранин, получивший на свой призыв массу откликов, определяет задачи Общества так:

„Общество милосердия, считают мои корреспонденты, должно заниматься сбором добровольных средств в помощь людям, защитой домашних животных, организацией курсов обучения сестер и братьев милосердия, сбором сведений от больниц и домов престарелых, детских домов, жэков, о людях, нуждающихся в помощи, и, наконец, – уходом за ними... По-моему, не мешает обратиться к опыту филантропических обществ России, в частности общества „Друг детей“, вспомнить их благотворительные базары и лотереи, изучить свои архивы и зарубежный опыт“ (Даниил Гранин. „Будем милосердны“, «Труд», 8. 7. 87).

„Другом детей“ оказался Альберт Лиханов, тоже писатель, главный редактор журнала «Смена». Он создал Детский фонд для помощи тем самым миллионам несчастных детишек. Фонд культуры, созданный недавно по инициативе академика Лихачева, – „это тоже филантропия по отношению к памятникам, сокровищам истории и культуры“, как его охарактеризовал Даниил Гранин. Оба фонда уже провели первые благотворительные концерты – в частности 25 сентября 1987 года Фонд культуры

собрал средства на реставрацию церкви Большого Вознесения, у Никитских ворот.

Впервые приподнята завеса молчания над положением инвалидов: были устроены выставки картин художника Геннадия Доброва, рисовавшего на острове Валаам сосланных туда в колонию калек, инвалидов войны. („Вторая мировая война оставила 9 миллионов инвалидов“, – узнаем мы из «Московских новостей» от 6. 9. 87. – Но, „где же вы были раньше, почему только сейчас о нас вспомнили?“ – говорили Доброву оставшиеся в живых...).

Участились призывы пересмотреть отношение к другим жертвам войны – бывшим военнопленным. Много для этого делает писатель Вячеслав Кондратьев, из его уст прозвучало впервые напечатанное в СССР осуждение Сталина за то, что он „отрекся от своих солдат“ («Московские новости», 30. 8. 87). кроме того, Кондратьев считает, „что нашей общественности – и особенно писательской – необходимо проявить традиционное для русских литераторов внимание к положению дел в исправительных учреждениях, то есть проявить 'милость к падшим'...“

Такое пробуждение общественной активности обнадеживает, особенно если вспомнить, что еще недавно за проявление милосердия арестовывали и клеймили „отщепенцами“ – как распорядителей, созданного Солженицыным Русского общественного фонда помощи преследуемым и их семьям, так и членов Инициативной группы защиты прав инвалидов...

Однако и после реабилитации этого очередного „буржуазного пережитка“, в дела милосердия по-прежнему не допускается организация, в самую основу которой положен принцип милосердия и любви к ближнему – Русская Православная Церковь. А если она и жертвует средства, как, например, в Фонд помощи пострадавшим от Чернобыльской катастрофы, то сведения об этом в прессу, как правило, не попадают (упоминание об этом спецкором «Литературной газеты» Щербаком 23. 7. 87 в статье о встрече с митрополитом Киевским и Галицким Филаре-

том – редкое исключение). Хотя в прессе (например, в статье А. Проханова в «Литературной газете» от 3.4.87) и стали появляться робкие намеки на то, что к делу „перестройки“ следовало бы привлечь и верующих, все же огромный духовный и материальный потенциал Церкви в „перестройку“ не пускают: существующее законодательство запрещает религиозным организациям любую социальную деятельность.

Как партия ставит себе в заслугу всю „перестройку“ – хотя именно КПСС довела страну до сегодняшнего состояния, так она хотела бы поставить себе в заслугу и прорвавшееся, вопреки ее догмам, стремление людей к добру. Культурный фонд непременно должен называться „советским“, а Детский фонд, кроме того, получать в виде привеска имя человека, несущего главную ответственность за российскую трагедию – имя Ленина. Выставка Геннадия Доброва сначала разрешается лишь на 2 часа(!), а затем портреты отверженных государством калек преподносятся иностранцам под лозунгом „Хотят ли русские войны“...

Можно, конечно, привести еще много примеров подобного лицемерия. „Перестройка“, устранив одни его формы, породила другие. Единственное, что при этом может нас утешить: в этом лицемерии все чаще просматриваются своеобразные правила игры, когда под ритуальными заклинаниями о „дальнейшем развитии социализма“ происходит отказ от обанкротившихся догм, мешающих развитию страны. Пусть в медленной и лицемерной форме, но все-таки происходит.

Добро относительно – „это все, что полезно делу коммунизма“, – утверждал Ленин.

„Мое глубочайшее убеждение: ...Добро абсолютно. И если мир наш еще существует, то в силу Добра“, – утверждает Даниил Гранин в газете «Труд» (8.7.87).

Происходящее возрождение истинной системы нравственных координат и растущая активность общественных сил – для будущего страны важнее, чем навешиваемые на этот процесс ярлыки партийных идеологов. Если эта си-

стема координат будет возрождена в масштабах всей страны, то коммунистические ярлыки рано или поздно окажутся с нею несовместимы.

РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

**Независимый русский православный
национальный журнал**

Подписка на журнал в США и Канаде на 1 год:

1. С пересылкой простой почтой — 24 ам. долл.
2. С пересылкой воздушной почтой — 39 ам. долл.

Цена отдельного номера в розничной продаже — 7 ам. долл.

Желающих содействовать бесплатной передаче журнала в Советский Союз просим увеличить подписную плату насколько кто может.

Просьба чеки выписывать на: "1000 Anniversary Committee"

Подписную плату следует посылать:

"1000 Anniversary Committee"
322 West 108 St.
New York, N.Y. 10025

В. Солоухин

Земля и люди

(Выступление по московскому радио)

Один журнал прислал мне анкету с вопросами по нашей деревне, по нашему сельскому хозяйству, по нечерноземной полосе. В числе прочих там был вопрос: Какие сдвиги в психологии сегодняшних крестьян, колхозников и рабочих совхозов, вас радуют, а какие огорчают.

Мне кажется, надо сначала заглянуть в самое начало начал, посмотреть, откуда пошла наша современная деревня, какие причины привели ее к тому состоянию, в котором она сейчас находится.

В первом номере журнала «Дон» за этот год опубликован роман на тему коллективизации, Бориса Мажаева. Этому роману предпослано небольшое предисловие академика Тихонова. После революции наше государство, отобрав землю у крупных землевладельцев, которые владели тысячами десятин земли, отдало ее крестьянам. И вот, академик Тихонов пишет: „Раскрепощенный интерес крестьянина подтолкнул его к развитию хозяйственной предприимчивости, к расширению масштабов и структуры своего хозяйства. Средний крестьянин, работая на земле, начинает рационализировать производство. В его дворах появляются первые машины, возникают так называемые „культурные хозяйства“. Наряду с земледелием

средний крестьянин занимается: кто первичной обработкой сырья, кто торговлей, кто лесозаготовкой, лесообработкой, отходными промыслами. Словом, идет закономерный процесс, который составлял объективную основу подготовки к постепенной индустриализации земледелия и соединения его с разнообразными видами неземледельческих и послеземледельческих работ. Однако тех, кто управлял тогда государством, не устраивало такое положение вещей. Они, расширительно трактуя понятие „кулак“, распространили его на тех, кто, получив землю от государства, хозяйствовал на ней и получал высокие экономические результаты только за счет своей старательности, умелости и работоспособности. Более восьмидесяти процентов валового урожая, три четверти всего товарного хлеба в те времена давал уже середняк. В выступлениях руководителей государства того времени можно четко проследить логику политики в отношении крестьянства, которую они и не считали нужным вуалировать: стране нужен хлеб. Крестьянин согласен хлеб отдать только в обмен на промышленные товары, которых у государства нет. Мы не можем за бесценок, думали они, взять хлеб у крестьянина. Мы можем взять его у колхоза. Значит надо немедленно объединить крестьян в колхозы. По отношению к тем, кто сопротивляется, применить антикулацкие законы, для чего подвести зажиточных крестьян под категорию кулака.

Коллективизацию, то есть коренное социальное переустройство села, ломающее вековые устои крестьянской жизни, разрушающее веками накопленные традиции и хозяйственные интересы крестьян, попытались осуществить за считанные дни. Но нельзя забывать, каких жертв – социальных, психологических, да и человеческих, это стоило“. Так пишет академик Академии сельскохозяйственных наук, ну, что мы и видели на самом деле, когда трудодень так называемый стоил две копейки, три копейки, когда за год колхозники получали пятнадцать-двадцать рублей зарплаты. То-есть хлеб брался бесплатно.

Вот отсюда и пошли все психологические сдвиги в среде крестьян. А для того, чтобы крестьяне не разбегались, у них не было паспортов, а без паспорта крестьянин не мог уехать никуда, не мог даже в гостинице устроиться в каком-нибудь городе, поступить на работу тем более.

Я думаю, что организаторы колхозов в то время догадывались, что урожаи резко снизятся при такой системе хозяйствования. Но они, возможно, сознательно на это шли: пусть урожаи будут не такими высокими, пусть надои молока будут не такими большими, но зато ведь бесплатно!

Сейчас многое изменилось. Урожаи-то остались низкими, надои-то остались низкими, но для государства уже, увы, не бесплатные. Те времена, когда были трудодни, они уже ушли давным-давно в прошлое. Сейчас колхозников нет, это мы только называем их колхозниками. Сейчас есть сельскохозяйственные рабочие, которые получают за свой труд зарплату большую, высокую: трактористы, доярки, дояры – они зарабатывают сейчас в деревне по 200, по 300 рублей, по 400 рублей. То есть государству сейчас хлеб дается за большие деньги. Кто-то мне назвал недавно цифру себестоимости килограмма картошки – я боюсь эту цифру произносить, астрономическая цифра.

Странное положение: государство вкладывает в наше земледелие большие деньги, но эти деньги не доходят до земли. Ну, скажем, тот же середняк, о котором писал академик. Если у него накапливались лишние деньги, он покупал триер, пусть вскладчину с соседями своими, это был элемент кооперации. Покупали они молотилку на несколько хозяйств или две молотилки на целое село, то есть деньги, которые ему давала земля, он вкладывал в ту же землю. Теперь зарплата, которую получают наши сельскохозяйственные рабочие – она не вкладывается в землю. Он на нее покупает мотоцикл, он на нее покупает заграничный магнитофон, он на нее покупает телевизор. Но деньги, миллиарды денег, которые государство выну-

ждено вкладывать в сельское хозяйство наше – они не доходят до сельского хозяйства, они идут по совершенно другим каналам, в лучшем случае на сберкнижку.

Сейчас колхозники материально живут даже лучше, чем колхозы. У него шевелится денежка на сберкнижке, а у колхоза нет денег. После известного события в 53-м году, наша литература забила тревогу, что в деревне, оказывается, не все благополучно, но думали, что председатели плохие. Если бы председатель хороший был, тогда, значит, и колхоз был бы хороший. Или, если секретарь райкома был бы хороший, то и район был бы хороший. Причины упадка нашего сельского хозяйства оказались глубже.

Да что это такое за хозяйство, когда нужны одни гении для того, чтобы колхозы были хорошими или районы были хорошими? Хозяйство должно само вести себя, должно само воспроизводить себя. Думали, что вот материальная заинтересованность закрепит, задержит людей в деревне. Оказалось наоборот: начали уезжать люди, которые поднакопили деньжонок. Скажем, взяли парня в армию. Когда его демобилизуют, ему дают паспорт, и когда у него паспорт на руках – он уже в деревню – нет! Он не возвращается, он где-нибудь оседает, где-нибудь, кем-нибудь, грузчиком, кем угодно. В районном городишке, в областном городе – только чтобы не возвращаться в деревню. Деревня наша начала выветриваться и начала пустеть.

Крестьяне перестали чувствовать себя земледельцами, хозяевами земли. Ну, а земля без хозяина начала зарастать сорняками, начала покрываться пустырями. Сейчас на огромнейших пространствах Средне-Русской возвышенности исчезают с лица земли десятки тысяч небольших деревень и деревенок. Даже термин придумали – „неперспективная деревня“. Ее сносят, ее запахивают. В лучшем случае, если там осталось два-три пустых дома, эти два-три дома покупают дачники. А земля вокруг пустует, не производит ничего. А земля должна производить, родить хлеб, родить продукты.

Беззаботность развилась в психологии крестьянина. Я бывал за границей, в Дании, например. Такой эпизод помню. У моего отца была большая семья, было семь десятин земли. Я говорю: „Покажите мне фермера, чтобы у него было семь десятин“. Показали мне. Муж с женой, лет по тридцати, оба работают. На семь десятин полтрактора – с соседом на двоих. Вот вам и кооперация, пожалуйста. „Сколько же вы за год всего произвели вдвоем?“ Ну, он открыл grossбух свой и говорит мне: „Мы за прошлый год продали две тонны яиц (в Дании почему-то даже в магазинах яйца на вес продаются). Две тонны сливочного масла – молока при расчете на сливочное масло, и 43 поросенка на бекон“. Вот вам производительность труда двух человек на семи десятинах. Две тонны яиц, две тонны сливочного масла и 43 поросенка.

Я когда вернулся оттуда – сразу в соседний совхоз: „Сколько вы в прошлом году яиц на человека в среднем наработали?“ „По три яйца на человека за год“. Вот производительность: тонна яиц на человека и три яйца.

Ну, хорошо, вот в ФРГ тоже я был. Фермер выращивает поросят до какого-то определенного возраста и продает уже другим фермерам, которые их откармливают. Говорит, ну, дела мои плохи, потому что на рынок немецкий хлещет дешевая голландская свинина – в рамках Общего рынка Европейского дешевет свинина, года три еще продержусь, а там не знаю, не пришлось бы закрывать эту ферму.

Я подумал: так наши колхозники – они же беззаботные младенцы по сравнению с этим фермером! Колхозника ничего не волнует: сколько коров, сколько телят, сколько поросят. Сколько поросят сдохло его не волнует: а чего, сейчас лучше, чем бывало. Раньше ведь в четыре часа все на полосе. А я в восемь часов встану, чайку попью, покурю, ну, пойду поработаю. А там обед, смотришь, подоспел уже. Полная беззаботность.

Расчет был на то, что крестьяне превратятся в бесплатную рабочую силу, которая будет вкалывать, как говорится, и вот производить хлеба пусть не так много,

но зато бесплатно. А превратились все эти крестьяне в иждивенцев фактически. У всех есть чувство государственного иждивенца. Государство не даст пропасть, оно зарплату всегда обеспечит.

Было время, когда семья крестьянина не могла представить себе свое домашнее личное хозяйство без коровы, без овец, без кур, без поросенка. Даже в самые трудные годы, когда налог за все это брали – они все равно держали домашнюю скотину.

Потом прошла волна: всех частных коров сдать в колхоз. Самообман был такой, что сразу увеличится поголовье скота в государстве. Из одного кармана переложить в другой – когда перекалываешь из кармана в карман, конечно, часть просыпается мимо, это естественно. Ну, потом разрешили, даже поощряют: нет, давайте опять разводите, коров разводите. А они уже не хотят. Я говорю: „Александра Кузьминична, что же вы корову снова не заводите! Все-таки молоко свое“. Она говорит: „А! Я что не допью, то досплю. В четыре часа вставать не надо, доить, выгонять на пастбище не надо. А молоко – да где-нибудь, ладно, не пропадем“.

Сейчас у крестьян фактически нет своего хлеба, своей муки, нет мельниц в Российской Федерации. У нас раньше на маленькой речке двенадцать мельниц вертелось на Колокше. Ничего нет. Надежда только на сельпо. В сельпо хлеб привозят. А представьте себе, не привезут по каким-то причинам несколько дней, неделю? А сейчас, пока его привозят, по 15 - 20 буханок тащут женщины из сельпо. Зачем? Кормить корову, кормить кур, кормить свиней. Это когда же было? Грехом считалось кусок хлеба уронить на землю. Я помню маленьким как-то уронил, так мне дед немедленно подзатыльник поддал.

Появился еще один парадокс. Колхоз – значит коллективное хозяйство. На самом деле ничего подобного. Раньше село было в значительно большей степени коллективом, чем сейчас. Во-первых, были общие сельские коллективные работы: сенокос исполнялся сообща. Можно было ударить в колокол на сходку: мужики, вот то да

то-то, мост надо там построить, починить сообща. Сейчас в колхозе каждая семья живет настолько сама по-себе, что не знают, что делается в колхозном коровнике, никому никакого дела нет. Спрашиваю, надо ли у колхозника, сельскохозяйственного работника, колхозного интеллигента воспитывать в душе чувство хозяина земли? Но ответ на это содержится в самом вопросе. Если человек является на самом деле хозяином чего-либо, то зачем культивировать в его душе чувство хозяина? Он и сам про себя знает, что он хозяин. Если же он таковым не является, то сколько ни культивируй – толку не будет.

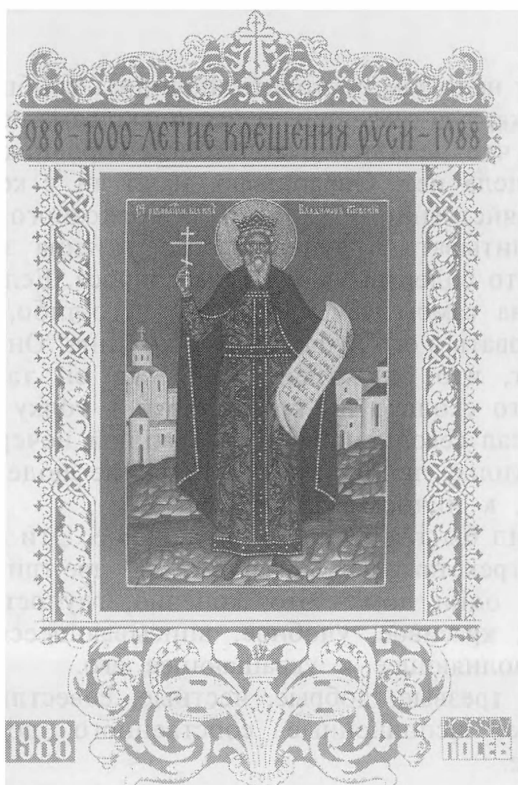
Мой идеал сегодняшней и завтрашней нечерноземной деревни: жилье, люди, земля, отношение людей к земле, к технике, к личному хозяйству?

Я ответил бы так. Жилье – отдельное. Эти вот двухэтажные, трехэтажные дома, когда две-три деревни сселяют в один дом – это, конечно, глупость. Жилье отдельное, красивое, удобное, вписывающееся в ландшафт, дополняющее и украшающее его.

Люди – трезвые, добрые, честные, совестливые, трудолюбивые, исполненные собственного достоинства, счастливые.

Земля – неистерзанная, ухоженная, привлекательно выглядящая, поля незаросшие сорняками, луга незаболоченные, незакочкованные. Деревни неразъезженные тракторами, дороги благоустроенные и аккуратные. Леса немусоренные, речки обгороженные. Хлеба высокие, густые, лен голубой, гречиха белая, клевер розовый. Над чистыми богатыми полями жаворонки звенят, которые сейчас, кстати сказать, тоже исчезают, потому что химия их убивает.

Отношение людей к земле – любовное, хозяйственное, как к родной земле. К технике – бережливое, разумное. Отношение к личному хозяйству – чтобы вся земля была единым личным хозяйством.

1988 год – тысячелетие крещения Руси

Издательство «Посев» подготовило к этой великой дате ежемесячный иконный календарь. На титульном листе воспроизведена икона Св. равноапостольного Великого князя Владимира. Золотой художественный орнамент сделан в древнерусском стиле (оформление художника А. В. Русака). В календаре 13 репродукций русских православных икон, с полными святыми, Евангелием и Апостолом на каждый день. Весь текст календаря, за исключением святцев, четырехязычный – русский, английский, немецкий, французский.

Размер календаря – 41 x 30 см. Печать икон – многокрасочная. Календарь покрыт защитной пленкой.

Цена календаря 40 немецких марок (без пересылки).

Заказы направлять: Possev-Verlag, Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt a. M. - 80.

М. Рузин

Несколько стихотворений из «Огонька»

Следует сразу оговориться: совсем не поэзия определяет сегодняшнюю популярность этого еженедельника, который при тираже в полтора миллиона экземпляров купить в киоске можно, лишь заняв очередь с раннего утра, задолго до открытия. «Огонек» привлекает внимание читателя публицистикой, рассекречиванием все новых и новых социально-политических табу, заполнением „белых пятен“ истории: то, например, появляется статья о систематических пытках в милиции, то письмо Сталину посла-невозвращенца 1938-го года Ф. Раскольникова, представленного теперь героем.

Но такие „разоблачения“ быстро теряют новизну. После шума вокруг первой публикации, которая словно скальпелем вскрывает запретную тему, последующие статьи о том же выглядят само собой разумеющимися, читатели ждут новых „хирургических операций“ над запущенными (и бесчисленными...) гнойниками зрелого социализма.

И, кроме того, дело не только во вскрытии нарывов: важнее разобраться в причине самой болезни, вызывающей их. А соответствующих разделов – философско-идеологических – в журнале нет. Да и не скоро еще „гласность“ позволит приблизиться к мировоззренческой свободе обсуждения идейных истоков коммунистического тоталитаризма.

Вот и получается, что порою глубокое постижение сути режима встречаешь не в публицистике, а в художественном жанре – например, в поэзии. Там нет прямых политических выводов, но настоящее искусство воздействует на нас иным, непосредственным способом: своей причастностью к вечной истине.

И еще одна оговорка. За последний год читатели «Огонька» смогли открыть для себя новые поэтические произведения таких выдающихся мастеров слова, как Анна Ахматова, Константин Бальмонт, Андрей Белый, Максимилиан Волошин, Николай Гумилев, Николай Клюев, мать Мария, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Игорь Северянин, Владимир Соловьев... Творчество их хорошо известно в эмиграции, и вряд ли имеет смысл их здесь цитировать. Поэтому хотелось обратить внимание на менее заметные, современные имена и привести два примера стихов, авторы которых, как кажется, меньше всего думали о внешней красивости. Это стихи, которые впечатляют своей пронзительной простотой.

*

Анатолий Жигулин. В 1940-х – 1950-х годах колымский „зэк“. С 1964 года выпустил несколько поэтических сборников. Стихотворение («Огонек» № 33, 1987 г.) называется „Памяти друзей“ и датировано 1987 годом:

**Я полностью реабилитирован.
Имею раны и справки.
Две пули в меня попали
На дальней, глухой Колыме.**

Одна размозжила локоть,
Другая попала в голову
И прочертила по черепу
Огненную черту

Та пуля была спасительной –
Я потерял сознание.
Солдаты решили: мертвый,
И за ноги поволокли.
Три друга мои погибли.
Их положили у вахты,
Чтоб зэки шли и смотрели –
Нельзя бежать с Колымы.

А я, я очнулся в зоне.
А в зоне добить невозможно.
Меня всего лишь избили
Носками кирзовых сапог.
Сломали ребра и зубы.
Били и в пах, и в печень.
Но я все равно был счастлив –
Я остался живым.

Три друга мои погибли.
Больной, исхудалый священник,
Хоть гнали его от вахты,
Читал над ними псалтырь.
Он говорил: „Их души
Скоро предстанут пред Богом.
И будут они на Небе,
Как мученики – в раю“.

А я находился в БУРе.
Рука моя нарывала,
И голову мне покрыла
Засохшая коркой кровь.
Московский врач-„отравитель“
Моисей Борисович Гольдберг

Спас меня от гангрены,
Когда шансы равнялись нулю.

Он вынул из локтя пулю –
Большую, утяжеленную,
Длинную – пулеметную –
Четырнадцать грамм свинца.
Инструментом ему служили
Обычные пассатижи,
Чья-то острая финка,
Наркозом – обычный спирт.
Я часто друзей вспоминаю:
Ивана, Игоря, Федю.
В глухой подмосковной церкви
Я ставлю за них свечу.
Но говорить об этом
Невыносимо больно.
В ответ на расспросы близких
Я долгие годы молчу.

За внешней сдержанностью автора – какой чувствуется ад, пережитый страной... Какое ощущение мистической глубины происходящей трагедии: „Их души предстанут пред Богом“, как мученики – убиенные силой зла. И каким диссонансом к этим строкам звучит помещенное рядом напыщенное и политически расчетливое стихотворение Евг. Евтушенко „Еще не поставлены памятники“ – Блюхеру, Якиру, Тухачевскому, то есть тем, кто и сам несет ответственность за этот ад... Примечательно, что читатели «Огонька» мгновенно заметили фальшь поэта, рядящегося правдолюбом. В «Огоньке» №36 опубликовано письмо Л. Аннинского, высказавшего то, что в помыслах сотен тысяч читателей еженедельника и миллионов людей, его не читающих. Он пишет: „В №33 Евгений Евтушенко в стихотворении о памятниках, которые надо поставить жертвам необоснованных репрессий, пишет:

Кровавые слезы Блюхера

в металле еще отольются

Якир с пьедестала протянет

гранитную руку стране...

Хотелось бы знать, как Евгений Евтушенко относится к тому факту, что подпись Блюхера в 1937 году стояла под обвинительным приговором Якиру. Факт этот сейчас довольно известен: он освещен в статье Ивана Жукова, в вашем же журнале, в №31. Так что, наверное, я не единственный, кто может задать поэту такой вопрос.

В отличие от многих наших критиков я не претендую увидеть свое письмо на страницах «Огонька» (хотя с этого года являюсь его подписчиком). Я претендую на другое: как бы нам перестать быть наивными людьми?“

*

Совсем мало известен молодой поэт Михаил Поздняев. Его поэма „За оврагом“ (опубликована в №20, 1987 г.) невелика. „Публицистическая поэма“, – уточняет во вступлении к публикации Роберт Рождественский: так пишут, „когда человеку очень больно, а он старается говорить сдержанно. Из всех сил старается“ – и тогда „боль клочечет внутри каждой фразы“, „заполняет все паузы между словами“.

Сначала поэт дает несколько зарисовок сегодняшней Москвы:

Бывший храм Покрова,

на окраине пустыря,

прежде бывшего неким обширным селом

Покровским,

вдруг исчезнувшим –

вроде мыльного пузыря

или горсти пепла под легким напором ветра...

Да с какою же силой шарахнуло здесь тогда –

так что крови ни капли,

а души как есть отшибло, –

если даже поныне в черемуховые холода
по всему району в радиусе километра
разливается

запах портвейна или шипра
и горячая прекращает идти вода?..“

А в бывшем храме – „здание Фабрики Вторсырья,.. где двенадцать бушлатов на вате / круглосуточно в три захода в поте лица / тянут проволоку и плетут из нее кровати / госпитального и армейского образца“...

Михаил Поздняев смотрит на свою столицу глазами того самого потомка, которому партия торжественно обещала „светлое будущее“ и который теперь старается понять: что же „шарахнуло здесь тогда“ с такой силой, что на месте величественного храма Христа Спасителя образовалась дымящаяся дыра-воронка бассейна, в котором нежат свои тела „благодарные россияне“ 80-х годов? Что здесь шарахнуло 70 лет назад, откуда на нашу землю свалились духовно неразвитые пришельцы, врубившие меж церковей на Зарядье свой „ломовой отель“, „полыхающий синим пламенем“? Какая злая рать прошла по земле, уничтожив храмы, разрушив тысячелетиями складывавшуюся мораль, отравившая природу?

„Пустырь на месте спаленной азотом рощи и текущая вспять отравленная река...“ Потомки оценят эти достижения таким вот памятником:

**„... в парке культуры
(да поймет меня современник мой и простит)**

до небес вознесутся

две нагие скульптуры,

два лихих физкультурника,

два безумных фантома:

человек, поджигающий кровлю отчего дома...

человек, подрубающий сук, на котором сидит...“

В этих строках – не просто крик боли, но и приговор тем, кто вознамерился „весь мир до основанья раз-

рушить“, а на обломках построить новый – без вечных ценностей, лишь с классовой моралью и лишь с партийной истиной. Но, утверждает молодой поэт, – „...если свято место пусто – на этом месте ничему хорошему вырасти не дано“.

В поэме Михаила Поздняева, однако, не только боль и обличение. Он ищет выход, он обращается с молитвой к Тому, Кого отвергли строители „нового мира“, прославленные „инженеры по землетрясениям“, взрывавшие монастыри:

„Отче милостивый,
велико же твое терпение,
и в веках неисповедимы твои пути,
и щедроты неисчислимы твои воочью –
раз во гневе наши тела не разносишь в клочья,
наши блочные дóмы удерживаешь в горсти,
но себя и свой Дом
отдаешь нам на истребленье
в девяти, как правило, случаях
из десяти.
Он стоит, этот Дом, в дебрях терниев и
чернобыла,
принимая под кров,
сквозь который звезды видны,
будто блудного сына – маленького дебила,
молчаливого ветерана семейной войны...“

Поэма заканчивается молитвой к Господу из 50-го псалма Давида, читаемого во время каждой литургии: „Не отвержи мене от лица Твоего и Духа от мене Твоего Святого не отыми!“ Приводим эту цитату в правильной орфографии, ибо, при всей похвальной решимости на публикацию такого страстного обличения, смелости на большие буквы в обращении к Богу у цензора не хватило. А ведь сегодня в советских изданиях это уже не редкость...

Стоит напомнить, что в следующих строках этого псалма слезы покаяния сменяются надеждой на возрожде-

ние: „Возврати мне радость спасения Твоего, и Духом владычественным утверди меня“.

*

Позволим себе привести еще одно стихотворение из «Огонька» (№ 33, 1987 г.), хоть оно и не совсем укладывается в критерии, по которым были выбраны первые два. Это перевод стихотворения Германа Гессе „Служение“, сделанный известным исследователем античной и христианской культуры, философом Сергеем Аверинцевым, внесшим немалый вклад в процесс возвращения российского общества к своим духовным истокам – к православию. Важно, однако, не чье стихотворение, а о чем оно, и в какое время предложено Аверинцевым для публикации – в небольшой подборке переводов поэзии из разных эпох, объединенной общим устремлением к высшей гармонии, духовности и любви в период „кризиса прежних ценностей“:

**Когда-то, в дни первоначальной веры,
Своим владыкам поручал народ
Блести в кругу пастушеских забот
Высокий строй ненарушимой меры –**

**В ладу с иною мерой: той, что око
Угадывает, вникнув в ход светил,
Ведомых в веденье числа и срока
Разумным равновесьем скрытых сил.**

**Но древнее преемство благостыни
Пресеклось, меры позабыт закон,
И человек надолго отлучен
От мирового лада, от святыни.**

**Но мысль о них светила и в разлуке,
И нам поручено: завета смысл**

**В игру созвучий и в сцепленья числ
Замкнуть и передать в иные руки.**

**Как знать, быть может, свет на нас сойдет,
И повернется череда столетий,
И Солнцу в правоте воздать почет
Сумеют примирившиеся дети.**

*

„Динозавры вымерли потому, что изменился климат“, – сказал новый (с 1986 г.) главный редактор «Огонька» Виталий Коротич 5 марта, в день смерти Сталина, в беседе „Писатели у микрофона“ по московскому радио. – Вот и мы изменяем духовный климат страны, очищаем ее атмосферу... Чрезвычайно важно, чтобы одни чудища не пришли на смену другим“. Правда, когда „самые смелые статьи подписываю в печать, привычно размышляю следующими ночами о том, что же мне за них будет...“

А противники нового «Огонька» обнаружили не только среди партийных догматиков, но и в кругах, претендующих быть единственными, кто отстаивает „национальные ценности“. Причем отстаивают они их не так, как авторы цитированных выше стихов, а в „нёрзрывной связи с идеями партии“. Так, например, заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия» Вячеслав Горбачев до глубины души оскорблен тем, что Коротич убрал орден Ленина с обложки журнала и что „...само понятие партийности литературы и искусства исчезло со страниц «Огонька»“ («Молодая гвардия» № 7, 1987 г.). За идеал нравственности В. Горбачев советует взять ленинские слова, что „нравственность из велений бога... это обман... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма“. Тут же однофамилец генсека порицает тех, кто не хочет „простить Сталина“ и „ворошит старые могилы“ (речь идет о фильме Т. Абуладзе „Покаяние“, поэме А. Твар-

довского „По праву памяти“ и напечатанном в СССР романе А. Бека „Новое назначение“). Тогда как творения, „называемые вчера эпохальными и великими, даже если об этом молчит «Огонек», такими же остались и сегодня“ (имеются в виду произведения „писателя“ Брежнева). Другой писательский и редакторский идеал В. Горбачева – покойный лидер сталинистов времен хрущевской „оттепели“ В. Кочетов. Перечислив все эти аргументы, зам. главного редактора «Молодой гвардии» восклицает: „Кому это выгодно – отказываться от такого духовного богатства?!“

Примерно в том же духе достается от „истинного патриота“ В. Горбачева и другим, наиболее смелым органам печати: «Новому миру», «Московским новостям», «Литературной газете», «Октябрю»...

Справедливости ради следует отметить, что тема защиты русской национальной культуры постоянно присутствует в «Огоньке»: можно вспомнить, например, интервью с академиком И. В. Петросяновым-Соколовым и отклики читателей на него, статью Владимира Солоухина о плачевном состоянии церкви в Абастумане (Грузия) с фресками работы М. В. Нестерова, материалы в защиту русской деревни, Звенигорода, старого Арбата... При всех своих недостатках (главный, из которых в том, что свобода слова в СССР еще не наступила) «Огонек» стоит в первом ряду тех органов печати, которые расширяют границы гласности. А вот по «Молодой гвардии» никак не скажешь, что брежневские времена в стране кончились...

Конечно, можно критиковать публикации и в «Огоньке», и в любом из упомянутых журналов. Часто они того заслуживают. Можно применить при этом и такие критерии, как полнота и глубина отражения духовных ценностей русской национальной культуры. И тогда нужно отметить, что пока в СССР под запретом богословская литература и религиозно-философское наследие XIX – XX веков – об этой полноте и глубине говорить не приходится. Но упаси нас Боже от таких самозванных „национальных вождей и учителей“, умственный

кругозор и духовный уровень которых схожи с „духовным богатством“ Вячеслава Горбачева.

Вероника Аренс-Пулавская

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ КНИЖНОГО МАГАЗИНА

G L O B U S

A SLAVIC BOOKSTORE

Предлагает книги, напечатанные эмигрантскими издательствами. Имеются новинки, старые редкие книги, журналы, газеты, открытки, пластинки, кассеты, плакаты. Разыскиваем редкие книги по заказам.

ВЫПОЛНЯЕМ ЗАКАЗЫ ПО ПОЧТЕ

Адрес: 332 Balboa Str. San Francisco, CA 94118
Т. (415) 668-4723

МАГАЗИН ОТКРЫТ ЕЖЕДНЕВНО

(кроме воскресенья)

С 10 до 6 ч.

Русские люди!

За грехи наши и за грехи отцов наших Бог посылает нам испытания.

Будем просить Его о прощении. А чтобы молитва наша была сильна и чтобы Бог услышал нас, будем молиться Ему все в одно время: по московскому времени в 6 часов утра.

Встал ли ты только с постели, или идешь на работу, или уже на работе, читай про себя в уме молитву о спасении России. А чтобы молитвы всех молящихся слились воедино, читай неторопясь несколько минут:

Отец наш небесный!

Именем Господа нашего Иисуса Христа и Матери Его, Пресвятой Девы Марии и всех святых Твоих, молим Тя, услыши нас грешных молящихся Тебе. Прости грехи наши и грехи отцов наших.

Спаси землю русскую — удел Богоматери и русский народ от всех врагов его, и укрепи державу Твою и веру православную.

Святой Боже! Святой крепкий! Святой бессмертный, помилуй нас! (три раза)

И. Ланской
Джорданвиль, С Ш А

В. Щ у б а ч е в

Кого и почему пугает „П а м я т ь“ ?

(Обзор советских публикаций)

Прежде чем говорить о национально-патриотическом объединении „Память“ в современной России, уже вызвавшем целую бурю не только в Советском Союзе, но и на Западе – нелишне задуматься над тем, что означает само это слово.

Стандартный советский «Словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет так **память**: „Способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений“. «Толковый словарь живого великорусского языка» Вл. Даля толкует это живое слово (не отвлеченное понятие!) много проще и понятнее, притом на родном нам языке, а не советском псевдо-научном жаргоне: „**Способность помнить, не забывать прошлого; свойство души хранить, помнить сознание о былом**“. При этом и слово „сознание“ у Вл. Даля имеет смысл не отвлеченно-рассудочный, вкладываемый в него советским вокабулярием: „Сознавать; сознать“ для русских людей прежде значило – „убедившись в истине, признать или понять ее, изменить прежнее мнение свое“. Итак, не просто механиче-

ская „способность воспроизводить в сознании“ – но свойство души, имеющее непосредственное отношение к ИСТИНЕ. Память – это душевно-нравственная связь с прошлым, разумная уверенность в былом, сознание своих корней.

Десять лет назад в Москве собирали материалы для исторического сборника, который затем публиковался на Западе, под названием «Память». Вышло всего пять выпусков, потом издание почему-то заглохло. В предупреждении „От Редакции“, составленном в Советском Союзе, можно было прочесть следующее: „Есть тяжкое заболевание – потеря памяти. Индивида оно обрекает на утрату едва ли не самых ценных и важных человеческих свойств – ощущения преемственности, личной связи с собственным прошлым. Что же происходит, если подобное заболевание, вызываемое социальными и иными причинами, охватывает общество в целом?“

Смысл этого риторического вопроса предельно ясен – и живущим на родине, и „в рассеянии сущим“: всем, кто не ограничивается исключительно личными переживаниями и ощущениями, кто способен подняться мысленно и душевно до „связи времен“. Материала накопилось более чем достаточно, за минувшие семь десятилетий.

Редакция московского сборника справедливо отмечала: „Там, где нарушена общественная память, там место всем другим общественным бедам и недугам. Там, где обеднена память, обеднена – в самых жизненных основаниях – культура, а с нею вместе и нравственность, во всех своих проявлениях, от политики до быта“.

Мотивируя необходимость такого рода издания, Редакция писала о „нарастающей в глубине общества, особенно у молодого поколения, **потребности в исторической правде**“ (все цитаты по изданию: «Память. Исторический сборник. Выпуск первый». Москва – 1976, Нью-Йорк – 1978).

Можно только приветствовать эти усилия к воскрешению памяти, это стремление удовлетворить потребность в истине, с ее историческими корнями. К сожалению, с

самого начала „восстановление исторической истины“ в сборниках материалов приняло характер тенденциозный и односторонний. „Воспоминания“ М. Шапира, М. Штэнберг, М. Шульман – в первом выпуске; „мемуары первого Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики (?)“ И. Вацетиса – во втором; „Социал-демократическое движение молодежи 1920-х годов“ М. Тиля – в третьем; интервью (в записи А. Мееровича) Е. Гнедина (сына Парвуса) „В Наркоминделе, 1922-1939“ – в пятом выпуске. Разные мелочи – „из истории культуры“: письмо Л. Брик Сталину (1-й выпуск), „Еще одна версия звонка Сталина Пастернаку“ (2-й вып.), „Суд над Я. Блюмкиным в 1919“ и „Из записок троцкиста Н. Гаврилова“ (3-й вып.), ответ Р. Пайпса на рецензию А. Шанецкого (вып. 4-й), посвященную его книге „Россия при старом режиме“ (5-й вып.)... Конечно, были и материалы иного содержания, – но в целом, издание осталось **памятью** лишь части либерально-диссидентской интеллигенции, стремившейся вспомнить и увековечить прежде всего, „своих“ героев и мучеников идей вполне определенных.

Но „способность помнить, не забывать прошлого“ свойственна не только левой, сознательно-„интернационалистски“ настроенной интеллигенции в Советском Союзе. Той интеллигенции, которая недавно устами новейшего эмигранта-еврея, нашедшего пристанище в Германии и (естественно!) включившегося в полемику о „немецком прошлом“, восклицает: „Гордиться чувством привязанности к стране своего происхождения нелепо, скорее его можно стыдиться, можно стыдиться этой родины, понимая, сколько зла она принесла другим людям, другим странам и народам“ (см. «Страна и мир», 1986, № 12, стр. 93).

Естественно было ожидать, что стремление к восстановлению попорченной исторической правды в полном ее объеме пробудится, наконец, и в тех кругах на родине, где никто и никогда, ни при каких обстоятельствах не повторит демагогического и провокационного лозунга: „мне стыдно, что я русский“. В русской, духовно пробуж-

дающейся среде.

*

Широкая известность «Памяти» началась с демонстрации 6-го мая 1987 года в Москве. Привыкшие к совершенно иного рода „манифестациям“, москвичи и иностранные журналисты были буквально **опарашены** самой настоящей демонстрацией-шествием с лозунгами весьма необычными, типа – „Защитим русские памятники Отечества!“

Вот одно из зарубежных сообщений печати об этом событии: „6. 5. 1987 г. в Москве от 200 до 400 человек прошли маршем от площади 50-летия Октября (бывшая Манежная) к зданию Моссовета. Демонстранты принадлежали к неофициальному обществу «Память», выступающему за сохранение исторических памятников. Они несли лозунги, требующие прекращения разрушения исторических памятников в Москве, и лозунги в поддержку реформ М. Горбачева. Демонстрантов принял, по их требованию, 1-й секретарь МГК КПСС Б. Ельцын, который беседовал с ними 2 часа. О демонстрации сообщили газеты «Московская правда» и «Московские новости». Общество «Память» добивается официальной регистрации. Кроме сохранения исторических памятников, общество ставит перед собой задачу борьбы с бюрократией, которая, по его мнению, является 'чудовищем, порожденным масонами, сионистами и империалистами'...“

Несколько позже, на Запад поступил самиздатский документ с описанием некоторых подробностей и „подтекста“ этой неожиданной и наделавшей много шума демонстрации. Незвестный автор сообщал из Москвы:

„Идея этой демонстрации зародилась на Поклонной горе, которая является памятником не только далекого прошлого (событий XIV - XX веков), но и сражений Отечественной войны 1941 года. Здесь, от бывшей дачи Сталина в деревне Давыдково, до Москвы-реки, осенью 1941

года находилось 14 мощных долговременных огневых точек (ДОТов). Они были соединены подземными ходами и составляли опору обороны важного участка фронта. Самая высокая точка местности – нынешняя площадь Победы. Там, напротив Арки Победы, в 1941 стояли тяжелые орудия, наведенные на Минское шоссе. Согласно решению Мосгорисполкома укрепления разрушили к 26 января 1987 года. А со 2-го мая приступили к сносу **косы** (ее ширина – 20 метров, длина – 30 метров), которая в первые годы войны служила естественным рубежом обороны Москвы. Заодно начали сравнивать то, что осталось от Поклонной горы. На этих работах было занято 10 экскаваторов и около 20 грузовиков.

Группа патриотов, во главе с полковником Ерофеем Левшовым, обратилась к инструктору ЦК КПСС Кошкину, затем – к начальнику Главного управления дорожно-шоссеяного строительства Москвы, Строеву. Оба они обещали доложить по начальству, но работы в районе Поклонной горы продолжались круглые сутки, в три смены – до 9 мая.

6 мая на Манежной площади собралось до 500 человек. В руках они несли транспаранты: „Требуем встречи с М. С. Горбачевым и Б. Н. Ельцыным!“, „Прекратить работы на Поклонной горе!“, „Статус – историко-патриотическому объединению Память!“, „Восстановить Поклонную гору!“, „Защитим русские памятники Отечества!“, „Судить палача Лазаря Кагановича!“...

„Организаторами манифестации, – утверждает неизвестный информатор из СССР, – были Васильев и Емельянов, автор книги „Десионизация“, вышедшей в свет на Западе... Третьим, наиболее активным, является полковник Левшов...“

„Беседа с Ельцыным демонстрантов не удовлетворила. Первый секретарь МГК обещал, например, прекратить разрушение района Поклонной горы, но слово не выполнил.

9 мая демонстранты собрались вновь – в числе 200 человек около Арки Победы. Очередной сбор на демон-

страцию назначили на 17 мая. Требования: 1. Спасти памятники русской истории и культуры. 2. Открыть народу всю правду о сталинских преступлениях...”

Неизвестно, состоялась ли демонстрация 17-го мая (предыдущая фактически была разогнана милицией, хотя и без насилия), но в этот день в газете «Московские новости» появился отчет о беседе Бориса Ельцина с членами объединения «Память», озаглавленный: „Поговорим на-равных“. Характерно редакционное введение к этому отчету двух журналистов: „О демократизации в Советском Союзе сказано много. Меньше известно о тех новых явлениях в нашей жизни, которые она порождает. Свидетелем одного из таких явлений Москва стала в среду 6 мая“.

На советском газетном жаргоне (который в основном несколько не изменился и при начавшейся „демократизации“) глагол „порождать“ неизменно связан с „негативными“, отрицательными явлениями в жизни, или с таковыми, которые хотят представить „вредными“, „опасными“, „недопустимыми“. Отношение авторов отчета (и Редакции «Московских новостей») к „тем, кто именует себя историко-патриотическим объединением «Память»“ – вполне однозначно, несмотря на внешнюю „объективность“ в передаче фактов.

„Объединение“ это (кавычки газеты) возникло на самостоятельной основе и отличается большими контрастами. С одной стороны, призывы к охране памятников старины, искоренению пьянства и алкоголизма, охране окружающей среды. А с другой – распространение вздорных вымыслов о том, будто в мире в целом и у нас в стране действует некая „заговорщическая организация“, задавшая целью уничтожить исконную культуру (?), „американизировать“ советское общество, обострить социально-экономические проблемы СССР, используя ’бюрократию – эту гидру мирового масонства, сионизма и империализма’ “.

Утверждение о некой „заговорщицкой организации“ остается в названной статье нерасшифрованным. Выраже-

ние „исконная культура“, видимо, должно обозначать **русскую** культуру: в этой первой официальной публикации о «Памяти» еще не вскрываются ее „националистические“ корни. Члены объединения не обвиняются еще прямо в „великорусском шовинизме“ и „антисемитизме“, но подчеркивается их абсолютная нетерпимость к иному мнению, недопущение того, что кто-то, кроме них, может быть прав“.

Сам отчет о беседе с Б. Ельцыным – совершенно рутинный. „Обращаясь к участникам встречи, Борис Ельцын сказал, что многие из поставленных ими вопросов обоснованны (?), а людьми, их задающими, движет чувство патриотизма, любви к Родине. Однако, они не во всем правы в своих посылках и выводах“. В этих словах партийного босса, заслужившего популярность своей поддержкой демократической „гласности“ (и „сгоревшего“ на этом!) можно заметить весьма **осторожное** отношение партийных верхов к национально-патриотическому объединению, перерастающему в самое настоящее народное движение – как показала демонстрация.

3 июня в «Известиях» появилась пространная статья – „Куда уводит «Память»“. Она удивляет необычным для советской прессы увещательным тоном. Несмотря на чудовищные – с точки зрения советских идеологов, обвинения в таких „уклонениях“, за которые еще совсем недавно без лишних разговоров отправляли в кондей, – статья всего лишь констатировала „демагогию группы лиц, эксплуатирующих реальную озабоченность людей актуальными проблемами...“ Этих „демагогов“ – прямо называемых по имени – даже не „призывают к порядку“! Авторы статьи в «Известиях» ограничились всего лишь отеческим поучением, пытаясь продемонстрировать читателям газеты их „полужнание истории и современности“, их „дремучие представления, далеко уводящие от подлинно жизненных вопросов“.

И тут ошеломленные читатели «Известий» узнали со страниц своей газеты о существовании некоего документа, столь сомнительного, что „ученые-историки“ „не

считают даже нужным вникать в историю появления“ его. Речь идет – о „Протоколах сионских мудрецов“. К этой теме мы еще вернемся в дальнейшем.

*

Статья неизмеримо более „наступательная“ была напечатана раньше, 22 мая в «Комсомольской правде», за подписью Е. Лосото. Автор этой статьи, прямо ставил патриотическое объединение «Память»... к стенке. Ее название – нарочито издевательское: „В беспамятстве“; подзаголовок: „Куда ведут руководители так называемого(!) объединения «Память»“. Не „куда уводят“, а – „куда ведут“: в этом риторическом восклицании имплицитно содержится и ответ – „не туда, куда надо“.

Читателям «Комсомольской правды» напомнили о зловредности „патриархального патриотизма“ „сплошь неграмотных крестьян, веками веривших в Бога (в тексте – разумеется – с маленькой буквы!) и царя, и веками сваливавших все зло на черта и иноверца“. Подобный **плохой** патриотизм „во мгновение ока оборачивается в национализм“. Далее следует затейливый стилистический оборот, с помощью которого вводится главная тема статьи: „Поднесите к нему (к такому нехорошему патриотизму) зажженную спичку антисемитизма – и вы увидите... «Память»“. Очень легко выстраивается знакомая цепочка, которой охотно спекулируют **вчера**шние советские журналисты, выехавшие на Запад и теперь выступающие здесь главными экспертами по русским делам: „патриархальный“ патриотизм – это тот же национализм (великорусский), который является синонимом шовинизма, сиречь – антисемитизма. Отсюда – всякий русский, осмеливающийся говорить о своем патриотизме – потенциальный (или скрытый) антисемит.

Особенность демократической „гласности“ в СССР – нападения на патриотизм: в «Правде» 7 октября появилась статья И. Сергеевой о том, что в школах детей обучают „ложному патриотизму“...

И. Сергеева – судя по этой статье – из громил старой еще школы. После нравоучительной сентенции: „Не знаешь прошлого – не сможешь разобраться в настоящем, не сможешь взглянуть в будущее“ (бессознательный перифраз из Дж. Орвелла?) – поясняется, что „знать прошлое“ – „еще не значит поднимать, то есть брать с собой все без разбора“: „не все надо тянуть за собой, объявляя и прогрессивное, и реакционное одинаково нужной нам единой русской культурой“. Это – хорошо и давно известная операция расчленения единого тела русской культуры по „классовому“ признаку: нам, русским, позволено знать одних и запрещено знать других, „реакционных“ – писателей, мыслителей, историков. Недавно напомнил об этом историк Натан Эйдельман в провокационном письме В. Астафьеву; об этом ведет речь Е. Лосото в молодежной газете. Но сей автор идет дальше, и допускает беспрецедентный по нынешним „перестроечным“ временам, грубый и наглый выпад против Православия, против тех, кто „откапывает и реставрирует православную старину“.

Для автора статьи в «Комсомольской правде» „точка отсчета – 1917 год“: „Он действительно поворотный, в том числе для 'святого' – он действительно 'выбил' 'святое'. А если православие считать нашей историей, то да, эту историю на самом деле выбили из-под ног, и правильно сделали“.

В другой публикации этого своеобразного „цикла“, направленного против «Памяти» (о ней мы будем говорить ниже) приводится выдержка из дореволюционной „черносотенной“ книжки, где характеризуется программа „революционеров“. „Главное – приучить народ к тому, что ничего святого у него нет и не должно быть. Опасно оставлять ему веру в какую-нибудь общую всему народу святыню, потому что он может тогда поголовно встать на ее защиту“ (см. «Огонек», 1987 - №21). Прочтите эту цитату – и сравните с приведенными выше словами советской журналистки – о „выбивании“ святого (и словечко-то какое точное, из лексикона заплечных дел мастеров!)...

Можно себе представить, насколько сильным было негодование читателей этой инвективы Е. Лосото, если Редакция «Комсомольской правды» вынуждена была в подборе откликов на нее поместить (24. 6. 87.) и это короткое письмо: „Выражаем решительный протест по поводу публикации злобной, необъективной статьи. Семья Феоктистовых. Южно-Сахалинск“.

Статья, действительно, **злобная**. И выпад автора против „православной старины“ – не случаен. Он получает развитие. Описывая один из вечеров «Памяти», где рассказывалось о добровольной работе участников патриотического объединения по восстановлению церквей и „по очищению оскверненных могил на территории завода „Динамо“, – Е. Лосото фактически берет под защиту осквернителей священного праха! „В церковном помещении, находящемся на территории завода, – сообщает она, – похоронены герои Куликовской битвы. Люди, которые на этом месте устанавливали компрессоры (!), о захоронении героев не знали...“ Читатель прежде всего задает себе вопрос – каким образом „церковное помещение“ оказалось „на территории завода“, притом „помещение“ со священным прахом героев национальной истории? В статье это никак не объясняется.

Между тем, случай этот – далеко не единственный и даже, быть может, не самый впечатляющий для уставшей от подобных оскорблений души русского человека. А что сделали с памятником на Бородинском поле – возведенном 150 лет назад в память о героях Отечественной войны 1812 года? Научный сотрудник из Московского университета А. Кузнецов рассказал в «Новом мире» (№9) об акте беспримерного вандализма – санкционированного сверху – в 30-е годы: могильный памятник кн. Багратиону (прах которого был специально перенесен на Бородинское поле в исключительно торжественной обстановке в 1839 году) тогда „был продан на слом Рудметаллторгу“, склеп взорвали и разграбили – в гробу Багратиона грабители нашли золото. Эти бесценные реликвии (ордена и воинские знаки отличия) в те времена снесли в торгсин,

где их принимали на вес. Приводится – со ссылкой на тогдашнюю прессу – и лихая надпись на каменной стене бывшего монастыря, построенного на Бородинском поле: „Довольно хранить наследие проклятого прошлого!“ Называется имя организатора этого ритуального бесчестия – некий Радус-Зенькович, бывший тогда ни более ни менее как заведующим музейным отделом Наркомпроса... Не является ли Е. Лосото – со своими погромными заявлениями в «Комсомольской правде» – преемницей всех этих радус-зеньковичей 30-х годов?!

Вот что заявляет она по поводу уничтожения храма Христа Спасителя – другого величественного монумента героям 1812 года (обратите внимание – систематически разрушались именно **патриотические** памятники, свидетельства „патриархального“ патриотизма!): „Жаль храма, жаль, тем более, что уничтожение его было вызвано не требованиями революционной обстановки (это преступление было совершено в 1932 году – Ред.), а недомыслием, непониманием прекрасного... Но махать кулаками после драки (!) – дело пустое“. „Недомыслие“... Небось, у Е. Лосото не повернется язык выразиться таким образом о разрушении, например, Храма Соломона...

Со злобной настойчивостью и каким-то остервенением Е. Лосото отстаивает закономерность и неизбежность подобных святотатственных разрушений памятников русской культуры, взрывы храмов, уничтожение святынь: „Ведь тогда это были не памятники, а гнезда клерикальной реакции“. Это написано – черным по белому в номере «Комсомольской правды» от 22 мая 1987 года! Стоит ли после этого удивляться, что вечера «Памяти» собирают тысячи слушателей, которые устраивают овации ораторам, призывающим к ответственности виновных, открывающим глаза на сознательно и планомерно проводившееся уничтожение всего святого?!

В статье приводятся слова одного из таких ораторов: „Есть патриотические силы – а есть погромные силы“. Е. Лосото не нравится это определение, – ведь для нее и ей подобных писак „погромные“ силы связаны с „черно-

сотенством“. Но никакие „черносотенцы“ не сделали и тысячной доли тех преступлений, какие были совершены погромщиками русской культуры, и которые теперь оправдываются их идейными преемниками на страницах советской печати! На вечерах «Памяти» называются и имена этих погромщиков. Первый из них – Лазарь Мойсеевич Каганович. Или из-за того, что он – еврей, обвинять его нельзя, навлечешь на себя обвинение в антисемитизме? Но участники «Памяти» хотят идти до конца – чем пугают нынешних адвокатов Великого погрома русской культуры. В статье приводятся слова В. Виноградова, архитектора, председателя московского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: „Сейчас та минута, когда надо спасать отечество; уничтожение национальных святынь продолжают сообщники преступлений Кагановича...“

Русскоязычная газета «Русская мысль» познакомила своих читателей с более полным отчетом о том вечере «Памяти» в Москве, на котором выступал В. Виноградов – озаглавив это: „Антисемитские выступления в Центральном Доме Художника“. Действительно, на вечере говорилось о том, что уничтожение памятников истории и культуры в Москве, практиковавшееся с 20-х по 80-е годы, было делом мертвых душ, последователей и агентов Троцкого, Кагановича... „Снос храма Христа Спасителя – ритуальное убийство“. Утверждалось, что ленинская теория „двух культур“ в единой национальной культуре, которую, в частности, защищает Е. Лосото, пропагандируется врагами нашего наследия: уничтожение памятников древнерусской старины и попытка поворота северных рек – практическое следствие теории „двух культур“. Но на этом вечере решительно были отведены провокационные обвинения в антисемитизме. „Мы не антисемиты. Мы против расизма“, – твердо заявили ораторы «Памяти».

Любопытен отклик на статью Е. Лосото В. Белоцерковского в одной из передач Радио „Свобода“: „Как мы понимаем, кто-то наверху „Комсомолку“ (!) вынудил – дал

указание поместить разгромную статью о «Памяти». Скорее всего, это – Александр Яковлев, секретарь ЦК КПСС по агитации и пропаганде, которого на Западе называют ‘архитектором гласности’ “. Спасибо болтливому „советологу“ с Радио „Свобода“ за ценную информацию – она бросает несколько неожиданный свет на „гласность“ и объясняет кое-что о нападках на национально-патриотическое движение в современной России!

*

Большую статью о «Памяти» поместил и еженедельник «Огонёк» (№ 21, май 1987). В отличие от своего идейного близнеца – газеты «Московские новости» – этот печатный орган новых демократов громит «Память», призывая к „бдительности“: национально-патриотическое объединение мешает „перестройке“ (главным архитектором которой, как нам сообщили, является А. Яковлев из ЦК КПСС), каковая и нуждается в бдительной защите от... русских патриотов. Между прочим, одним из лозунгов демонстрации 6-го мая был – „Долой саботажников перестройки!“ Видимо, понимать ее можно очень по-разному.

Статья в «Огоньке» называется „О чем шумите вы...“, и снабжена она эпиграфом из Чаадаева: демократы с давних времен стремятся представить этого мыслителя ненавистником всего русского. Да, это Чаадаев сказал гордые слова: „Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с запертыми устами...“ Но слова эти, поставленные в качестве эпиграфа к публикации, обличающей народное патриотическое движение, обращаются против ее авторов: «Память», что бы о ней ни писали, как раз и стремится **открыть глаза** народу; громко говорят те, кому так долго „запирали уста“ и кого сейчас стараются всячески заставить замолчать.

«Огонёк» тщится представить «Память», как „сборище истерических кликуш и демагогов, которые совершают неслыханное святотатство: „ставя под сомнение даже (!) принципы социалистического интернационализма“. Мето-

ды старые и знакомые – предъявить своим идейным противникам политическое обвинение, чтобы окончательно разделаться с ними. Впрочем, есть и новшество – игра в „демократию“. Это заставляет вспомнить наших зарубежных „плюралистов“. „Сегодня гласность и демократизация всех сторон нашей общественной жизни постепенно становятся нормой, – услаждают слух сирены из популярного советского еженедельника. – Скажем откровенно, новые реалии даются нам нелегко, велики издержки. И вот сталкиваемся с проблемой: можно ли (во имя той же гласности, во имя демократии) предоставлять трибуну для подстрекательства, лжи, опасной социальной демагогии?“ Говоря проще – не заткнуть ли рот тем, кто нам не нравится. Это и есть первый шаг к той демократии, которой нас учат в Зарубежье, например, оппоненты Солженицына. Впрочем, декларативные заявления в «Огоньке» можно понять и как науськивание властей на «Память»: этот **доносительный** оттенок неизменно присутствует во всех публикациях официальной прессы, посвященных национально-патриотическим объединениям. И в этом новые демократы являются достойными „наследниками революционных демократов“ прошлого и идейными союзниками нынешних „третьеволновиков“.

«Огонёк», который редактирует теперь бывший комсомольский босс В. Коротич, ведет ту же линию, что и «Комсомольская правда»: стремится поразить «Память» по двум линиям: обвинением в антисемитизме и приверженности к Православию, что оказывается двумя сторонами **одной** опасной тенденции – излишней привязанности к русскому. Мы уже упоминали, что членов патриотического объединения обвиняют в „черносотенстве“: „в том и другом случае 'общей для народа святыней', которая единственно может оказать ему добрую услугу, провозглашалось православие“. Но, если самым страшным грехом „черносотенства“ является признание общей для всего народа святыни Православия – не пора ли пересмотреть само значение этого одиозного термина?

Да, «Память» и есть начало поголовной защиты общей

всему народу святыни – которую десятилетиями втаптывали в грязь, уничтожали взрывами и казнями, желая вытравить ее из народной памяти. Сейчас мы присутствуем при духовном возрождении Святого. Это – главное в деятельности национально-патриотических объединений: «Памяти», «Отечества», «Спасения», уже составляющих народный фронт. Но это – фронт защиты от все еще существующей опасности. И есть сильное подозрение, что пресловутый „антисемитизм“ названных объединений сознательно преувеличивают и обостряют сами „демократы“, ненавистники «Памяти»!

*

Значительный резонанс вызвала статья Андрея Черкизова в «Советской культуре» (18 июня) – „О подлинных ценностях и мнимых врагах“. В ней сделана попытка дискредитировать патриотический характер выступлений «Памяти» и родственных ему объединений все тем же методом – предъявлением политических обвинений. Сравнительно подробно здесь разбирается проблема „мнимых врагов“. Парижская русскоязычная газета «Русская мысль» (15. 5. 87) вынесла ту же проблему в заголовок – с провоцирующей откровенностью, какая невозможна в СССР даже в эпоху „гласности“: „Защита русской культуры или борьба с 'жидо-масонами' ?“ „Мнимые враги“ в «Советской культуре» – это и есть „жидо-масоны“ «Русской мысли».

И в этой публикации встречаемся с тем же приемом, усвоенным для официальных суждений о «Памяти»: отделить „здоровое“ от „нездорового“ – „многих честных людей, глубоко заинтересованных судьбами отечественной культуры“ от „группки крикливых 'лидеров', которые назойливо и упорно пытаются увести свою аудиторию от конкретных дел в область пустопорожних дискуссий и вредных противопоставлений“. Раньше, как мы знаем, „лидеров“ уничтожали физически, без рассуждений и без полемики с ними в печати. Сейчас – ситуация изме-

нилась. „Лидеров“ необходимо дискредитировать в глазах их последователей и всего общества. **Обезглавить** движение, в любом случае, и затем вести **за собой**, в „правильном“ направлении послушное стадо „многих честных людей“.

Чрезвычайно важно, что авторы подобных статей не могут отрицать **массового** характера „патриотического движения“. Более того, А. Черкизов в своей статье прямо говорит о „новом **общественном** движении“! Движение массовое, общественное – и патриотическое по своему характеру, – это никак не „сборище истерических кликуш и демагогов“! И как это могут „примазываться“ к такому движению – сами **организаторы** массовых шествий и вечеров, собирающих тысячи слушателей?!

Как сообщалось в печати – по всей стране расходятся сотни кассет с выступлениями („примазавшихся“!) лидеров «Памяти» – с одним из них, в намеренно окарикатуренной форме, познакомил зарубежную публику «Континент» (№ 50). Выступления эти слушают внимательно и „сознательно“ – они дают новую пищу уму, который слишком долго заполняли идеологической требухой и открытой ложью. Эти **новые идеи и представления** настолько **захватили** уже чувствительную к таким материям публику (самые разные социальные слои!), что печатная защита „идей интернационализма и социализма“ никого теперь не интересует. Если такие статьи и читают, то с единственной целью – вычитать „между строк“ дополнительную информацию. Конечно, есть и такие читатели, как упоминаемые в статье А. Черкизова „пенсионерка Екатерина Петровна Васильева и семиклассник Петя Полищук“, „благородными (?) руками“ которых – оказывается – „реставрируются в столице памятники истории и культуры“. Что ж, пенсионеркам и семиклассникам еще можно вешать лапшу на уши, но вообще-то читающая русская публика умнее, чем предполагает редакция «Советской культуры».

И когда берутся за перо, чтобы написать в редакцию – пишут умно, и загоняют профессиональных „работников

пера“ в полный тупик. В своей статье А. Черкизов приводит обширную выдержку из письма одного такого читателя – явно переоценив свои силы в неизбежном полемическом столкновении. Читатель этот – „один из основных ораторов «Памяти», как нам представляют: ведущий конструктор Специального конструкторского бюро Сибирского отделения Академии Наук А. Я. Чвалюк. Вот уж никак не подходит кличка „крикливого лидера“ к человеку, занимающему такой ответственный пост, и пишущему вещи весьма и весьма разумные, на которые бедному Черкизову ответить нечего.

Касаясь предыдущих статей в «Советской культуре» того же автора, А. Чвалюк пишет: „Рассуждая о нашей революции, пролетарском интернационализме и социализме, А. Черкизов благополучно обошел такие понятия, как РОДИНА и ОТЕЧЕСТВО... Интернационализм черкизовых слишком сильно отдает космополитизмом, – когда становится безразлично, кто был движущей силой Октябрьской революции – русский рабочий класс во главе с русской по национальности интеллигенцией или же рабочий класс Азербайджана и Грузии, к примеру, **во главе с еврейской интеллигенцией**. Ведь для того, чтобы до конца понять, что происходило в нашей стране с момента революции по сегодняшний день, необходимо очень ясно представить, какие силы создавали предпосылки для революции, какие социальные слои, какие нации, народности и этнические группы. Сегодня полного знания и понимания у науки нет“.

Не думаем, что „ответ“ А. Черкизова, растолковывающего – как он сам признается – „азы“ марксизма-ленинизма, убедит ученого из Сибири. Ведь подобные „толкования“ „азов“ были действенными лишь до тех пор, пока они подкреплялись соответствующими статьями Уголовного кодекса: кто не „убеждался“, „доходил“ до истины за решеткой. Без таких дополнительных „аргументов“ разглагольствования Черкизова – бред сивой кобылы, никому не нужный. И напрасно он „обращает внимание“ своего ученого оппонента на то, что, дескать, Ленин „всюду говорил российский, а не русский“.

Люди хотят не словесной эквилибристики, а хотят знать правду, **полную** историческую правду: „какие силы создавали предпосылки для революции, какие нации, народности и этнические группы“. Из самой постановки вопроса видно понимание того, что революцию в России совершали – не русские силы; во всяком случае – не исключительно русские. Вот только искать „полного знания и понимания“ у **науки** – советской ли, западной ли – дело пропащее...

А. Черкизову ничего не остается, как лишь патетически-скорбно воззвать... к совести (!?) столь неосторожно выбранного оппонента: „Если вам или кому бы то ни было вольно скрупулезно подсчитывать национальный состав партии большевиков и противопоставлять русских рабочих рабочим азербайджанским, грузинским или еврейским, то это дело вашей совести“.

Можно быть уверенным, что эта скорбная тирада о „еврейских рабочих“, делавших русскую революцию в рядах партии большевиков, вызвала оживленный обмен мнениями у читателей «Советской культуры». Возможно, кто-то вспомнил, что Петроградский совет **рабочих** депутатов возглавлял в дни Октябрьского переворота Лев Троцкий. Мы, со своей стороны, можем напомнить, что М. Горький в своих „Несвоевременных мыслях“ – все еще запрещенных в СССР – писал (10/23 ноября 1917 года): „Сознательные рабочие, идущие за Лениным, должны понять, что с русским рабочим классом проделывается безжалостный опыт, который уничтожит лучшие силы рабочих...“ (М. Горький. „Несвоевременные мысли“. Париж, 1971, стр. 113).

Как можно понять из статьи А. Черкизова, вопрос о том, „кто был движущей силой Октябрьской революции“ волнует не одного А. Чвалюка. – генезис Революции помимо борьбы за спасение исторических памятников, входит в круг интересов всех участников патриотического (общественного!) движения.

Тем более, что прослеживается прямая связь двух проблем: организация Революции и организация уничтоже-

ния национальных святынь в первые же послереволюционные годы. А. Черкизов утверждает, будто у членов «Памяти» происходит „подмена понятий“: „эдак, ненавязчиво поставить знак тождества между масонами и революционерами“. В связи с этим он уверяет, что „агитаторы из «Памяти» вводят в обиход термины“, которые служат „неким кодовым словом для возбуждения всеобщей подозрительности и вражды“.

У нас, однако, создается впечатление, что такого рода „кодовые слова“ с поражающей безответственностью и пугающим легкомыслием разбрасывают новейшие эмигранты из СССР, очень далекие от «Памяти» и занимающиеся ее обличением, в своих печатных органах и через Радио „Свобода“: „жидо-масоны“ – аршинными буквами в русскоязычных газетах и журналах, „жиды, то есть, простите, сионисты и масоны“ – во всеуслышание в эфире в передачах Радио „Свобода“ („Форум“, 15/16. 8. 87).

Подобный садо-мазохизм очень опасен: такими методами „обличения“ «Памяти», действительно, можно увести очень далеко, и ответственность в таком случае падает не на лидеров национально-патриотического движения, подобной терминологией не пользующихся, а на разжигающих страсти истерических кликуш и демагогов „третьей волны“, подвизающихся на Радио „Свобода“ и в русскоязычных органах печати.

«Советская культура» хочет до конца продемонстрировать свой демократизм: в номере от 23.7.87 помещены некоторые отклики на статью А. Черкизова (она „вызвала большую почту“). Конечно, львиная доля приведенных выдержек из писем – в поддержку тезисов газеты: „О чем забыла «Память»“, „В расчете на доверчивость“, „Удивлен и возмущен“, и даже – „Почему молчит закон?“ (заголовки даны, конечно, редакцией). Но есть и такой отзыв, приведем его полностью:

„Мои соседи, мои друзья одобряют действия историко-патриотических объединений и считают, что им нужно предоставить широкую трибуну.

О масонах и сионистах могу сказать одно: люди, не исповедующие Христа (не внешне, а внутренне), конечно же, враги и Бога, и человечества. Конкретно я и мои многочисленные сторонники хотели бы, **чтобы власти не мешали** деятельности «Памяти», «Отечества» и «Спасения». Чтобы в печати публиковались не только Черкизовы, но и мы“. Подпись – С. Шумаков (Курск).

Любопытный факт сообщает и „удивленный и возмущенный“ читатель Миронов из Москвы: „Дело дошло до того, что некоторые активисты этой организации собирали средства на создание памятника в Свердловске царю Николаю“.

*

Не могла не отозваться о «Памяти» и газета «Советская Россия»: 17 июля в ней была напечатана статья „Самозванные радетели 'духа'“, подписанная: Павел Гутионтов. Именно здесь сообщается, что выступления на вечерах «Памяти» „записываются на десятки магнитофонов и сотнями кассет распространяются по городам и весям“ (это уже не самиздат, ограниченный и по тематике, и по аудитории!), что „оказаниями“ встречают „речи ораторов на заседаниях «Памяти» (речи, которые длятся по несколько часов!). Что, наконец, „от фактов, которые они приводят (часами!), фактов горьких, обидных, никуда не уйдешь“.

Исключительно ценно признание Павла Гутионтова: „Я бывал на нескольких заседаниях «Памяти» и каждый раз выходил из зала с ощущением нереальности происходящего“.

Нереальность происходящего – то есть, очевидно, ошеломленность аудитории тем, что ей сообщалось, и реакция на такого рода информацию. А, скажите, могло ли кому-то в России показаться **реальным** – даже за несколько дней до Революции, – что будут грабить, громить и взрывать православные храмы? Кому могла прийти в голову дикая, невозможная мысль – что взорвут в Москве храм Христа Спасителя?! Кто, наконец, мог представить

себе, что Царская семья будет расстреляна в грязном подвале Ипатьевского дома?! А все то, что происходило десятилетиями на территории бывшей Российской империи – насколько это **реально**? Не кажется ли это кошмарно-бредовым сном? Настолько противоестественным, непредставимым, что официальной пропаганде не так уж трудно „опровергать“ „измышления недругов“: ибо, кто в состоянии **представить** себе астрономическую цифру **ШЕСТЬ-ДЕСЯТ ШЕСТЬ МИЛЛИОНОВ** (не – шесть!) жертв „интернационалистического“ террора за период после 1917 года?!!

„Нереальным“ – необъяснимым, непонятным и по сей день многим западным людям представляется молчание, бездействие, пассивное (будто бы) **принятие** всего этого кошмара русским народом. Но сейчас, похоже, происходит некое почти геологическое смещение в сознании нашего народа на родине: возвращение из беспамятства, стремление осознать происходившее. И – найти виновных.

Народ наш „безмолствовал“ – десятилетиями. Он бы, может, и еще смолчал многое, но уж стало не вмоготу – в частности, и от участившихся провокаций. И вот теперь, когда стал слышен глас народа – у тех, кто десятилетиями обладал монополией на слово печатное и устное, действительно, может создасться „ощущение нереальности“. Еще бы. Как реагировать, когда в тысячную толпу кидают с трибуны во всеуслышание: „В конце концов, русский человек имеет право взять в руки лом и рассчитаться со своими врагами“?

Впечатлительный журналист из «Советской России», в сущности, расписывается в бессилии – собственном, и подобных ему идеологических надзирателей, десятилетиями дресировавших послушную публику кнутом угроз и черствым пряником лживых обещаний. Он – в полной растерянности, и не скрывает этого. „Неумение убеждать, привычка, что главным аргументом в любом споре является цитата (а на **лом** – цитатой неотреагируешь!), формализм и начетничество, процветавшие в преподава-

нии общественных дисциплин – от школы до аспирантуры, из-за которых многим и многим молодым (да и не молодым тоже) так трудно защищать свои убеждения в дискуссии с мало-мальски активным оппонентом. Да и опыта таких дискуссий у нас по сути до последнего времени не было“.

И все же ничего не понял Павел Гутиантов из «Советской России», к сожалению. В статейке его приводится трогательная история о некоем Володе Быкодорове, „работнике горкома комсомола“, Свердловского, который мужественно выступил на заседании «Отечества» (свердловский филиал «Памяти») и рассказал, как он с товарищами... отыскивали могилу Аркадия Коца, автора русского текста „Интернационала“. И о том, как местный университетский профессор призывал слушателей к подобным „конкретным делам“.

На все это лидер «Отечества» Ю. Липатников ответил так: „Нет! Мы уже наслушались: 'хватит-де заниматься разговорами!.. переходите к делам...' К **вашим** делам мы переходить не будем. Пусть погибнет еще десять памятников, но **мы создадим атмосферу, при которой ничего защищать просто не понадобится...**“

И такая атмосфера в стране – создается. Причем способствуют ее расширению и „закреплению“ сами „самозванные радители“ безнадежно устаревших марксистских догм.

Любопытен эпизод, происшедший в Советском Союзе во время передачи по Центральному телевидению „художественно-публицистической программы“ „Позиция“ – на тему „Проблемы интернационализма и международных отношений“ (12. 2. 1987). Ведущий программу – Боровик Генрих Аверьянович, как он был представлен телезрителям. На самом деле отчество Боровика – Авиэзерович (см. «Журналист», Москва 1982, № 10). Началось все традиционно-идилически для подобной официальной рутины: участники передачи вспоминали, когда они почувствовали себя... интернационалистами. Один участник, писатель, заявил, что это – „чувство святое“. Другой

- Г. Бакланов, назначенный недавно новым редактором журнала «Знамя», сообщил, что „всегда в каждой нации есть люди, больные национальными чувствами“. Еще один – престарелый кукловод Сергей Образцов, посетовав, что „очень редко сейчас молодые люди говорят о коммунизме“, поделился опытом своих многочисленных зарубежных поездок: „Самое интересное, что народы друг от друга не отличаются. Отличаются правительства, а люди одинаковые“. А „научный сотрудник Института истории СССР“ Ю. Жуков нравоучительно заметил: „Когда идут разговоры о любви к нации(?), к отчизне, все забывают, в какой стране мы живем. Ведь наша страна не Киргизия, не Казахстан – СССР“.

Вот с этим самым „научным сотрудником“ и приключился большой конфуз – свидетелями коего стали миллионы телезрителей. Ю. Жуков рассказывал аудитории о том, как „буквально с первых дней“ Революции начали... спасать памятники. „В гражданскую войну реставрируется Кремль, Кирилло-Белозерский монастырь, превращаются в музеи, сохраняясь (!), помещичьи усадьбы, монастыри. церкви. И при этом относились к этому, не как к проявлению русской культуры, грузинской или узбекской. Главные затраты в те годы шли на сохранение памятников Самарканда. Казалось, что русским ученым до Самарканда. Они понимали, что гибнет все там...“ Далее „научный сотрудник“, что называется, совсем зарапортовался: „В последние годы любят козырять (!!) храмом Христа Спасителя – правильнее: Спасский собор. Но все забыли, что, чтобы его построить, Синод пошел на уничтожение монастыря 16-го века. Храм Христа Спасителя построен в русско-византийском стиле. В стиле, который наши отечественные искусствоведы отказываются признавать, как достижение, обычно его ругают в ВУЗах и монографиях“. Признал он, что были „недостатки“. На что один из участников передачи заметил: „Очень уж вы нежное слово упомянули – недостатки. Ведь храм Христа Спасителя взорвали не для того, чтобы извлечь из-под него монастырь 16-го века“.

Вот тут и произошел скандал – издержки „гласности“. Вдруг включился в передачу, оставив свою телекамеру, один из операторов, который вел съемку: „Разрешите мне. Почему Питер устоял? Потому что город имел архитектуру космополитичную, там нечего было уничтожать. **Москву уничтожали – русский дух.** Храм Христа Спасителя построили на народные деньги. Это был храм единения народов в войне 12-го года, где и калмыки участвовали, всех народов России. И говорить, что ученые-искусствоведы не признают, значит – это не ученые, не искусствоведы. **Русский дух уничтожался, им мешал храм Христа Спасителя...**“

Создавшееся напряжение попытался снять ведущий – Боровик Генрих Аверьянович (то бишь – Авиэзерович): „Наш оператор, который снимал, снимал, потом решил принять участие в дискуссии, бросил обвинение в том, что кто-то злонамеренно и планомерно уничтожал русскую культуру, русский дух. Им мешал храм в Москве, а Ленинград остался целым, потому что его архитектура космополитична. Аргумент рассчитан на эмоциональный шок. Думаю, что наш оператор, в искренности которого у нас нет оснований сомневаться (!), является как раз жертвой этого эмоционального шока, который усиленно распространяется руководителями некоторых „охранных“ обществ... Я хочу сказать, что попытка объявить царский режим ревнителем святого отношения к памятникам старины, а послеоктябрьский период – временем сатанинского заговорщицкого уничтожения нашей культуры – это попытка, которая рассчитана на историческое неведение...“

На это можно было бы ответить, что национально-патриотическое объединение «Память» и ставит себе задачу – бороться с „историческим неведением“, внести ясность в вопрос о том, кто и почему разрушал русские национальные святыни.

Уместно упомянуть и о другом собеседовании – “за круглым столом” – которое могли слышать не миллионы, конечно, но десятки тысяч слушателей передач Радио „Свобода“ (15/16. 8. 87). Участники этой беседы – Ефим Фиштейн, Ирина Каневская и священник о. Кирилл Фотиев „подхватили“ тему Генриха Боровика – которого сочувственно цитировали, и вслед за которым дружно обрушились на «Память». По мнению политического обозревателя Радио „Свобода“ Ирины Каневской (которая раньше, как сама она сказала, работала в Праге, в журнале «Проблемы мира и социализма») „так называемые патриоты“, участвующие „в шабашах «Памяти» – это слой духовно деклассированных (!) людей, которые прежде всего невежественны в том, что касается своей собственной истории“.

От этого невежества, по ее мнению, и рождается „типично детективное понимание истории“ – как „мирового заговора“. Ведущий Фиштейн в этом моменте предложил православному священнику о. Кириллу Фотиеву „зачерпнуть более глубоко“: „Откуда вообще есть пошел антисемитизм на Руси, да и не только на ней?“ и попросил батюшку рассказать о „Протоколах Сионских мудрецов“.

Уточним, что „на протяжении многих десятилетий“ об этом документе – в Советском Союзе, по крайней мере – „не вспоминали“ по той простой причине, что даже упоминание о нем могло вести к последствиям весьма серьезным: в первые послереволюционные годы **хранение** „Протоколов“ каралось смертью... Впрочем, тогда эта „фальшивка“ не была еще „разоблачена“.

„Широкое“ упоминание „Протоколов“ в советской печати началось, кажется, с упомянутой выше статьи в газете «Известия» – как реакция на начавшуюся их циркуляцию по всей стране. Почему эта циркуляция не была пресечена КГБ – большая загадка; для многих наблюда-

телей на Западе это является лишним подтверждением „государственного антисемитизма в СССР“... В статье «Известий» (3. 6. 87) сообщалось, что „Протоколы“ „были приняты как своего рода идеология“ „в среде полуграмотных лавочников, мещан“, что их изучали и брали на вооружение такие реакционеры и человеконенавистники, как царь Николай II, адмирал Колчак и Гитлер с Геббельсом. Теперь «Московские новости» пролили окончательный свет на создание этого документа – поправляя о Кирилла Фотиева с Радио „Свобода“: хотя в „Протоколах“ и есть определенное сходство с упомянутой о Кириллом сатирой некоего француза-антисемита, в действительности их создателями были – агенты русской заграничной охраны. Автор справки ссылается на Вл. Бурцева, „русского историка и публициста“.

Действительно, Вл. Бурцев в 1939 году опубликовал „Историю одного подлога“. Текстологический и социально-исторический анализ „Сионских Протоколов“ (недавно воспроизведено в журнале «Время и мы», №№ 88 и 89), где излагал именно эту версию. Тогда же, в 1939 году, появилась и любопытная книжка кн. Жевахова – близко знавшего первого публикатора „Протоколов“ С. А. Нилуса – о „подоплеке“ документа, которым тогда сильно интересовались в связи с судебным делом в Берне (исход его был несколько иным, нежели сообщает московский журналист). Вл. Бурцев, между прочим, неоднократно подчеркивал, что „царское правительство никогда само не пользовалось ими и не позволяло это никому из своих агентов“.

Бурцев приводит в своей книге и пометки на полях „Протоколов“ Николая II, которого называет „наследственным антисемитом“, будто бы, унаследовавшим антисемитизм от отца, Александра III; заядлой антисемиткой представлена и Государыня Александра Федоровна, твердо верившая в подлинность этого документа. Эти пометки приведены им более точно и полно, чем в публикации „Известий“.

Вот что писал Государь Николай Александрович на

полях „Протоколов Сионских Мудрецов“: „Какая глубина мысли!“, „Какая предусмотрительность!“, „Какое точное выполнение своей программы!“, „Наш 1905 год – точно под дирижерство мудрецов“, „Не может быть сомнений в их подлинности“, „Всюду видна направляющая и разрушающая рука еврейства“ (см. «Время и мы», 1986, № 89, атр. 225).

Мы не можем входить в обсуждение этой проблемы, которая интересует нас исключительно в связи с вопросом о „Памяти“. Безусловно, знакомство с текстами „Протоколов“ производит впечатление сильнейшее – особенно на неподготовленного читателя. Как заметил уже С. А. Нилус в своей книге „Великое в малом“, где он обнародовал „Протоколы“ – „при беглом первоначальном их обзоре они легко могут представиться тем, что мы привыкли называть общими местами; но эти общие места выражены с резкостью и ненавистью такими, какие для так называемых общих мест не совсем обычны. Гордая, закоренелая, непримиримая, древняя и притом долго скрытая, племенная и, – что всего страшнее – религиозная злоба, так и шипит между строками, клокоча и прорываясь из переполненного сосуда ярости и мести, уже предощущающей близость свою к конечному торжеству“.

Вопрос о подлинности здесь не играет принципиально важной роли. Рёне Генон – один из крупнейших авторитетов в своей области – заметил, что подлинно **тайные** общества, по самой своей природе, никогда не оставляют никаких **письменных** документов. Проблема не в том, действительно ли это – стенографическая запись в самом деле имевших место „собраний“, или искусная подделка, а в том, насколько **правдоподобно** их содержание. Приведенные выше записи Николая II показывают, насколько он был поражен **совпадением** реальных событий (революция 1905 года) с „программой“, изложенной в документе.

Как показал пример нацистской Германии, „Протоколы“ успешно могут использоваться в пропаганде определенного толка: обыгрываются их **психологическое** воздействие на массу и те правдоподобные „совпадения“,

какие легко доказать. В статье «Московских новостей» говорится, что фальшивкой признал „Протоколы“ известный русский богослов А. В. Карташев, которого, действительно, невозможно заподозрить в антисемитизме. И, тем не менее, изучая историю религиозных движений на Руси и описывая ересь „жидовствующих“, он заметил: „Пропаганда иудеев, принадлежащих к своему свободомыслящему меньшинству, была главным образом заинтересована в отрицательном результате, в **распатывании русской православной стойкости во имя какого-угодно вольномыслия**“ (Проф. А. В. Карташев. „Очерки по истории Русской Церкви“, Париж, ИМКА-Пресс, 1959, т. I, стр. 501). Это же наблюдение легко извлечь из „Протоколов“ – что, повидимому, и делается некоторыми, по крайней мере, „ораторами“ „Памяти“ (см. текст стенограммы выступления Д. Васильева в «Континенте» № 50; здесь, между прочим, он обыгрывает и тот факт, что „Протоколами Сионских мудрецов“ интересовался и сам Ленин.

*

При всей подлинности и искренности патриотического порыва, который ощущается в выступлениях членов „Памяти“ и сочувствующих им, иногда в них проскальзывает нечто, порождающее ряд тревожных вопросов и недоумений. Затронутый выше вопрос о „Протоколах Сионских мудрецов“ – один из таких. Сильно смущает русских патриотов Зарубежья и содержание некоторых лозунгов и призывов этой организации. Таких, например: „Теснее сплотить ряды, объединившись вокруг ЦК КПСС во главе с М. С. Горбачевым!“ или „Восстановить орден Ленина на обложке «Огонька»!“. Понимая ситуацию внутри страны, объяснить подобные **тактические** ходы можно; более того, есть искушение этой испытанной тактике приписать определенные успехи „Памяти“ – начиная от возможности открыто собираться и обсуждать наболевшие, злободневные проблемы во весь голос.

Объявляя себя безусловными сторонниками „перестройки“ (лозунг: „Долой саботажников перестройки!“), участники „Памяти“ в русле „нового курса“ Кремля требуют восстановления исторической памяти и бережного отношения к национальным ценностям и святыням. И здесь рождается принципиально важный вопрос: что такое для них – национальные ценности и святыни, в каком объеме понимают они историческую память русского народа?

В единственном документе „Памяти“, **полный** текст которого нам доступен – „Обращение историко-литературного объединения „Память“ к русскому народу, ко всем народам нашей великой державы, желающим сохранить отечество свое от пожара“, принятом 21 мая 1986 года на вечере „Мужество – каждый день“ – дается перечень нравственных императивов, эмоционально излагаются призывы-рекомендации для **спасения** самого русского народа, – „в этот переломный момент для судеб Земли и нашего Отечества“. Призывы обращены к „сердцу, мужеству, разуму“ – но ни разу не вспоминается, ничего не говорится о **вере** русского народа, о нашем 1000-летию Православия, – той реальной силе народа, которая и спасала Россию на протяжении веков, будучи воплощенной в русских сердцах, укрепляя мужество, просвещая разум светом Истины. Патриотическое объединение, ни единым словом не обмолвившееся в своем манифесте о тысячелетней вере народной, да еще накануне великого Юбилея – это не объяснить никакой „тактикой“.

Летом этого года, как раз в дни майской демонстрации „Памяти“, о которой рассказано выше, журнал «Наш современник» (1987, № 6) опубликовал „Открытое письмо искусствоведа Никите Воронову и жюри конкурсных проектов главного монумента памятника Победа“. Письмо подписали около тридцати русских писателей, в том числе такие известные, как Василий Белов, Дм. Жуков, Ст. Куняев, Валентин Распутин. Нам неизвестно, в каких отношениях находятся они с „Памятью“, являются ли членами этого патриотического объединения.

Валентин Распутин, например, в недавнем интервью одной шведской газете сказал, что он не состоит в „Памяти“ и не может говорить от ее имени. Тем не менее, он заявил: „Я полагаю, что подчас „Память“ осуждают, невзирая на факты. А ведь члены этого общества внесли добрый вклад в дело спасения русской культуры. Например, восстанавливая на добровольных началах памятники старины. Что же касается национализма, знаете, в нашей стране считается чуть ли не неприличным быть русским. Нам, русским, полагается стыдиться того, что мы русские. А если ты гордишься этим, то считаешься великорусским шовинистом, тогда как всем другим не возбраняется выставять свою национальность напоказ“ («Дагенс нюхетер», 21. 8. 87). Между прочим, это интервью русского писателя вызвало злобные нападки на него Радио „Свобода“ – Распутина издевательски именовали „нравственником“, а „Память“ в этой же передаче язвительно называли „охранно-патриотическим объединением“ – что, впрочем, было всего лишь повторением слов... Г. Боровика (см. выше).

Что касается поэта Станислава Куняева – это он в своем выступлении на Пленуме Правления Союза писателей СССР напомнил о том, что „кроме принципа социальной справедливости, есть принцип справедливости национальной“ («Литературная газета», 6. 5. 87).

И все другие литераторы, подписавшие Открытое письмо, зарекомендовали себя патриотами в своей литературной и общественной деятельности. Само же Письмо прямо связано с событием, послужившим поводом для демонстрации 6-го мая, вопрос о Поклонной горе и проектируемом на ней памятнике Победы.

Писатели из «Нашего современника», как и члены объединения „Память“, обеспокоены тем, **каким** будет этот памятник павшим. В частности, они протестуют, – и это составляет содержание Письма – против отклонения членами жюри „проекта № 206“ (Клыкова). Искусствовед Никита Воронов, который называется в документе, выступив за отклонение проекта, доказывал, что он весь про-

никнут „христианской символикой“: „Явное и последовательное обращение к русской христианской традиции, легко читаемое сквозь флёр стилизации; к традиции не только архитектурной, но и нравственной“. „Идея исторической преемственности“ оказалась неприемлемой для членов жюри, рупором которых выступил Н. Воронов. Это и вызвало недоумение и протест русских писателей.

Но **как** протестуют писатели? Как защищают они „идею исторической преемственности“ в своем Открытом письме, то есть обращении ко всей общественности, к народу (споры вокруг протеста захватили самые широкие круги)? Еще раз цитируют они „доктора искусствоведения“ Н. Воронова (видимо, порядочного негодяя) – его отзыв-донос; признавая, что авторы подобных проектов стремились придать памятнику на Поклонной горе „духовность“, этот „заслуженный деятель искусств РСФСР“ предупреждает: „Но ведь эта духовность взята напрокат у христианства. Авторы это не смутило. А как посмотрит жюри?“

„Жюри посмотрело так, как и должно было посмотреть жюри на проявление 'русской христианской традиции' в советском искусстве, тем более после подобных предупредительных „сигналов“ специалистов, – пишут писатели в «Нашем современнике», – **не учтя одного, самого главного: христианство здесь абсолютно ни при чем.**“ И они продолжают: „Веками существовала в русском зодчестве традиция возводить в честь великих побед монументы-памятники: Покровский монастырь – в честь победы на Куликовом поле, церковь Всех святых на Килишках – в честь павших воинов Куликовской битвы, Новодевичий монастырь – в честь взятия Смоленска, храм Василия Блаженного – в честь взятия Казани и, наконец, храм Христа Спасителя – в честь победы в Отечественной войне 1812 года. **Но традиция эта не имела ничего общего с христианским зодчеством:** в христианстве никогда не было такой традиции – возводить монументы-храмы в честь военных побед. Это НАРОДНАЯ, а не христианская традиция...“

Приведенный пассаж представляет собой, несомненно, центральный момент Письма и – как нам видится из нашего зарубежного далека – основной внутренней конфликт, принципиальное **противоречие** национально-патриотического движения. Речь идет о соотношении „христианского“ и „народного“, и об отношении к этим духовным реальностям современных русских писателей и участников объединения „Память“.

Возможно, для родившихся и выросших в условиях позорного и унижительного, но обязательного „двоемыслия“ (термин Дж. Орвелла) русских **советских** писателей „естественен“ (**допустим** морально) подобный **метод** защиты своего идеала. Ведь главное – добиться одобрения желательного проекта и сооружения по нему памятника, который останется в веках! – так могли думать подписавшие Открытое письмо писатели. А если при этом и покривить совестью, „отмахнуться“ от христианства – так ли это важно!

Это – если допустить сознательное „двоемыслие“ у авторов Письма. Основания для такого допущения имеются. Ведь это же совершенный абсурд – утверждать, будто „в христианстве никогда не было такой традиции – возводить монументы в честь военных побед“! Уже своим перечислением монументов-храмов они опровергают себя. Да, не прямо и непосредственно „в честь военных побед“ – мотивировка была иная, богословски более глубокая, – но фактически дело обстояло так. **Была** такая **христианская** традиция, а потому – и **народная**.

Именно так был задуман и создан упоминаемый ими храм Христа Спасителя. В особом манифесте императора Александра I говорилось: „Спасение России от врагов, столь же многочисленных силами, сколь злых и свирепых намерениями и делами, совершенное в шесть месяцев их истребление... есть явно излившаяся на Россию Благость Божия. В ознаменование благодарности нашей к Промыслу Божию, спасшему Россию от грозившей ей гибели, вознамерились мы, в первопрестольном граде

нашем Москве создать церковь во имя Спасителя Христа“.

В этом документе подчеркнут момент прежде всего религиозный: благодарение за спасение целой нации, – но это и есть в России **народная** традиция: благодарить Господа за избавление от бед, за дарованную Им победу! Произведенное авторами Письма разделение, отделение христианского от народного – для верующего русского человека оскорбительно. Особенно в преддверии празднования 1000-летия Крещения русского народа.

Итак, наше первоначальное допущение: русские писатели, авторы Письма, конечно же, **знают** о неразрывности, тесном единстве христианской и народной традиции в истории России и русском зодчестве этого типа. Но, „по тактическим соображениям“, поддавшись еще раз позорно укоренившейся в сознании „традиции“ „двоемыслия“ – для торжества благого дела делают уступку „обстоятельствам“ и... своей совести. Иными словами, обнаруживают недостаток мужества. Хотя один из призывных лозунгов патриотического движения „Память“, как мы помним, – „Мужество – каждый день!“

Подобное (предполагаемое) отсутствие мужества у тех, кому назначено быть „властителями дум“ общества – было бы фактом очень и очень печальным. Ведь речь в данном случае не шла об исповедании **личной** христианской веры (очень возможно, что далеко не все эти писатели верующие в церковном смысле), речь шла о подтверждении христианского достоинства своего народа. Трусливое отстранение от этого бросает на наших писателей роковую тень...

Ну, а если... нет никакого „двоемыслия“ у патриотов нашего направления и, мужественно выступая в защиту русского национального достоинства, эти патриоты совершенно искренне убеждены, что оно никак **не** связано с христианскими, православными корнями?! Что традиции христианская и народная, для них вещи разные – и в истории искусства, и в национальной русской истории?!

Такого рода идеи, – и в форме, неизмеримо более

резкой и откровенной – изложил в своем труде „Десионизация“ В. Емельянов, которого в советских публикациях, и тем более в зарубежных, настойчиво называют одним из лидеров „Памяти“. Если это так, нужно сказать прямо и громко, что этот путь ведет в бездну духовного нигилизма и ничего не имеет общего с благородным делом спасения русской культуры и наших национальных святынь. Это путь опасный и ложный.

Эпиграфом для своего „исследования“ В. Емельянов поставил слова Константина Леонтьева: „Тот народ наилучше служит мировой цивилизации, который свое национальное доводит до высших пределов развития“. К. Н. Леонтьев – один из самых глубоких и оригинальных русских мыслителей, но видеть его имя на страницах сочинения Емельянова более чем странно: ведь Леонтьев – ревнитель самого строгого Православия... Между тем, для Емельянова христианство вообще – это „иудофильская интернационализация“, относительно же отечественного Православия он выражается следующим образом: „Как ни странно, свержение христианства с пьедестала господствующей идеологии в 1917 году не полностью освободило нас от его господства, а, следовательно, и от господства стоящего за ним международного Сиона“.

„Если из всех форм христианства русское православие и стало наиболее облагороженным, – пишет еще В. Емельянов, – то заслуга в этом принадлежит прежде всего благотворным традициям духа нашей древней русской национальной идеологии“. В качестве положительной программы им и предлагается такая „русская национальная идеология“, реконструируемая на язычески-арийской основе. Иллюстрируется она, эта „идеология“ (в прямом смысле) рисунком художника Конст. Васильева: „Илья Муромец – борец с христианской чумой“. Лихой бородач с натянутым луком в могучих руках – и храмы с поверженными им куполами и крестами...

Подобный проект „десионизации“ никак не увязывается с программой спасения памятников (в первую очередь – православных храмов, как мы понимаем, а не мест самоу-

бийства пусть даже и замечательных поэтов). Что-то здесь не то. Если хотя бы некоторые из участников „Памяти“ выбрали путь следования за В. Емельяновым – это может лишь скомпрометировать национально-патриотическое движение в целом, подорвать к нему доверие широких общественных кругов.

Вопрос о взаимоотношении „Памяти“ не с христианской традицией вообще, а с Русской Православной Церковью в настоящее время – остается довольно трудным. Есть ли такие **живые** отношения? Нам об этом ничего не известно, но отрицательный ответ напрашивается из интервью митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия, помещенного в «Московских новостях» (20. 9. 87). На предложение высказаться о деятельности „Памяти“, митрополит Алексей ни словом не упомянул о добровольной работе членов объединения по восстановлению и реставрации храмов (о чем упоминалось даже в „разгромных“ статьях советской печати, проанализированных выше). Митрополит говорил о движении „вырождающемся в национализм и шовинизм“, что – по его словам – „искажает дух интернационального братства, который всегда был присущ лучшим представителям русского народа, русской интеллигенции“. „Интернациональное братство“ – в устах православного иерарха звучит, прямо скажем, не вполне церковно. Неудивительно, если в среде „Памяти“ существует **отталкивание** от Московского патриархата.

Окончательное суждение о „Памяти“ выносить еще рано. Объединение до сих пор не получило официального статуса, между тем, число его сторонников в стране растет. Если они сумеют избавиться от некоторых опасных крайностей, – это национально-патриотическое движение станет еще более важной силой в процессе русского возрождения.

НОВАЯ КНИГА

Игорь Смолянинов

ДОРОГИ

(Сборник стихов)

Автор сборника стихов „Дороги“ Игорь Михайлович Смолянинов, подчеркивая национально-религиозную направленность своей книги, пишет в предисловии: „Меня Высшая сила провела через страшные годы ежовщины, штрафных батальонов и немецкого плена. Эти пройденные дороги борьбы и страданий привели меня к главной цели – к Богу. Поэтому я назвал свой сборник „Дороги“ и в знак бесконечной благодарности за дарованное духовное прозрение, посвящаю его величайшему празднику русского христианского православия – тысячелетнему юбилею крещения Руси“.

На издание патриотического сборника „Дороги“ И. М. Смолянинов получил Высочайшее Благословение от Первоиерарха Русской Православной Церкви за границей Высокопреосвященнейшего Митрополита **Виталия**. Свою книгу И. М. Смолянинов издал на собственные средства и все средства, получаемые им от продажи первого издания сборника, он передает в фонд Комиссии по подготовке празднования 1000-летия Крещения русского народа при Архиерейском Синоде Русской Православной Церкви за границей.

Книгу можно заказать у автора по адресу:

I. Schnitzer-Smolatinov
1, Park Crescent
Moonee-Ponds 3039, Vic.
Australia

**Цена книги 15 австралийских долларов,
с пересылкой авиапочтой – 18 австр. долларов.**

К ТЫСЯЧЕЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Н. К у с а к о в

Победы и поражения и торжество победителей

Не веселую песню вам, братцы, спою,
Не ту славную песню победы,
Что певали отцы в Бородинском бою,
Что певали в Очакове деды...

(Из Апухтина)

Буди верен до смерти, и дам тебе венец
жизни.

(Из Апокалипсиса, 2, 10)

Все ближе и ближе день Великого Юбилея. Вот уже отсчитываем дни, укорачивающие последний год, 1987 - 1988.

Бывает, что путник, готовясь в дорогу, проверяя все, что нужно взять с собою, под конец сборов вдруг заме-

чает, что какой-то крайне нужный предмет не только еще не уложен в дорожный мешок, но даже еще не разыскан в домашнем скарбе. Начинаются лихорадочные поиски, беготня, суета, путник хватается за голову и готов во всем винить всех кругом... Нет. Лучше во-время сесть за стол, все проверить, все решить, пока это можно сделать, не считая минуты до отхода поезда.

О такой проверке и будем беседовать, размышляя о вещах, которые нам надо будет иметь при себе, чтобы явиться на торжество Тысячелетия Крещения Руси, если Бог даст дожить. Весь домашний скарб перед нами. Казалось бы, все пересмотрено, все отложено, что нужно, а в сердце как бы сомнение: не случилось бы, что вот скрипку взял, а смычок забыл. И когда весь скарб перед глазами, вдруг ощущаешь – не хватает чего-то. Будто нет гармонии в том, что перед глазами.

В самом деле. По привычке с давних пор мы произносим и слышим победные речи, а на яву видим полное поражение.

Россия непобедима!

Нет в мире силы, способной сломить Россию!

Врата адовы не одолеют!

Третий Рим стоит!

Тысячу лет стоит Россия и еще простоит столько и полстолько!

Слышен гул грядущего возрождения России!

Россия встанет во всем величии!..

Такое слышим. Такое читаем. Такие речи звучат на патриотических собраниях, такое на страницах патриотических изданий.

Но есть ли в этих бодрящих словах правда? Не суть ли эти слова – беспочвенное мечтание? Не отзвук ли это пус-того ура-патриотизма?

В самом деле. То, что мы видим, нельзя назвать иначе, как торжеством нашего врага.

Помните битву на Калке? Сейчас хуже!

Мы переживаем страшное время. Доживаем седьмое лето.

Это были слова вещего сна, известные из переписки Оптинского старца Амвросия с графом А. П. Т. в конце 1866-го года. Эти слова тем же старцем были истолкованы, как явление не случайного сновидения, но „зрения“ подлежащего почитанию, как великой вещи. Не спроста. То поколение доживало седьмое лето. (См. „Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского старца иеромонаха Амвросия“. Москва, Печатня А. И. Снегиревой, 1900. Приложения, стр. VI и VII).

„Число семь есть знак нашей вещественности, а восемь – начало невещественной и лучшей жизни“, – читаем у Евф. Зигабена в книге толкований Псалмов (стр. 936).

В 1866-м году Оптинцы переживали седьмое лето. Мы вступили в восьмое. Невещественность борьбы зла против добра разлилась по всему лицу земли, а нашей родине пришлось это разлитие видеть с особенной ясностью. Лучше?.. Думаю, это только путь к лучшей жизни. Зло вышло из-под контроля. Россия поругана, оплевана, втоптана в грязь, и самое имя России стерто с лица земли.

Помните битву на Калке?

Куда бы ни пойти по русской земле, всюду видны знаки злобного торжества людей, победивших Россию!

Знаете ли, что Россия оказала большевикам страшное сопротивление. Революция этого России не простила и не простит. Она торжествует свою победу над Россией, и нам сегодня приличествуют слова Псалмопевца, оплакивавшего разрушение Иерусалима.

Боже! Внедрившись в Твое достояние
Язычники храм Твой святой осквернили,
Иерусалим же, Твой город святой,
Превратили в развалины.
Трупы рабов Твоих
Бросили птицам небесным,
Плотью Твоих преподобных
Они накормили зверей,
Пролили кровь преподобных, как воду
Вокруг города Иерусалимского.
Некому было земле предать их погребением.

Сделались мы поношением
У наших соседей.
Стали посмешищем.
Срамом для тех, кто вокруг обитает.
Боже! Доколе Твой гнев...

(Пс. 78, 1-5)

Поистине, страшное поражение нам пришлось пережить, и не видно просвета. Не видно просвета нигде.

Когда Бог попустил сатане искушать праведного Иова и предал его в руки сатане, то приказал врагу не трогать души Праведника, в которой жизнь (Иова 2, 6).

Никто не знает меры, в которой поражена душа России. А мы, Россия Зарубежья, так же претерпеваем судьбы родины и за нашу душу так же идет борьба.

Никто не знает, насколько сатана осмелился вторгнуться в душу России. И борьба продолжается. Каков будет ее исход?

Стратегия знает, что к окончательной победе ведет не только успешное наступление в начале кампании, но также **умение перенести поражение**. Выдержать его бедствия.

Тут является императив: **сохранить зерно истинной силы, способное увеличиться, созреть и принести плод**. Вот в этом все дело и заключается. Это зерно, эта вещь, именно и есть то, что нам нужно иметь при себе в дни предстоящих торжеств Тысячелетия Крещения Руси.

Торжества эти, очевидно, произойдут среди развалин того, что созидалось на протяжении Тысячи лет. Это зерно нам нужно разыскать среди развалин, среди хлама и щебня. Разыскать и пестовать, беречь как зеницу ока.

Имеем ли мы сейчас хотя бы часть этого зерна?

Нравственное разложение в русском дореволюционном обществе сослужило великую службу революции. Как известно, оно началось в высших сферах, близко соприкасавшихся с Западом, и проникло достаточно глубоко внутрь, чтобы в начале нынешнего века дойти до уровня „аристократии уездного масштаба“. Разложение, переоценка ценностей Святой Руси и возвышение ценностей

революционной культуры проникли вглубь и вширь. Мало есть в нашей среде, кого они не коснулись бы.

Главными элементами этого разложения оказались пренебрежение к Церкви и „западоклонство“, сопряженное зачастую с презрением ко всему русскому. И вот, произошла революция.

С того времени, когда большевики захватили государственную власть над Россией, тотчас же выплеснулось за край то, что заставило многих переменить свое отношение к революции. Выявилось, что с революцией обнаружилось то, чего в ней не замечали ее сторонники, особенно из „уездной аристократии“, то есть, обыкновенные люди, живущие сегодняшним днем, увлеченные в симпатии к революционным идеям прогресса и западоклончества. Тут выяснилось, что с революцией власть оказалась в руках –

деспотии, поправшей свободу;

порока, подавившего добродетель;

невежества, подчинившего себе просвещение.

Внешним проявлением большевизма были насилие, грабежи и обман. И Россия поднялась на борьбу с этим злом.

Борьба против революции, вылившаяся в борьбу Белой Армии, и была направлена против этой именно мерзости, всплывшей на поверхность в революционных событиях. Но вскоре – можно сказать, тотчас же после борьбы с оружием в руках, как в Зарубежье, так и на родной земле, стали проявляться поиски более глубокого понимания движущих сил революции.

Оказалось, что силы эти были направлены на Россию не столько для борьбы с нею, а из-за того, что **Россия была оплотом предмета, против которого, собственно, и вышла революция в бой на арену истории человечества.** Выяснилось, что деспотия, порок и невежество большевизма были направлены не столько против „буржуазии“, даже не столько против России, сколько на Православную Монархию во всех ее проявлениях, на Церковь Христову, которая была и есть сосуд истины, являющей отношение

Бога к человеку и человечества к Богу. Истины, хранителем которой были с древнейших времен Святая Русь, Третий Рим, Российская Православная Империя...

День за днем приближается Тысячелетие и в этот день мы окажемся перед испытанием, которое нам предъявит наша совесть.

Являемся ли мы наследниками и продолжателями той же культуры, которая была воспринята русским народом при Крещении, к которому призвал св. Великий Владимир тысячу лет назад, или для нас эта культура стала прошлым, стала тем, что теперь не нужно, что теперь заменилось другими ценностями? Не остались ли мы после семидесяти лет большевизма носителями того самого диссонанса, который привел к революции? Не господствует ли в нашей среде тот же самый дух легкомысленного, снисходительно-презрительного отношения ко всему церковному, каким дышала наша „думская аристократия“ в „думские дни и годы“?

Тысячелетний Юбилей предъявляет вопрос, требующий решительного ответа. Наш ли это будет праздник? Не будет ли это случайным воспоминанием давно прошедшего, того, что прошло и никогда не возвратится?

Ведь, вот что случилось.

Когда грянул гром, тогда русский мужик перекрестился. Борьба за Русь Святую охватила весь наш мысленный горизонт, охватила, однако, настолько сильными чувствами и впечатлениями, что осталось незамеченным, что наша родина, наша Россия, наша Русь свята **только тем, только тогда и только потому**, что она не себе служила, а Богу, Христу Спасителю. Свята своей устремленностью в высоты жизни духа – в вечную славу...

Если не считать двух трудов высокого богословского содержания, вышедших после революции из под пера митрополита Антония (Храповицкого), то мы увидим, что наши интересы ограничены вещами бытовыми, дисциплинарными и, в лучшем случае, историческими, которые, сами по себе, разумеется, не лишены важности, но относятся к жизни временной. Труды же митрополита

Антония тем замечательны, что трактуя вещи, казалось бы, временные, устремлены они в высоты жизни духа и вводят в понимание того, что относится к Первой Заповеди. Имеются в виду: „Догмат искупления“ (1917) и „Христос Спаситель и еврейская революция“ (1922).

А потом что? Споры **за** Карловацкую ориентацию или **за** Евлогианскую линию. И подоплекой для всех этих дискуссий было очень простое положение: **Бог для России, или Россия для Бога?**

В этом суть вопроса. Нельзя из национальной гордости делать фетиш и нельзя понимать, что дело христианского возрождения есть орудие установления справедливости и разрешение всех бед, низвергнувшихся на нашу родину и на нас...

В нашей среде, болеющей вопросом о христианском возрождении и строго-принципиально мыслящей о возрождении России, как христианской Державы, мы наблюдаем, что мы полюбили старинные иконы. Это Русь. Мы полюбили русские лубки. Это Русь. Мы стали изучать прошлое и пошли вглубь языческих времен. Это Русь. В результате, оценили Нестора Летописца, как бытописателя, не заметив подвига его святости, – Нестора, летописца агиографа. Киев нас не так интересует, как Тьмутаракань. А что греки? Так кто же не помнит, что „суть бо грецы лъстивы даже до днесь“. Так что до них?

Святая Русь у нас оказалась вписана в географические, этнографические, языковые и художественные формы. Русь стала олицетворяться графически и вот она вместилась в великолепную картину Глазунова „Уходящая Русь“. Какая глубокая трагедия в этой картине!

Что же? Спросим себя – действительно уходит Русь? Тысячу лет стояла, и теперь уходит? Уходит в прошлое? Стало быть, Юбилей оказывается торжеством прощальным? Уходит Русь, уходит навсегда? А мы устремляемся в будущее, отрезав пуповину? И печальные ветры степные панихиду поют над тобой...

Хочется ответить: Нет! Нет! Святая Русь не уходит. Это ее утаскивают убийцы, насильники, враги. Мы при-

существует при историческом убийстве. Его кульминация была в Екатеринбурге. В июле 18-го года!

Было то, что революция вступила в борьбу против России, существо которой скрыто в Правде Божией, в служении Богу, в совершении Первой Заповеди, под сенью которой сама-по-себе вершилась и Вторая, „подобная ей“.

В XIX-м веке Россия была единственной Великой Державой, хранившей великий принцип христианской монархии, где Царь был слугой Правды Божией, Подобно одинокой вершине в цепи гор, Россия возвышалась над миром, постепенно затоплявшимся ложью материализма.

Так было, и в этом суть дела. Поэтому и в вопросе о христианском возрождении мы принимаем за основу, – что важнейшим и первостепенным нашим делом является творение Первой Заповеди. Мы дорожим Первой Заповедью. Ищем Боговедения. Хотим России, живущей для Бога.

Но едва произнесены эти слова, слышим новый испытующий вопрос, не без иронии направленный к нашему сердцу.

Не правы ли, в таком случае, те русские православные христиане, которые отложили попечение о России, как о предмете земном, примирились со своим изгнанническим положением и образовали – там американскую, там французскую, там еще какую-то иную „национальную“ Церковь? Была же мысль о создании Православной Аргентинской Церкви! Быть может, в этом правда? Православие не выше ли русского патриотизма?

Нет. В этом неправда!

В чем же правда?

Вот в чем.

Более ста лет назад прозвучали таинственные слова: **„Мы живем в страшное время. Доживаем седьмое лето“.**

Оптинцы переживали седьмое лето. Мы оказались ввергнуты в восьмое лето. В наше время духовные ценности вовлечены в жизнь с невиданной ранее силой. Как писал Н. В. Гоголь: „Дьявол без маски вступил в мир“. Зло перестало таиться в темноте. Оно вышло наружу в

государственных декретах, в доктрине, объявляющей добром то, что искони считалось злом. (Читай заключительные слова „Коммунистического Манифеста“ о необходимости, и поэтому законности, насилия для установления всеобщего блага).

От человечества требуется крайнее напряжение духовных сил, чтобы распознавать действие зла, ибо оно прикрывается маской добродетели.

Обратите внимание на то, что последний год перед Юбилеем Тысячелетия кончается на число семь, а самый год Тысячелетия будет оканчиваться на число восемь... И среди всех событий века, как некий центр, вокруг которого все вертится, стоит наша родина, Русь, Россия. Православная Держава, низвергнутая преступной рукой предателей, обманщиков и убийц.

Человеческому уму было бы непосильно изобрести зло в таких размерах, как то, что мы видим на русской земле. И все для чего? Лишь для того, чтобы низвергнуть Церковь, столп и утверждение Истины. Так просто это не могло произойти. Не могло!

Когда устремишь взор в высоты Боговедения (Ос. 6, 6) и напрягши духовное внимание, станешь всматриваться в судьбы нашей родины, России, то увидишь, как там Перст Божий начертал Свои судьбы. Как Бог открывал возможности для блага человеческой жизни, а дьявол вмешивался и разрушал все, что мог разрушить.

Тысячу лет назад Россия вышла из купели Св. Крещения во имя Св. Троицы. Прошло полвека и Русь окрепла и вышла в готовности служить Правде Божией во всем мире. Свершилось это именно в тот год, когда пал Первый Рим. Когда Великая Держава Рима, светоч Православной веры и опора христианства во всем мире, отпала от соборного единства всего христианского мира, тогда Россия была принята в семью европейских народов.

Великий Князь Ярослав Мудрый умер в 1054 году. Уже тогда Россия готовилась взять из рук Рима знамя величия христианской Державы. Но едва Россия действительно вышла, как теперь говорят, на арену всемирного значения,

как на Русь навалилось татарское нашествие.

Россия стерта с лица земли. Спасает ее только святость подвига – от св. Бориса и Глеба до митрополита Филиппа, удушенного Малютой Скуратовым. **Это в подвиге их мученичества хранилось то зерно, которому было суждено пустить корень вниз и принести плод вверх.**

И Русь снова явилась на служение всему миру, теперь уже как Третий Рим, ибо Византия пала.

Поистине, Россия есть и была страной судеб Божиих. Вся история наша – есть история ужасающей тряски, „сеяния“, как в решете, о чем сатана просил Бога, а Христос молил, „да не оскудеет вера“ (Л. 22, 31). Не так ли было точно, как сатана когда-то готов был поглотить праведного Иова и Бог запретил сатане разрушить душу живую (Иова 2, 6). Вся история России проходит в испытаниях. Раскол. Петровские потрясения. Проникновение в Россию французского атеизма. Наполеоново нашествие.

Но все время было живо зерно... Душа была жива.

Наконец, уже явная стычка в XIX веке, когда антихристовы силы, сняв маску, устремились против Святой Руси, и когда Россия оказала им невиданное в других странах нравственное сопротивление.

Какая еще страна, какой еще народ, против наступления революционного атеизма выступал философски и подвижнически, низлагая и погашая революцию!

Кроме России – никто! Никто!

Англия восприняла революционное учение Дж. Локка без возражений. Франция подняла своих атеистов на небывалую высоту авторитетности. Америка пришла в восторг от кощунства Томаса Пенна. Германия своим лукавым идеализмом привела к марксизму. Италия до сих пор восхищается разбойничьими подвигами Гарибальди... И нигде не было оказано философского сопротивления. С пером в руках против революции поднялась только Россия.

Мы знаем, конечно, о столкновении между Белинским и Гоголем. Мы знаем о славянофилах и западниках, но наше внимание было увлечено в область международных

симпатий между славянами и мы не могли заметить созидательных мыслей Ив. Киреевского, философа, поднявшего на высоту образованности не что иное, как веру в Бога, уже тогда врагами поруганную и названную явлением невежества и необразованности. Ведь благодаря славянофилам, Россия даже в начале нынешнего века оказалась единственной страной, которая оказала сопротивление волнам отступничества, подымавшимся с каждым годом все выше и выше. А Достоевский!..

О! Какую ожесточенную борьбу на всех фронтах революции пришлось вести, чтобы сломить Православную Державу Третьего Рима.

Наконец. сломили.

И ни в какой части мира, нигде не вышло наружу то, что сегодня с очевидностью явила победа революции в России. Здесь, во всей беспардонной наглости насильника, связавшего свою жертву, беззастенчиво революция явила себя как вещь – задуманная, подготовленная и исполненная исключительно с одной целью попрания святыни Христовой Церкви, с целью упразднения веры в Бога, попрания святыни с тем, чтобы были вытоптаны даже последние искорки веры, чтобы богопочитание было изжито не только внешне, но даже и то, которое глубоко и тайно живет в сердце человека, хотя бы он и был погружен в чувственность, „в плоть“.

С этим непрерывно связано исполненное гордости намерение возвести человека на место Бога, того Существа, выше Которого ничего нет и быть не может. **Россия оказалась полем битвы между откровенным дьявольским злом и Божественным Добром.** Будем же внимательны. Судьбы России неотделимы от судеб Божиих, совершающихся в жизни человечества. Поэтому, отречение от судеб России, безразличие к ее судьбам, есть отвержение судеб Божиих, есть примирение с силами враждебными Христу Спасителю, есть соучастие в акте отступничества, предсказанное св. Апостолом Павлом (2-ое Фес. гл. 2-ая, ст. 2-ой). Поэтому я не только осуждаю всех, кто, думая исполнять Первую Заповедь,

отвернулся от печалей судеб русского народа, России и Русской Церкви, но скорблю о тех православных иностранцах (греках, французах, американцах и др.), которые мыслят совершить свой подвиг православия, оставаясь в стороне, посторонними зрителями, по отношению к судьбе России, и храня спокойствие в то время, как они видят, как антихристовы силы терзают тело России, Святой Руси и Святой Православной Русской Церкви.

Безразличие к судьбам России – есть примирение с врагами России, с врагами Божиими.

Мы, конечно, вступили в восьмое лето. Оно вводит весь мир в начала невещественной и лучшей жизни, жизни духа. Видя близость полного своего поражения, силы зла, искони терзавшие всех, кто стоит на стороне добра, с особенной силой уязвляют тех, кто верен Христу, верен Богу.

Коль скоро мы являем себя деятелями христианского возрождения, от нас требуется повышенное внимание к духовному содержанию происходящих событий. От нас требуется не только исполнение нравственного Закона, **но и забота об испытании глубин свидетельств Божиих**. Без этого испытания не может быть найдена причина повелений к исполнению нравственного Закона, и самое исполнение окажется бездушным делом, делом наемника или раба, который либо желает избежать кары за неисправность, либо ищет похвалы и награждения. Испытание же свидетельств Божиих и ясное их понимание вводят исполнителя Закона в область усыновления, в которой знаем, что если со Христом страдаем, то со Христом и прославимся (Рим. 8, 15-18).

Так создается прочность, крепость духа человеческого, духа непреклонного, сродного Истине и способного выдержать любые искушения; духа, верного до смерти, и тем достойного воспринять венец жизни.

Так вот, пересматривая вещи, которые нам нужно иметь при себе на торжествах Тысячелетия Крещения Руси, один из моих друзей заметил, что не было Псалтири. Отсутствие Псалтири в этом случае обозначило бы

чрезвычайно большой недочет. В самом деле, не по этой ли книге Русь испокон веков училась грамоте? Не по ней ли она возрастала в добродетели? Не по ней ли научалась побеждать порок, возрастать в Боговедении, в ужасе созерцать глубины падения и, наконец, восходить в высоты Неприступного Света? Псалтирь была нашим путеводителем во всю нашу Тысячу христианских, православных лет.

Но вот, этой-то книги среди вещей, заготовленных в путь, не оказалось. Как так? Оказалось, что псалмопение в наших храмах умолкло. А с этим умолкло и в наших сердцах.

Не подобает, Братие, сему тако быти, – как говорили в старину.

Псалтирь – трудная книга, но без нее – как совершать подвиг духовной жизни? Псалтирь наставляет. Псалтирь указывает верный путь. Псалтирь предупреждает от неверных решений. Псалтирь открывает сердце и тогда открывает сердцу небо и с тем освещает землю.

Псалтирь – трудная книга. Написана давно. Людьми другого мира и при других понятиях, но она раскрывает жизнь человека, который и нынче таков, каким он был во времена Псалмопевца, и подводит к престолу того же Бога, каким Он был и каков Он есть, и каким Он будет до скончания века.

Для понимания Псалтири требуется готовность оторваться от земли, взлететь в область духа, требуется желание богообщения, готовность принять Христа в сердце. Да, есть у нас и опыт наших предков, есть толкования, есть пособия, есть путь, которым прошли наши Святые, в земле Российской просиявшие... А теперь вот, собираясь на торжества Тысячелетия Крещения Руси, мы Псалтирь чуть не забыли! Не ужасно ли это?

От нас требуется в дни нашего века особенно высокая чуткость к малейшим проявлениям сил духовной борьбы. Эта чуткость воспитывается в исполнении Заповедей, в посте и молитве и в ясном созерцании сатанинских глубин (Апок. 2,24) и более того, в желании взойти в высоты

Неприступного Света (I-ое Тим. 6,16), и без этого мы бессильны в деле исполнения Заповеди о любви к ближнему, почему наша борьба за благо родины, при всем нередко являемом героизме, к цели нас не приближает.

Мы можем исполнить наш долг перед родиной только тогда, когда устремим наш духовный взор в область Боговедения, в любовь к Богу, в познание Его, в ощущение Его благотворной близости к нам и в сознании неизбежного в будущем предстоянии перед Божиим судом, где по нравственному суду определится наша судьба в вечности. В это и должен быть устремлен наш взор, сюда должны быть направлены наши желания, здесь находится то дело, которое мы должны совершить.

С этим моли Бога о Его милости к нашей родине, и... положишься на волю Божию.

Если мы, – как сказал кто-то, – не в силах отстоять нашу веру в общественной жизни, то надо тем более заботиться о том, чтобы отстоять свою собственную душу. К этому и обратим наше внимание. В таком нравственном состоянии, думаю я, мы будем достойными участниками торжеств, посвящаемых Тысячелетнему Юбилею со дня Крещения Руси.

Не забудь же, друже, когда пойдешь на эти торжества, вспомни обо всех наших предках, живших в подвиге служения Богу, в Троице славимому, и, подобно тому, как делали они, – имей при себе Псалтирь в руках, в уме и в сердце. В этом зерно, которое пустит корень вниз и принесет плод вверх.

А. В. Карташев

Князь Владимир. Его обращение и крещение*

Настал критический момент, когда языческие силы антихристианской реакции решили смести со своего пути грозный призрак принятия греческой веры и морального подчинения грекам, а не наоборот, как понимала варяжская реакция: – под знаком праотеческих богов завладеть Царьградом, его культурными богатствами и силами, а так решить вопрос о синтезе религии и передовой европейской культуры. Выполнителем этого наивного плана победы над греческим христианством языческая партия избрала Владимира, младшего сына Святослава, от другой его жены – Малуши. Владимир сидел на Новгородском столе. Руководившие им дружинники и вся атмосфера Новгорода благоприятствовали этому конфликту с сильно уже христианизированным Киевом. Киев по своему географическому положению на пути „из варяг в греки“, притягивал к себе завоевательные аппетиты князей-варягов. Как в свое время Олег под знаменем

** Главы из книги: А. В. Карташев, „Очерки по истории Русской Церкви“, т. I, ИМКА-Пресс, Париж, 1959.*

языческой реакции захватил стол киевского князя Аскольда, принявшего греческое христианство, так и теперь эта история повторяется. Провинциальная новгородская группа быстро ославянившихся варягов, с молодым князем Владимиром во главе, руководимая, повидимому, его дядей Добрыней, вновь намечает овладение Киевом под тем же, как и при Олеге, антигреческим знаменем праотческого язычества. Интрига военного похода не могла, конечно, укрыться от Киевского правительства. Рискованно было и для Владимира открыто мобилизовать население для похода на Киев. Для надежности предприятия князь Владимир и Добрыня удалились к своим родственникам варягам в Западную Скандинавию, и оттуда уже, наемив достаточную армию чужаков, начали наступательное движение на юг. Надо было сокрушить, лежащее на пути самостоятельное Полоцкое княжество. Мирная союзническая сделка не удалась. Гордая варяжка, Полоцкая княжна Рогнеда, не захотела пойти в жены Владимира, назвав его „робичичем“, т. е. сыном не скандинавской аристократки, а славянки – Малуши. Малуша, впрочем, имела и варяжское имя Мальфреда. Эти двойные имена были обычными для данного поколения князей-варягов, одинаково владевших двумя языками: русско-славянским и русско-варяжским. Но Рогнеда, конечно, точно знала, кто какой крови, невзирая на имя и разговорный язык. Варяжское двуязычие в ускоренном темпе приходило к своему концу. Если уже Олеговы договоры 60 лет тому назад писаны на русско-славянском языке, то тем более теперь скандинавская языковая безлитературность не могла не уступить место почти монопольному господству русско-славянской письменности на всем поле молодой государственности. Полоцк Владимиром был завоеван. Рогнеда была взята в плен гарема многоженного Владимира, и завоевательный план продолжался. Ярополк в Киеве не устоял против Владимира и в конце 978 и начале 979 г. потерял голову. Владимир завладел и трон и женой убитого им Ярополка – христианкой. Началось неистовство языческой реакции. Прави-

тельство Владимира, в расчете на сочувствие народных масс, решило организовать традиционные культы богам отчасти варяжским, а в большей части местным славянским и финским. По словам Летописи „нача княжети Володимер в Киеве един. И постави кумиры на холму вне Двора теремного: Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат. И Хорса, Дажь-бога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь. И жряху им, наричуще а боги. И привожаху сыны своя и дщери. И жряху бесом и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьми земля Руска и холм тот“. Конечно, весь этот будто бы благочестивый пафос питался демагогией противогреческой и противохристианской. Как ни редка была практика человеческих жертвоприношений, но правительство Владимира сочло нужным навинтить толпу и на эту жестокость. В жертву намечена была христианская семья, может быть купеческого сословия из византийцев, переселившихся в Киев. Угодливые жрецы-волхвы заявили, что жребий пал именно на эту христианскую семью, на отца по имени Феодор и на сына – Иоанна. Они были убиты и сожжены в честь „национальных богов“. Казалось, малокультурная полуфинская, новгородская окраина Руси религиозно победила столичный огречевшийся Киев. Но эта искусственная победа отсталых провинциалов оказалась бессильной изменить властный ход истории. А история всей Европы, и Западной и Восточной, предписывала: – покориться благородному наследию средиземноморских культур и укрепившейся в них высшей богооткровенной религии. Владимир, благодаря первым своим победам казавшийся себе великим, вдруг оказался маленьким, ибо неумным. Его подлинное, не мнимое величие доказано тем, что он это свое заблуждение способен был понять и принять. Владимир сломился. Как это произошло, того никогда в точности не в силах объяснить нам история. В самой глубине духа это останется навсегда тайной личного обращения, подобной чудесной тайне превращения Савла в Павла. Но поиски историков дают некоторое удовлетворение нашему законному любопытству, собирая крохи мно-

гообразных, облеченных в легендарные и сказочные формы, небезынтересных фактов.

Большим препятствием к реалистическому постижению обращения кн. Владимира является та житейская легенда, которая вставлена в состав летописного киевского свода под 988 г., на месте других более ценных для нас кратких сведений, истребленных официальной цензурой греческой церковной власти первого греческого киевского митрополита Феопемта, поставленного во главе русской церкви в 1057 г. уже при князе Ярославле Владимировиче.

Данный этой вставной повестью материал об обстоятельствах религиозного переворота у князя Владимира представляются совершенно неудовлетворительными, ни логически, ни психологически. Владимир – неистовый фанатик, вдруг становится каким-то апатичным, почти индифферентным искателем вер. И даже не сам лично торопится исследовать их, а посылает в разные страны своих послов наподобие коммерческих агентов или политических разведчиков. Это – ненатуральная сказка для детей. Но сами-по-себе факты посольских от кн. Владимира и обратно к нему сношений с окружающими и отдаленными народами это – фон событий бесспорно реалистический. Оценка Владимиром различных вер и культов носит опять былинно-сказочный и даже юмористический характер. Но в этом фольклоре преломляется тот сложный факт, что таинственный и центральный пункт обращения самого Владимира ко Христу не мог не повлечь для него, как мудрого правителя, большого и сложного вопроса: как, после всего периода его языческого безумия, ему наиболее целесообразно перевести в эту, еще вчера гонимую им веру, весь свой народ? Тут получают смысл и сложные разведки, и переговоры, и посольства. Владимир как бы говорит своей дружине: „Я убежден, идите, посмотрите собственными глазами, расследуйте и убедитесь и вы“. Еще такой смысл житийного рассказа может быть гипотетически принятым. Но ни коим образом не тот противоестественный, почти бессмысленный, который дал повод Голубинскому почти с возмущением критико-

вать этот жизненный материал. Критический анализ материала и Голубинским, и академиком Шахматовым, убедительно доказал, что вся ненатуральность основной концепции этой житийной повести проистекает из искусственной и ультра-дипломатической ретушировки всего сложного факта первоначального устройства русской церкви князем Владимиром в борьбе и формальном разрыве с греческой церковной Цареградской властью. Владимир, из-за вероломства греков, поставил новооснованную им национальную русскую церковь в каноническую зависимость от церкви фактически автокефальной, Болгарской Архидской архиепископии. Как увидим ниже, греки были виноваты в этом резком повороте против них кн. Владимира. Когда при сыне Владимира Ярославе, мир с греками, и политический и церковный, налачился, то все житийные и летописные тексты были тенденциозно переработаны и приспособлены к официальной версии, будто от начала все шло просто и гладко. Владимир сам обратился к греческой вере, дал срок своей дружине столь же мирно, изучив разные веры, согласиться с Владимиром, что лучшая из них – греческая. И сразу после этого князь-новатор сделал приказом свыше новокрещенную русскую церковь канонической частью церкви Цареградской. Правда, не все уложилось складно в эту фиктивную рамку. Искусственность ее выдается каким-то необъяснимым эпизодом Владимирской войны с греками за город Корсунь, за невесту – греческую принцессу Анну, и загадочным отсутствием в летописи имен первых возглавителей русской церкви, греческих митрополитов, вплоть до первого имени Феопемпта только уже при Ярославе в 1037 году.

У русских писателей XI века, близких ко времени всеобщего крещения Руси, мы находим драгоценный и подлинно-исторический материал, необходимый для объяснения происшедшего на Руси великого исторического переворота. Все в этих свидетельствах чуждо аляповатой сказочности, напускной наивности, все серьезно, психологически натурально и надлежаше духовно-таинственно.

Возьмем знаменитое похвальное слово митр. Илариона (половина XI века) кагану Владимиру. Автор потрясен глубиной и загадочностью обращения Киевского князя, гонителя веры Христовой, в пламенного ее апостола. Он не допускает и мысли о какой-то внешней, анекдотической разведке о верах, о внешних культовых и бытовых мелочах. Он весь переворот в душе Владимира объясняет его духовной талантливостью и благодатным озарением от Духа Божия. В свете Иларионовой похвалы Владимиру греческий фальсификат, вставленный в летопись, является каким-то унижением всего величественного образа князя Владимира. Приводим слова митрополита Илариона в прекрасном переводе с языка XI столетия на язык половины XIX столетия, сделанный в 1840-х годах профессором протоиереем А. В. Горским. Митр. Иларион риторически обращается к кн. Владимиру, над гробом которого в Десятинном храме он произносит это слово, в присутствии сына его Ярослава и супруги последнего Ирины (норвежки Индигерды):

„Как ты уверовал? Как воспламенился любовью Христовою? Как вселился в тебя разум, высший разума земных мудрецов, чтобы возлюбить невидимое и стремиться к небесному? Как изыскал ты Христа? Как предался Ему? Скажи нам, рабам твоим, скажи нам, учитель наш, откуда повеяло на тебя благоуханием Святого Духа? Кто дал тебе испить от сладкой чаши памятования о будущей жизни? Кто дал тебе вкусить и видеть, яко благ Господь? Не видел ты Христа и не ходил по Нем: как же стал ты учеником Его? Другие видели Его, не веровали, а ты не видел уверовал! Не видел ты апостола, который бы, придя в землю твою, своею нищетою и наготою, голодом и жаждою преклонил твое сердце к смирению. Не видел, как изгоняли бесов именем Христовым, возвращали здоровье больным, как прелагался огонь в холод, воскресали мертвые. Не видел всего этого, как же ты уверовал? Дивное чудо! Другие цари и властители, видя как все сие совершалось святыми мужами, не веровали, но еще самих их предавали страданиям и мучениям. Но ты, о

блаженный, без всего этого притек ко Христу. Руководствуясь только своим добрым смыслом и острым умом, ты постигнул, что Един есть Бог, Творец невидимого и видимого, небесного и земного, и что послал Он в мир для спасения Своего Возлюбленного Сына. И с сими помыслами вступил ты в святую купель. Таким образом, что другим казалось безумием, то было для тебя силою Божией“... В том же слове митр. Иларион не огрубляет никакими второстепенными утилитарными политическими мотивами обращения князя Владимира. И повторно бьет в ту же точку таинственного, лично свободного, бескорыстного переворота в духе Владимира. „Пришло на него, – говорит Иларион, – посещение Вышнего, призрело на него всемилостивое око Благого Бога, и воссиял в сердце его разум. Он уразумел суету идольского заблуждения и взыскал Единого Бога, сотворившего все видимое и невидимое. А особенно он всегда слышал о православной, христоролюбивой и сильной верою земле греческой, как чтут там Единого Бога в Троице и поклоняются Ему; как творятся там силы, чудеса и знамения; как церкви там полны людей; как в селениях и городах благоверных все прилежат к молитве, все предстоят Богу. Слыша все это возгорелся он духом и возжелал сердцем быть христианином и обратить всю землю в христианство“.

О тех же глубоких мотивах обращения Владимира свидетельствует и другой писатель конца XI века, мних Иаков: „Владимир слышал о бабке своей Ольге, как она съездила в Царьград и приняла там святое крещение“. И вот под влиянием этого факта „разгорашеться Святым Духом сердце Владимира, хотя святого крещения. Видя же Бог хотение сердца его, провидя доброту его и призри с небес милостию Своею и щедротами и просвети сердце князю русскыя земли Володимеру прияти святое крещение“.

Третий русский писатель второй половины XI века еще более одухотворяет мотивы крещения Владимира. Разумеем преподобного Нестора, участника в составлении Киевского Летописного Свода. В его „сказании“ о мучени-

ках Борисе и Глебе преподобный Нестор, чуждый всяким утилитарным мотивам обращения князя Владимира, центр тяжести переносит в область мистическую, чудесную. „Бысть бо рече князь, в тьи годы, володый всею землею Русскою, именем Владимир. Бе же муж правдив и милостив к нищим и к сиротам, и ко вдовицам, елин же верою. Сему Бог спону некаку наведы и створи быти ему крестьяну, якоже дрвле Плакиде. Бе бо Плакида муж праведен и милостив, елин же верою, якоже в жизни его пишется. Но егда виде явльшемуся ему крест Господа Нашего и Христа, тогда поклонися ему глаголя: Господи, кто еси и что велише рабу твоему? Господь же к нему: Аз есмь Христос, Егоже ты не ведый чтеши, но иди и крестися. Он же ту абие, поим жену свою и детища своя, и крестися во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И наречено имя ему бысть Еустафей. Также и сему Владимиру явление Божие быти ему крестьянину створися. Ему же наречено бысть имя Василий“.

Итак, близкие ко времени Владимира писатели, почти его современники, ищут серьезных глубоких причин его религиозного кризиса и тем спасают достоинство его биографии от плоского, принижающего и ничего не объясняющего уровня официальной легенды. Наш умный богослов подцензурного времени первой половины XIX века, преосвященный Филарет (Гунмилевский), в своей Истории, не унижаясь до летописной сказки, так реконструирует внутреннюю логику духовного кризиса Владимира: „ужасное братоубийство, победы, купленные кровью чужих и своих, сластолюбие грубое – не могли не тяготить совести даже язычника. Владимир думал облегчить душу тем, что ставил новые кумиры на берегах Днепра и Волхова, украшал их серебром и золотом, заклал тучные жертвы перед ними. Мало того – пролил даже кровь двух христиан на жертвеннике идольском. Но все это, как чувствовал он, де доставляло покоя душе – душа искала света и мира“. К разгадке обращения Владимира может скужить то общее соображение, что Владимир был носителем „широкой русской натуры“, которая стала потом

типичной для русского темперамента, от одной крайности кидаящегося в другую. В этом отношении сказочные черты официального летописного жития Владимира до безмерности подчеркивают и его сладострастие, превосходящее гаремы Соломоновы. И будто бы еще сверх того он безудержно посягал на целомудрие, силой приводимых к нему, девиц и жен. Порок этот во Владимире был всему свету известен. Современник его, польский летописец Титмар Межиборский, называет Владимира „блудником безмерным и жестоким“. И преподобный Нестор влагает в уста кающегося Владимира такие слова: „аки зверь бях, много зла творях в поганьстве и живях, яко скоти, наго“. Но эта-то крайность, может быть, и была спасительным толчком в обратную сторону. Сын Владимира, Святополк, был рожден им от той пленной монахини гречанки, которая была женой Ярополка уже в период христианского настроения последнего. Кто знает: не она ли, захваченная, как военная добыча Владимиром, лично послужила делу его обращения? Летописец под 980-м годом рассуждает: „Володимер залеже жену братию грекиню, и бе непраздна, от нея же родился Святополк. От греховнаго бо кореня зол плод бывает, понеже бо была мати его черницею. А второе – Володимер залеже ю не по браку, прелюбодейчич бысть убо. Тем же и отец его не любяще, бе бо от двою отцю – от Ярополка и от Володимера“. Таково гадание летописца. Но множество исторических примеров подтверждают положительное миссионерское влияние христианских жен на мужей язычников. Вот обобщение Голубинского: „Женщинами вообще усвоется весьма немаловажная роль в распространении христианства в Европе. Обращение франкского короля Хлодвига приписывается его супруге, Бургундской Клотильде. Обращение англо-сакского короля Этельберта – его супруге, франкской принцессе Берте. Обращение современных Владимиру венгерских королей Гейзы и Ваика (Стефана) приписывается их супругам: сестре польского короля Адельгейде и сестре императора Гизле. Чехиням, супругам Владимира, кто бы они ни были,

конечно, было известно о поведении и об успехе Домбровки в Польше“. Голубинский понимает крещение Мечислава польского под влиянием его жены Домбровки, дочери чешского короля Болеслава. Упомянув о двух женах Владимира-язычника чешках, Голубинский рассуждает: „может быть одна из этих чехин была даже рода княжеского и приходилась Домбровке близкой родственницей. Если отдана была княжна за язычника Мечислава, то могла быть отдана и за Владимира. В сем последнем случае княжне младшей естественно было видеть как бы свое призвание в том, что удалось сделать княжне старшей (Домбровке)“.

Кроме брачных влияний, обращение Владимира к христианству должно было наступить с его возрастом и ликвидацией его юных мальчишеских безумий. Наша летопись помнит о том, что Владимир выделялся из ряда других князей своими широкими реформаторскими государственными планами: „И бе Володимер думая (с дружиной!) о строе земленем и уставе земленем“. Его пиры с дружиной, прославленные в былинах – есть только прикладная и видная толпе сторона его совещательных собраний с своими мужами совета.

Связи Владимира с его скандинавскими родственниками и другими европейскими (варяжскими) дворами тоже использовались им в целях реформ и строительства своего Киевского государства. Туманным, но может единственным в своем роде, отражением этих иностранных связей и влияний специально в деле перемены Владимиром государственной религии, служит одна из скандинавских саг на исландском языке об Олаве Тригвесоне. Олав – сын Норвежского конунга Триггве. Жена Триггве Астрида, спасаясь от дворцового переворота, бежит в Гардарикию (т. е. буквально в „Страну городов-гардов“ – обычное имя в сагах для севера русской земли). В Гардарикии живет брат Астриды, Сигурд, у конунга Вальдамара. Олав вырастает при дворце Вальдамара, как любимый приемный сын, на попечении супруги Вальдамара, Аллогии, „умнейшей из всех жен конунга“.

Олав, как подобает юному викингу, пускается в дальние авантюрно-военные странствия. Там он переживает начало своего духовного перелома от язычества к христианству. Снова приезжает в Гардарикию к почти родному Вальдмару и проводит у него со своей дружиной целую зиму. Тут, видимо, вопрос о перемене веры захватил его глубоко, ибо на эту тему Олав видит даже видение. „Небесный голос призвал его для познания истинного Бога отправиться в Византию“. Он отправился к грекам. Там он наставлен был в христианской вере выдающимися учителями, и крестился. По крещении Олав приглашал епископа Павла ехать с ним в Гардарикию. Епископ, „великий друг Божий“, согласился, но просил Олава ехать вперед и уговорить правительство конунга Вальдмара разрешить ему насаждать в Гардарикии христианство.

Крестившийся Олав, возвратясь к Вальдмару, стал убеждать его и его супругу принять христианство. Вальдмар сначала решительно воспротивился изменить вере отцов. Но жена Вальдмара вняла истине и переубедила его. Умиравшая старуха-мать Вальдмара предсказала, что Олав окончательно обратит Вальдмара в христианство. В этих деталях, чувствуется, мы приближаемся к конкретной исторической реальности. По мнению академика Шахматова, мать Владимира, жена Святослава, Малафреда (Малуша), уже была христианкой. По саге, епископ Павел был приглашен и крестил и конунга и его народ.

Все эти элементы саги не противоречат точной истории. Действительно Олав (Триггвесон), король Норвежский, в эти годы (993 - 995 гг.) крестился и крестил народ свой по возвращении из долгих странствий по чужим землям. И нельзя отрицать, что будучи в Гардарикии, т. е. на Руси, он мог действительно быть одним из личных миссионеров, повлиявших и непосредственно на Владимира, и через какую-то из его жен.

Таким образом, по всей совокупности русских источников (в отличие от летописной повести), обращение князя Владимира к христианству произошло по многим внутренним и внешним побуждениям, а не вследствие

какой-то внешней и как бы случайной информации и предложения вер со стороны иностранных посольств. Очень важный затем момент: те же русские источники опровергают букву „Повести“ о крещении князя Владимира в Корсуне. Пункт, особенно ярко внушенный ходячими житийными и школьными рассказами о крещении русской земли. Сама летопись дает основание сомневаться в точности рассказа „Повести“. Даже летописец-компилятор, вставляя „Повесть“ в текст летописи, не скрывает, что кроме рассказа „Повести“ в русской среде о том же факте крещения князя и народа ходят разнообразные предания. Редактор, оправдывая вставку „Повести“ в текст летописи, отвергает другие предания, но, к счастью, не таит их от нас. Сообщая о личном крещении кн. Владимира в Корсуне, автор добавляет: „се же, не свѣдуще право, глаголют, яко крестился есть в Кіевѣ. Інїи же рѣша: в Василевѣ. Друзіи же инако скажуть“. Василев – Васильков в 36-ти верстах к юго-западу от Киева на речке Стугне. В то же время он был личной дачей Владимира. Что Владимир крестился раньше своего народа и чуть не за три года до корсунской войны, это было общеизвестной истиной для русских писателей XI в., в частности для мниха Иакова, который в конце похвалы кн. Владимиру дает нижеследующую связь событий: „Тако же пребывающу князю Володимеру, в добрых дѣлѣх, благодаръ Божїа, посвѣщаше сердце его, и рука Господня помогаше ему, и побѣжаше вся врагы своя и бояхуться его вси. Идѣже идяше, одолѣваше. Радимицѣ побѣди и дань на них положи. Витячи побѣди и дань на них положи на обоих. И Ятвягы вся. И Серебряныя Болгары побѣди. И на козары шед побѣди и дань на них положи. Умысли же и на гречьскій град Корсунь. И сице моляшеся князь Володимер Богу:

„Господи Боже, Владыко всѣх! Сего у Тебе прошю, даси ми град, да прїиму а да приведу люди крестьяны и попы на свою землю, и да научат люди закону крестьянскому“

И послуша Бог молитвы его, и прїя град Корсунь. И взя

сосуды церковные и иконы, и мощи святаго священномученика Климента и иных святых.

В ты дни бѣяста царя два в Цареградѣ: Константин и Василій. И посла к ним Володимер, проси у них сестры оженитися, да бы ся болма на крестьянскій закон направил. И даста ему сестру свою и дары многы присласта к нему, и мощи святых даста ему. Тако добре поживе благовѣрный князь Володимер и сконча житіе свое в правовѣрнѣй верѣ о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашем...

По святом же крещеніи поживе блаженный князь Володимер 28 лѣт. На другое лѣто по крещеніи к порогом ходи. На третье лѣто Корсунь город взя. На четвертое лѣто церковь камену Святыя Богородица заложи. А на пятое лѣто Переяславль заложи. В девятое лѣто десятину блаженный и христілюбивый князь Володимер вда в церкви Святѣй Богородици и ит имѣнія своего“.

Из этих дат Иакова вытекают хронологические выводы для исправления искажений хронологии летописной „Повести“. О дате смерти князя Владимира нет споров. Она падает у всех согласно на 1015 год. По дате Иакова Владимир по крещении прожил 28 лет. Вычитая 28 из 1015 получаем 987. Это – год личного крещения Владимира по мниху Иакову. Тот же год для крещения Владимира дает нам и преподобный Нестор в житии Бориса и Глеба /.../

Преображение самого князя Владимира

За 25 лет своего христианского правления Владимир нашел в себе энергию не только выполнить план внешней христианизации Руси, но, что всего удивительнее, он

сделал попытку реально, деятельно, можно сказать материально, выполнить свое исключительное служение, как главы христианского народа, чтобы воплотить осветившее его душу евангельское откровение в собирательную социальную жизнь народа. Формы этой жизни, в отличие от жизни личной, наиболее инертны и неподатливы на евангельские призывы к любви и самоотречению, как формы жизни космической, натуральной, близкой к жизни мертвой природы. Но Владимиру дана была душа героическая, богатырская. Из всех возглавителей древней и старой Руси эпическая память народа исключительно выделила только двух вождей: Св. Владимира, которого наименовала „ласковым князем и Красным Солнышком“, любившим бедный люд и любимым им, и – грозного царя Ивана, справедливого судью, беспощадно казнившего обидчиков народа. Св. Владимир поразил народное воображение не тем только, что он, как и его предшественники, ублажал пирами своих дружинников и заслуженных сотрудников, но и заботился по крайней мере о праздничных трапезах всего бедного населения государства. Мы знаем из истории только один классический порыв христианской апостольской церкви решить вопрос социальной и материальной правды путем общения имуществ. Опыт показал, что этот порыв посилен лишь на краткое мгновение эсхатологических ожиданий, что „в долготу дней“ в истории, по немощи космической и человеческой природы, он естественно переходит в фазу компромиссных достижений церковного общества, христианизирующегося изнутри, неизбежно погруженного в естественную, управляемую космическими и зоологическими законами социальную жизнь человечества, обобщаемую в формах государственности. Так вопрос обычно сводится на практике к идеалу, вечно недостижимому: – союзному согласованию церкви и государства, духа и плоти, неба и земли, совершенного и несовершенного, святого и если не грешного, то естественно дефективного. Как широкая русская натура, св. Владимир не только в деле внешнего крещения всей страны, но и внутреннего

радикального изменения и обновления его социальной жизни, воспыал желанием повторить опыт первоапостольской церкви: – употребить всю силу государственной власти, все средства государственной казны на то, чтобы крещенные люди почувствовали, как говорит книга Деяний, что у них „одно сердце и одна душа“, что у них „все общее“. До Владимира еще ни одному главе христианского народа не приходила в голову такая мечта. Можно себе представить, какое смущение, а может быть и скрытое негодование вызвало такое „священное безумие“ Киевского князя в части по долгу службы крещенного, но в душе еще языческого, правящего класса! Владимир не озлоблял последний никакими ханжескими лишениями. Он хотел сохранить и расширить всеобщий мир и всеобщую радость братолюбивой христианской жизни. Сама летопись не без удивления сообщает об этих христианских пирах у Владимира каждое воскресенье. „По вся недѣли (т. е. воскресенье) устави на дворѣ в гридниѣ пир творити. И приходити боляром и гридем и соцьким и десятским и нарочитым мужем при князи и без князя. Бываше множество от мяс, от скота и от звѣрины. Бяше по изобилію от всего“. Особенно щедрыми пирами Владимир отмечал памятные ему дни его личного крещения у себя на даче в Василеве в день Преображения Господня и затем праздник Успения, как день всеобщего крещения киевлян. По поводу поставления в Василеве мемориальной церкви летопись говорит: „Постави церковь и сътвори праздник велик, варя 300 провар меду, и съзывавше боляры своя и посадники, старѣйшины по всѣм градом и люди многи. Праздновав князь дній 8 и възвращешеться Киеву на Успенье Святыя Богородица и ту паки сътворяше праздник велик, съзывая безчисленное множество народа“.

У Владимира дело не ограничивалось пирами только праздничными. Летопись не без удивления под 998 г. сообщает, как Владимир порывался буквально выполнить евангельский завет любви, милосердия и нищелюбия: „Бѣ бо любя словеса книжная. Слыша бо единою евангелъе

чтомо: блажени милостивіи, яко ти помиловани будут, а паки (ряд текстов)... си слыша, повеле всякому нищему и убогому приходить на двор князь и взимати всяку потребу – питье и яденье и от скотъниц кунами (т. е. из казны монетой). Устрой же и се рек: „Яко немощніи и больніи не могут долѣзти Двора моего“ – повелѣ прис-
тоити кола (т. е. телеги) и вѣскудаше хлѣбы, мяса, рыбы, овощъ разноличный, мед в бченках, а в других квас, возити по городу, вѣпрошаючи: гдѣ больній и нищ, не могли ходити? Тѣм раздаваху на потребу“.

Может показаться преувеличенным это место летописи. Но оно вполне подтверждается пространными свидетельствами и митр. Илариона, и мниха Иакова. „Кто исповѣсть“, восклицает митр. Иларион, „многія твоя ношныя милости и дневныя щедроты, яже к убогим творяще, к сирым жи и к болящим; к должным и вдовам и ко вѣм требующим милости! Слышал бо глагол Господень... не до слышанія стави глаголанное, но дѣлом сконча слышанное, просящим подавая, нагія одѣвая, жадныя и алчныя насыщая, болящим всякое утѣшеніе посылая, должныя искупая, работныя освобождая. Твоя бо щедроты и милостыня и нынѣ в челоуѣцѣх поминаемы суть“. Живописуя неслыханное и невиданное милосердіе князя, митр. Иларион восклицает: „Радуйся учитель наш и наставник благовѣрія! Ты был облачен правдою, препоясан крѣпостію, вѣнчан смыслом и украшен милостынею, как гривною и утварью златою. Ибо ты, честная главо, был одеждою нагим, ты был питателем алчущих, был прохладою для жаждущих, ты был помощником вдовицам, ты был успокоителем странников, ты был покровом не имѣющим крова. Ты был заступником обижаемых, обогатителем убогих“. Илариону вторит мних Иаков: „Болѣ всего бѣше милостыню творя князь Володимир. Иже немощніи и старѣи не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то в двор им посылаше. Немощным и старым всяку потребу блаженный князь Володимир даяше. И не могу сказати многіе его милостыня. Не токмо в дому своем милостыню творяще, но и по всему

граду, не в Кіеве едином, но по всей земли русской: – и в градѣх и в селѣх, вездѣ милостыню творяще, нагія одѣвая, алчныя кормя и жадныя напоая, странныя покоя милостію, нищія и сироты и вдовицы и слѣпыя и хромые и трудоватыя – вся милуя и накормя и напоая“.

Мы только еще начинаем пристально вглядываться в учительный образ отца нашей нации по плоти и по духу. Только начинаем разгадывать святыя заветы русского Красного Солнышка. Святой князь потряс сердца современников и, что особенно знаменательно, сердца простого народа своей сказочной щедростію. Это явление не объясняется только темпераментом, но оно обращается к нам и своей духовной стороною. „Душевен человек не приѣмлет яже Духа Божія“. (1 Кор. 2, 14). Почти современные Владимиру агиологи чутко переводят объяснение его личности в область духовную. По драгоценному для нас свидетельству преп. Нестора, Дух Божій чудесным образом привел князя к святой купели. И, „отрясши в ней слепоту душевную, вкупѣ и тѣлесную“, св. Владимир, по слову митр. Илариона, „возгорелся духом и возжелал сердцем быть христианином и обратитъ всю землю в христианство“. Благодатно восхотел исполнитъ заветы евангельскіе не по имени только, но на самом деле. Все близкіе свидетели в один голос говорят о чем-то в этом отношеніи необычном, из ряду вон выходящем. Мних Иаков и святость князя Владимира не считал нужным доказывать от посмертных чудес – так она самоочевидна от его необычных дел: „от дѣл познати. а не от чудес“!

Пусть это необычное для наших ультра-аскетических агиографов противопоставленіе „дел“ „чудесам“ есть памятник борьбы русских національных церковных деятелей против греческих церковных властей, сопротивлявшихся по мотивам обиженной амбиціи канонизаціи крестителя Россіи, но оно само по себе многозначительно, ибо и для русской богословской мысли оно ставило вопрос о сущности самой святости с новой, свежей и на опыте самоочевидной и бесспорной для русской совести стороны. Именно это звучит в принципиальном

богословском тексте, который формулирует мних Иаков: – „от дел познати, а не от чудес“. И митр. Иларион, нанизывая добродетели на словесную нить панегирика Владимиру, восхваляя его филантропию, ставит наряду с ней и его функции власти, добро социальное: „правду и крепость“. И самая личная филантропия князя возвышается, в уподоблении княжеским регалиям, гривнам и утвари, до формул идеальных задач его княжеского служения, по-нынешнему – его правительственной программы. Действительно, то о чем говорит летопись и цитированные авторы, это – не личная только „милостыня“ князя. Это социальная помощь в государственном масштабе. Это не откуп только куском хлеба или грошиком на жалобную просьбу нищего у окна, а активное снабжение из государственного центра по столице, по городам и захолустьям срочной помощью нуждающихся, здоровых и немощных...

Наши национальные свидетели с восторженным изумлением передают не только о широте этого опыта решений социального вопроса сверху, в рамках целого государства, волей христианского монарха, но и о мотивах его, тоже потрясающих христианскую мысль. Жития святых полны изумлением пред решимостью героев духа по одному только слышанию евангельского слова в церкви – все оставить и взять крест свой. Как мы уже видели, то же сообщает летопись и о князе Владимире в объяснение его сказочной филантропии. Летописи вторит и митр. Иларион, что св. князь „не до слышания стави глаголанное, но делом сконча слышанное“, т. е. не хотел слова евангелия оставить просто для услаждения слуха, но решил осуществить их на деле. Можно себе представить, как должен был поразить воображение примитивного народа этот неслыханный опыт: – во всем государстве утолить всякую нужду! Какая пертурбация должна была произойти в системе государственного хозяйства и финансов! Недаром предание и былины так запомнили щедроты Красного Солнышка. „Твоя бо щедроты и милостыня, – говорит митр. Иларион, – и ныне в

человецех поминаеми суть“.

Но вопрос благотворительности и жертвенности, любви к ближнему личной и индивидуальной и любви коллективной, социальной, при всем их различии, решается фактически как-то сам собой, при интенсивности усилий к его исполнению. Но есть вопрос гораздо более сложный. Это вопрос не милосердия, не филантропии, а вопрос правды, справедливости суда власти, государственной юстиции, как и принципов самого государства вообще. Это положительно изумительно, что Владимир, по изречению митр. Илариона, „токмо от благаго смысла и остроумия разумѣв“, захотел поставить на почву опыта применение сверхземного, евангельского идеала в отмену римского государственного и уголовного права. Он этим поставил буквально в тупик весь соборный разум, собравшейся около него иерархии. По слову Илариона, князь-креститель „часто собираясь с новыми отцами, нашими епископами, с великим смирением советовался с ними, как установить закон сей (т. е. евангельский) среди людей недавно познавших Господа“. Владимир считал последовательным перейти от римского права к евангельскому безвластию. И вот под 996 годом летопись записывает: „Живяше же Володимир в страсть Божию. И умножишася зѣло разбоеве и рѣша епископи Володимеру: се умножишася разбойницы, почто не казниши их? Он же рече им: „боюсь греха“. Они же реша ему: „ты поставлен еси от Бога на казнь злым, а добрым на милование. Достоит ти казнити разбойники, но со испытанием“. Володимер же отверг виры (т. е. только денежные штрафы), нача казнити разбойников“. Проникаясь духом евангельским, Владимир переживал в своей совести со всей силой нравственную антиномию государственного права и личного всепрощения. Он тяготился долгом меча казнящего, и епископам приходилось успокаивать его чуткую совесть. Поучительно, что св. Владимир, после краткосрочного опыта, не впал в сектантство, а покорился мудрым советам церкви. Церковная мудрость отвергает насильственное введение в жизнь евангельских норм, через принуди-

тельный механизм государства. Мудрый князь не превратил в мертвый закон и своих широких филантропических мер, подсказанных ему лично его горячей христианской любовью. Он не создал карикатуры „христианского государства“. Он осуществил его в пределах заповеди Христовой постольку, поскольку лично ему, облагодатствованному властителю, даны были дары Духа: „вспоможения, управления“ (1 Кор. 12, 23). В наследство своим преемникам св. Владимир не оставил никаких радикально измененных „Основных Законов“, предоставляя им быть слугами Христовыми в меру их даров духовных. И святые сыновья св. Владимира – Борис и Глеб не были социальными реформаторами. Они были аскетами и молитвенниками, исполнявшими заветы Христовы в ином стиле.

Таким образом, в начале русского христианства был момент исключительного порыва к исполнению евангельского идеала, подобный порыву первобытной иерусалимской церкви к самоотверженному подвигу общения имуществ. Личным, а может быть и только единоличным, носителем этого порыва был наш исключительный князь-креститель. Аналогичные порывы у сектантов: монтанистов, павликиан, вальденсов, анабаптистов – приводили к извращениям фанатизма и деспотии, ибо выпадали из-под руководства благодатной мудрости церкви и подчинялись человеческому своеволию и гордыне. Не то было в жизни первохристианской общины и в деле св. Владимира. Это были порывы, покорные воле Духа Святого и в меру подлинной свободной любви Христовой. И, как веяние Св. Духа, эти чудесные достижения приходили и проходили, подобно видениям и обетованиям Царства Христова, не окаменевая в обманчивом насилующем законе. В первенствующей церкви была эпоха чрезвычайных дарований. И первоначальную историю Русской Церкви озарил благодатный луч царства Христова, прошедший через великое сердце Великого Владимира, великого не по человеческому только почитанию, но и по благодатному дару „вспоможения и управления“ (1 Кор. 12, 23), ему ниспосланному. И святой князь

не преткнулся на своем пути. За 1000 лет до Льва Толстого он, ответственно, сидя на княжем судилище, пережил антиномию меча и принял в сердце трагедию его, по внушению церкви. Также точно за 1000 лет до новейших соблазнительей хлебами, св. Владимир сделал все, что мог, для помощи меньшей братии, как устроитель и реформатор государства. И не пролил рек крови, и не заковал народ во имя „равенства и братства“ в цепи рабства, подобно антихристианским „народолюбцам“ наших дней.

В наши дни апокалиптических искушений мира и русского народа властью, хлебами и чудесами техники, перед русской церковью во всей неотвратимости встал мировой социальный вопрос со всеми его соблазнами. Креститель наш дал нам пример, как вести себя на этом труднейшем пути. Христианский народ, христианские деятели, христианская власть прежде всего должны сделать все возможное для проведения во все стороны жизни заветов любви евангельской. Организовать дело христианского братолюбия на уровне современной нам социальной техники. Но народ и власть могут праведно осуществлять это дело только в меру действительной любви Христовой в сердцах самих и творцов и исполнителей всего дела. Без этого духовного, благодатного основания, одна механика „добра“ превращается в бессильное, фальшивое и злое дело. Христианское социальное делание может быть только внутренне свободным. Так сумел вести себя не частный христианин, а государь всей земли русской. Его завет нам: христианизация общественной жизни не на путях внутреннего сектантского насилия или внешнего коммуно-подобного насилия, а на путях церковного разумения христианской свободы.

Само собой разумеется, что между примером св. Владимира и возможностью „подражания ему“ в наше время лежит бездна в глубоком различии эпох. Лишь наивные

люди, ожидающие в наши дни реставрации патриархальной теократии, могут мечтать пытаться повторить буквально то, что уже неповторимо в силу безвозвратности совершившейся исторической эволюции. Вопрос социальной справедливости сейчас все равно решается и будет решаться независимо от церкви на позитивных началах рационалистической культуры. Хронологически церковь опоздала взять в этом деле инициативу и водительство. Но она никогда не опоздает внести в гущу, даже чужеродных ей общественных отношений, свой преображающий дух, свой нравственный корректив внутренними путями: через сердца верующих, участников социального строительства, будут ли то отдельные лица, или их сообщества, или уже существующие органы церкви в виде ее иерархии, соборов и т. д. Эти пути не закрыты перед ней ни при каком строе. Даже в коммунистической тюрьме всепроникающие лучи любви Христовой, неприметно для неверующих глаз, смягчают жестокость животной борьбы за существование. Об этом нам много порасскажут новые жития новых святых, страждущих там наших братьев. Исполнение заветов нашего Крестного Отца – кн. Владимира лежит на ответственности не только невероятного еще в наши дни теократического монарха, но на ответственности всех нас, членов православной церкви, при всех имеющих случиться политических и социальных режимах. При всех этих самых разнообразных возможных режимах мы, – духовные дети нашего крестителя, не имеем права пренебрегать заветами нашего первого христианского строителя земли русской. Мы обязаны *mutatis mitandis* продолжать его дело в новейших формах христианской активности.

Русская земля, а с ней русская церковь, не могут не быть носителями „великой совести“. Нынешняя тирания бессовестности – лишь временное наваждение. Существующие типы рас и культур сложились еще в доисторические тысячелетия и, до сих пор остаются, в основном

неизменными. 50 лет извращенческого перевоспитания не изменят глубины русской души. Она вспомнит праотца своей культуры, человека „великой совести“, св. князя Владимира и возгорится желанием исполнить его заветы.

Своих героев веры и подвига церковь венчает титулом святости. Похвальные эпитеты при этом, заимствованные из риторического византийского языка, бывают самые смелые. Например, Константин Великий, полуязычник по мировоззрению и политическому поведению, именуется „равноапостольным“. Это не уравнивание его духовной личности с лицами апостолов, но только сближение рода служения его делу Христову. Как те приводили к крещению целые области и народы, так и Константин поднял крест над целой империей – тогдашней Вселенной. Это подвиг равный апостольскому. И нашего крестителя богослужебный язык с тем же основанием и с тем же смыслом титулует „равноапостольным“. Но не так-то легко и просто это далось вождям русской церкви вскоре после смерти Владимира. Для греческой церковной власти кн. Владимир был неприятным обидчиком, демонстрантом ее исторического греха. За канонизацию крестителя Руси русские богословы боролись с греческим саботажем целые два столетия. Лишь в момент почти бегства греческой власти от татарского нашествия, русская церковь свободно и дерзновенно канонизировала своего крестного отца.

Цитированные выше похвалы кн. Владимиру наших ранних писателей: Илариона, Иакова, Нестора, служат памятником борьбы русских с греческой оппозицией за канонизацию князя-крестителя. Улавливаем и ходячие возражения с греческой стороны против канонизации. А где же чудеса – верный признак святости? Русские апологеты возражали: чудеса не единственный критерий канонизации. Мних Иаков пишет: „Не дивимся, возлюбленіи, аще чудес не творит по смерти, мнози бо святіи праведніи не сотвориша чудес, но святіи суть. Рече бо нетдѣ

о том святой Златоуст: „от чего познаем и разумѣм свята чловѣка? От чудес ли, или от дѣл?“ И рече: „от дѣл познати, а не от чудес“. И Летописец и „Житие Володимера“ упрекают своих современников, что они не воздают кн. Владимиру должного почитания за его величайшее благодеяние крещения русской земли; что забывают молиться за крестителя в дни его памяти. А по молитвам Бог и прославил бы его особыми знаменами: „Дивно же есть се, колико добра сотворил Русьстей земли, крестив ю! Мы же, хрестьяне суще, не воздаем почестья противу онаго възданью. Аще быхом имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань в день преставленья его, видя бы Бог тщанье наше к нему, прославил бы и. Нам бо достоит зань Бога молити, понеже тѣм Бога познахом“. В ранних житийных и проложных заметках видим старание агиографов возвысить имя Владимира до уровня царя Константина и этим перед греческой властью как бы ходатайствовать и о равной канонизации. Так, неизвестный русский агиограф заключает Владимирово Житие такими словами: „Молюся вама (царям Константину и Владимиру) и мило вас дѣю, писанием грамотица сея малые, юже, похваляя ваю, написах недостойным умом и худым и невежественным смыслом... О святая царя Константине и Володиміре! Помогайта напротивныя сродникам ваю и люди избавляйта от всякія бѣды, греческія и рускія“. В Ипатской Летописи кн. Владимир в первый раз называется святым под 1254-м годом. О праздновании памяти его, как святого, в Лаврентьевском списке говорится под 1263 г. Несомненно, тогда уже существовала служба св. Владимиру. Признаком раннего ее написания служит наименование Владимира „праотцем“ современных ему русских князей.

Кн. Н. С. Трубецкой

Е В Р О П А И человечество *

Разобранные нами до сих пор „аргументы“ в пользу превосходства европейцев над „дикарями“, хотя и встречаются иногда в ученых работах, но все же являются скорее обывательскими рассуждениями, наивными и поверхностными. В научной литературе господствуют другие аргументы, имеющие вид гораздо более серьезный и основательный. Однако, при более тщательном рассмотрении, эти квази-научные аргументы тоже оказываются основанными на эгоцентрических предрассудках. В науке весьма часто можно встретить сближение психологии дикарей с психологией детей. Это сближение напрашивается само собой, ибо при непосредственном наблюдении „дикари“, действительно, производят на европейцев впечатление взрослых детей. Из этого делают вывод, что „дикари остановились в своем развитии“, и что, следовательно, они стоят ниже истинно взрослых европейцев. В этом пункте европейские ученые опять проявляют отсутствие объективности: они совершенно обходят без

**Продолжение. Начало см. «Вече» № 27*

внимания тот факт, что впечатление „взрослых детей“ при соприкосновении европейцев с „дикарями“ является *взаимным*, т. е. что „дикари“ тоже смотрят на европейцев, как на взрослых детей. Факт этот, с психологической точки зрения весьма интересен, и объяснения его следует искать, конечно, в самой сущности того, что европейцы обозначают словом „дикарь“. Выше мы уже сказали, что под словом „дикари“ европейская наука собственно понимает народы, по своей культуре и психологии наиболее отличающиеся от современных романо-германцев. В этом-то обстоятельстве и следует искать объяснения упомянутой психологической загадки. Надо иметь в виду следующие положения:

1. Психика каждого человека состоит из элементов врожденных и благоприобретенных.

2. Среди черт врожденной психики надо различать черты индивидуальные, семейные, племенные, расовые, общечеловеческие, общемлекопитающие и общеживотные.

3. Благоприобретенные черты стоят в зависимости от среды, в которой вращается данный субъект, от традиций его семьи и социальной группы и от культуры его народа.

4. В самом раннем детстве вся психология состоит исключительно из черт врожденных: с течением времени к ним присоединяются все в большей степени черты благоприобретенные, причем некоторые из врожденных черт вследствие этого затушевываются или вовсе исчезают.

5. В психологии каждого человека нам непосредственно понятны и доступны только те черты, которые общи у него с нами.

Из этих положений следует, что когда два человека, принадлежащие к совершенно одинаковой среде и воспитанные в совершенно одинаковых культурных традициях, встречаются друг с другом, они оба понимают друг в друге почти все черты психики, т. к. все эти черты, за исключением некоторых врожденных индивидуальных, у них обоих общие. Но когда друг с другом встречаются

два человека, принадлежащие к двум совершенно различным культурам, совершенно не похожим одна на другую, то каждый из них в психике другого усмотрит и поймет лишь некоторые врожденные черты, а благоприобретенные не поймет, и, может быть, не заметит вовсе, ибо в этой области между двумя встретившимися нет ничего общего. Чем больше отличается культура наблюдателя от культуры наблюдаемого, тем меньше черт благоприобретенной психики первый воспринимает во втором и тем больше психология этого наблюдаемого будет представляться наблюдателю состоящей исключительно из врожденных черт. Но психика, в которой врожденные черты преобладают над благоприобретенными, всегда производит впечатление элементарной. Всякую психику можно представить себе как некоторую дробь, в которой числитель есть общая сумма доступных нашему восприятию врожденных черт, а знаменатель – общая сумма черт благоприобретенных: эта психика будет казаться тем более элементарной, чем дробь меньше (т. е. чем отношение знаменателя к числителю больше). Из приведенных выше положений 3-го и 5-го явствует, что дробь будет тем меньше, чем больше отличается культура и социальная среда наблюдаемого от культуры и социальной среды наблюдателя.

Так как „дикари“ суть, иначе говоря, те народы, которые по своей культуре и по своему быту сильнее всего отличаются от современных европейцев, то ясно, что их психика должна представляться европейцам исключительно элементарной; но из всего предшествующего ясно также и то, что это впечатление должно быть взаимным. Представление о „дикарях“, как о „взрослых детях“, основано на этом оптическом обмане. Мы воспринимаем в психологии „дикаря“ только черты врожденной психики, ибо только эти черты у нас с ним общие (положение 5), благоприобретенные же совершенно чужды и непонятны нам, т. к. они основаны на его культурных традициях (положение 3), совершенно отличных от наших; но психология, в которой врожденные

черты преобладают, а благоприобретенные почти отсутствуют, – есть психология детская (положение 4): потому-то „дикарь“ и кажется нам ребенком. В этом представлении играет роль также и другое обстоятельство. Если мы будем сравнивать между собою психологию двух детей, маленького „дикаря“ и маленького европейца, то найдем, что в психическом отношении оба ребенка гораздо ближе друг к другу, чем их отцы; у них еще нет благоприобретенных черт, имеющих появиться позднее, зато у них много общих элементов, входящих в общечеловеческую, общемлекопитающую и общеживотную психологию, а отличия, вносимые расовой, племенной, семейной и индивидуальной психикой, не так велики. С течением времени некоторая часть этого общего запаса врожденных черт будет вытеснена или видоизменена благоприобретенными, а другая часть сохранится без изменений. Но самые эти части у обоих сравниваемых объектов будут различны. /.../

Таким образом, психика „дикаря“ должна представляться европейцу непременно, как смесь элементарных черт взрослой психологии с чертами детскими. Нечего и говорить, что в таком же виде должна представляться и „дикарю“ психика европейца по тем же причинам.

Оптический обман, о котором мы только что говорили, является причиной и другого явления, именно, того сходства, которое находят европейцы между психологией „дикаря“ и психологией животных. Выше мы сказали, что в психологическом отношении маленький „дикарь“ очень мало отличается от маленького европейца. Если мы к этим двум младенцам прибавим еще молодое животное, то принуждены будем признать, что между всеми этими тремя существами есть кое-что общее – черты общемлекопитающей и общеживотной психологии. Этих черт может быть и не очень много, но все же они существуют. /.../

Все вышесказанное объясняет нам то непосредственное впечатление, которое получают друг от друга люди, принадлежащие к племенам с максимально отличающимися

друг от друга культурами. Каждый из этих людей видит и понимает в другом только то, что у него с ним общее, т. е. только черты врожденной психики, и, уже поэтому, непременно будет считать психологию наблюдаемого исключительно элементарной. Усматривая в наблюдаемом черты, знакомые ему самому из собственного детства, но позднее утраченные, наблюдатель будет считать наблюдаемого субъекта человеком, остановившимся в своем развитии, человеком, хотя и взрослым, но наделенным чертами детской психики. Далее, некоторые черты наблюдаемого покажутся наблюдателю близкими к психологии животных. Что касается до не-элементарных черт наблюдаемого, то будучи благоприобретенными, и, следовательно, связанными с чуждой для наблюдателя культурой, они останутся совершенно непонятными и будут казаться наблюдателю какими-то странностями, чудачеством. Соединение элементарности, детскости и непонятного чудачества делает человека максимально чуждой культуры каким-то нелепым существом, не то уродливой, не то комической фигурой. Это впечатление совершенно взаимно. При встрече друг с другом двух представителей максимально различных культур, оба они кажутся друг другу смешными, уродливыми, словом – „дикими“. Мы знаем, что европеец испытывает точно такие чувства при виде „дикаря“, но знаем и то, что „дики“, при виде европейца либо пугаются, либо встречают каждое его проявление взрывами гомерического смеха.

Таким образом, представление об элементарности психики „дикаря“, о ее близости к детской и к животной психологии, основано на оптическом обмане. Этот обман сохраняет свою силу не только по отношению к „дикарям“, т. е. народам, по своей культуре максимально отличающимся от современных романо-германцев, но и ко всем вообще народам с не-романо-германской культурой. Разница будет только в степени. При наблюдении над представителем „не нашей“ культуры мы будем понимать из его благоприобретенных психических черт только

такие, которые имеются *и у нас*, т. е. связаны с элементами культуры, общими ему и нам. Черты благоприобретенные, но основанные на таких сторонах его культуры, которые не находят себе эквивалента в нашей культуре, останутся для нас непонятными. Что же касается до элементов врожденной психики, то они почти все окажутся понятными для нас, причем часть их будет казаться детскими чертами. Благодаря тому, что врожденную психику этого наблюдаемого нами народа мы поймем почти всю целиком, а благоприобретенную – только поскольку культура этого народа похожа на нашу, соотношение врожденной и благоприобретенной стороны его психики будет представляться нам всегда неправильно, с перевесом на стороне врожденной, причем этот перевес будет тем сильнее, чем сильнее культура данного народа отличается от нашей. Естественно, поэтому, что психика народа с культурой непохожей на нашу будет нам всегда казаться элементарнее, чем наша собственная.

Заметим, кстати, что такая оценка чужой психики наблюдается не только между двумя народами, но и между разными социальными группами одного и того же народа, если социальные различия в этом народе очень сильны и если высшие классы приняли иноземную культуру. Многие русские интеллигенты, врачи, офицеры, сестры милосердия, общаясь с „простым народом“, говорят, что это – „взрослые дети“. С другой стороны, „простой народ“, судя по его сказкам, усматривает в „барине“ известное чудачество и черты наивной полудетской психологии.

Несмотря на то, что представление европейца о психике „дикаря“ основано на оптическом обмане, оно тем не менее играет самую выдающуюся роль во всех квазинаучных построениях европейской этнологии, антропологии и истории культуры. Главное последствие, которое имело это представление для методологии названных наук, заключалось в том, что оно позволило романо-германским ученым объединить в одну группу самые разнообразные народы земного шара под общим именем „дика-

рей“, „малокультурных“ или „первобытных народов“. Мы уже говорили, что под этими названиями надо понимать народы, максимально отличающиеся от современных романо-германцев по своей культуре. Это – единственный общий признак всех этих народов. Признак этот – чисто субъективный и притом отрицательный. Но т. к. он породил оптический обман и основанную на этом обмане одинаковую оценку психики всех этих народов со стороны европейцев, то эти последние приняли свою оценку за объективный и положительный признак и объединили все народы, одинаково далекие от современных романо-германцев по своей культуре, в одну группу „первобытных“. Что, таким образом, в одну общую группу попали народы, по-существу, совершенно друг на друга непохожие (например, эскимосы и кафры) – с этим европейские ученые не считаются, ибо различия между отдельными „первобытными народами“, основанные на особенностях их культур, одинаково отдаленных от романо-германской, европейцу все одинаково чужды и непонятны, а потому и пренебрегаются учеными, как мало-важные и вторичные признаки. И с этой группой, с этим понятием „первобытные народы“, основанном, по-существу, на субъективном и отрицательном признаке, европейская наука оперирует, не задумываясь, как с вполне реальной и однородной величиной. Такова сила эгоцентрической психологии в европейской эволюционной науке.

На том же оптическом обмане и на связанной с ним привычке квалифицировать народы по степени их сходства с современными романо-германцами основан еще один аргумент в пользу превосходства романо-германской цивилизации над всеми прочими культурами земного шара. Этот аргумент, который можно назвать „историческим“, считается в Европе самым веским, и на него историки культуры особенно охотно ссылаются. Сущность его состоит в том, что предки современных европейцев первоначально тоже были дикарями, и что, таким образом, современные „дикари“ стоят до сих пор на той ступени

развития, через которую европейцы давно уже прошли. Аргумент этот подтверждают археологическими находками и свидетельствами древних историков, показывающих, что быт отдаленных предков современных романо-германских народов отличался всеми типичными чертами быта современных „дикарей“.

Призрачность этого аргумента становится очевидной, лишь только мы вспомним искусственность самого понятия „дикари“ или „первобытные народы“, понятия, объединяющего самые различные племена земного шара по одному лишь признаку их максимального отличия от современных романо-германцев.

Как всякая культура, европейская культура изменялась непрерывно и пришла к современному своему состоянию лишь постепенно, в результате долгой эволюции. В каждую историческую эпоху эта культура была несколько иной. Естественно при этом, что в эпохи, более близкие к современности, и культура европейцев была ближе к современному своему состоянию, чем в эпохи более отдаленные. В самые отдаленные эпохи культура народов Европы отличалась от современной „цивилизации“ сильнее всего; в эти эпохи культура предков европейцев представляла *максимальное* отличие от современности. Но все культуры, максимально отличающиеся от современной европейской цивилизации, неизменно относятся европейскими учеными в общую группу „первобытных“. Естественно поэтому, что и культура отдаленных предков современных романо-германцев должна попасть в ту же рубрику. Никакого положительного вывода из этого сделать нельзя. Ибо, ввиду отрицательного понятия „первобытная культура“, тот факт, что эпитет „первобытная“ прилагается европейскими учеными как к культуре древнейших предков романогерманцев, так и к культуре современных эскимосов и кафров, еще не свидетельствует о том, что все эти культуры *тождественны* между собой, а лишь о том, что все они одинаково *непохожи* на современную европейскую цивилизацию.

Здесь мы считаем уместным коснуться еще одной

подробности в учении европейской науки о „дикарях“, подробности, стоящей в теснейшей связи с только что разобранным „историческим документом“. Именно, в тех – в общем, сравнительно редких – случаях, когда европейцам удастся проникнуть в историю какого-нибудь современного „дикого“ племени, неизменно оказывается, что культура этого племени в течение своей истории либо совсем не изменялась, либо „пошла назад“, в каком-либо случае современные „дикари“ представляют из себя результат регресса, постепенного одичания народа, стоявшего некогда на „более высокой ступени развития“. Это обстоятельство зависит опять таки все от того же оптического обмана и от эгоцентрических предрассудков. /.../

Итак, „исторический аргумент“, самый веский и убедительный в глазах европейцев, на поверку оказался столь же мало доказательным, как и все прочие аргументы в пользу превосходства романогерманцев над „дикарями“. Многим может показаться, что мы занимаемся софистикой и жонглируем общими понятиями. Многие скажут, что несмотря на всю логичность наших рассуждений, превосходство европейца над „дикарем“ все же остается несомненной, объективной и самоочевидной истиной, которую именно потому нельзя доказывать: аксиомы не доказуемы, как недоказуемы и факты нашего непосредственного восприятия, например, тот факт, что бумага, на которой я пишу, бела. Однако очевидность только тогда не требует доказательств, когда она объективна. Субъективно для меня может быть вполне очевидно, что я во всех отношениях лучше и умнее моего знакомого N, но, т. к. ни для самого N, ни для многих других наших общих с ним знакомых этот факт не очевиден, я не могу считать его объективным. А между тем вопрос о превосходстве европейцев над „дикарями“ носит именно такой характер: не забудем, что разрешить его хотят сами же европейцы, романо-германцы, или люди, хотя и не принадлежащие к их расе, но загипнотизированные их престижем, находящиеся под полным их влиянием. Если для этих судей превосходство романо германцев очевидно, то очевид-

ность эта не объективна, а субъективна и потому требует еще объективных доказательств. А таких доказательств нет: предшествующее изложение достаточно ясно показало это.

Нам говорят: сопоставьте умственный багаж культурного европейца с умственным багажом какого-нибудь бушмена, ботокуда или веддаса, – разве превосходство первого над вторым не очевидно? Однако мы утверждаем, что очевидность тут только субъективная. Лишь только мы дадим себе труд добросовестно и без предубеждения вникнуть в дело, – очевидность пропадает. „Дикарь“, – хороший „дикарь“-охотник, обладающий всеми качествами, которые ценит в человеке его племя (а только такой „дикарь“ и может быть сравниваем с настоящим культурным европейцем), – хранит в своем уме огромный запас всевозможных познаний и сведений. Он в совершенстве изучил жизнь окружающей его природы, знает все привычки животных, такие тонкости в их быте, которые ускользают от пытливого взора самого внимательного европейского натуралиста. Все эти познания хранятся в уме „дикаря“ далеко не в хаотическом беспорядке. Они систематизированы, – правда, не по тем рубрикам, по которым расположил бы их европейский ученый, но по другим, наиболее удобным для практических целей охотничьего быта. Кроме этих практически-научных познаний, ум „дикаря“ вмещает в себя зачастую довольно сложную мифологию его племени, кодекс его морали, правила и предписания этикета, иногда тоже весьма сложного, наконец, более или менее значительный запас произведений изустной литературы своего народа. Словом, голова „дикаря“ набита основательно, несмотря на то, что материал, ее „набивающий“, совершенно иной, чем тот, который наполняет голову европейца. А вследствие этой разнородности материала умственной жизни „дикаря“ и европейца, их умственные багажи следует признать несравнимыми и несоизмеримыми между собой, почему вопрос о превосходстве одного над другим надо считать неразрешимым.

Указывают на то, что европейская культура во многих отношениях сложнее культуры „дикаря“. Однако такое соотношение обеих культур наблюдается далеко не во всех их сторонах. Культурные европейцы гордятся изысканностью своих манер, тонкостью своей вежливости. Но не подлежит сомнению, что правила этикета и условности общежития у многих „дикарей“ гораздо сложнее и более детально разработаны, чем у европейцев, не говоря уже о том, что этому кодексу хорошего тона подчиняются все члены „дикого“ племени без исключения, тогда как у европейцев хороший тон является уделом только высших классов. В заботе о наружности „дикари“ часто проявляют гораздо больше сложности, чем многие европейцы: вспомним сложные приемы татуировки австралийцев и полинезийцев или сложнее прически африканских красавиц. Если все эти осложнения можно отнести на долю нецелесообразного чудачества, то есть в жизни некоторых „дикарей“ и некоторые несомненно целесообразные институты, гораздо более сложные, чем соответствующие им европейские. Возьмем, например, отношение к половой жизни, к семейному и брачному праву. Как элементарно разрешен этот вопрос в романо-германской цивилизации, где моногамная семья существует официально, покровительствуемая законом, а рядом с нею уживается разнузданная половая свобода, которую общество и государство теоретически осуждают, но практически допускают. Сравните с этим детально продуманный институт групповых браков у австралийцев, где половая жизнь поставлена в строжайшие рамки и, при отсутствии индивидуального брака, тем не менее приняты меры, как для обеспечения детей, так и для недопущения кровосмешений.

Вообще говоря, большая или меньшая сложность ничего не говорит о степени совершенства культуры. Эволюция так же часто идет в сторону упрощения, как в сторону усложнения. Поэтому, степень сложности никак не может служить мерилем прогресса. Европейцы прекрасно понимают это и применяют это мерило только

тогда, когда оно удобно для их целей самовосхваления. В тех случаях, когда другая культура, например, та же культура „дикарей“, в каком-нибудь отношении оказывается сложнее европейской, европейцы не только не считают эту большую сложность мерилom прогресса, но даже, наоборот, объявляют, что в данном случае усложнение есть признак „первобытности“. Так толкует европейская наука все вышеупомянутые случаи: сложный этикет „дикарей“, их забота о сложном украшении тела, даже хитроумная система австралийского группового брака – все это оказывается проявлением низкой степени культуры. Заметим, что при этом европейцы совершенно не считаются уже и со своим излюбленным „историческим аргументом“, разобранном выше: в праистории галлов и германцев (да и самих римлян) никогда не было момента, когда все упомянутые, якобы первобытные, стороны жизни „дикарей“ нашли бы свое проявление. О тщательном украшении тела, о татуировке или о фантастически сложных прическах отдаленные предки романо-германцев не имели никакого понятия, вежливость и „манеры“ были у них в гораздо большем пренебрежении, чем у современных немцев и американцев, а семья спокон веков строилась по одному и тому же образцу. Европейцы не считаются с историческим аргументом и в целом ряде других случаев, в которых его логическое применение говорило бы не в пользу европейской цивилизации. Многие из того, что в современной Европе считается последним криком цивилизации или вершиной еще не достигнутого прогресса, встречается у „дикарей“, но тогда объявляется признаком крайней первобытности. Футуристические картинки, нарисованные европейцами, считаются признаком высшего утончения эстетического вкуса, но совершенно подобные им произведения „дикарей“ – наивными попытками, первыми пробуждениями первобытного искусства. Социализм, коммунизм, анархизм – все это „светлые идеалы грядущего высшего прогресса“, но только лишь тогда, когда их проповедует современный европеец. Когда же эти „идеалы“ оказы-

ваются осуществленными в быте „дикарей“, они сейчас же обозначаются как проявление первобытной дикости.

Объективных доказательств превосходства европейцев над „дикарями“ нет и не может быть потому, что при сравнении разных культур европейцы знают лишь одно мерило: что похоже на нас – лучше и совершеннее того, что на нас не похоже.

Но если так, если европейцы не совершеннее „дикарей“, то та эволюционная лестница, о которой мы говорили в начале этой главы, должна обрушиться. Если вершина ее не выше ее основания, то, очевидно, она не выше и других ступеней, находящихся между нею и ее основанием. Вместо лестницы, мы получаем горизонтальную плоскость. Вместо принципа градации народов и культур по степеням совершенства – новый принцип равноценности и качественной несоизмеримости всех культур и народов земного шара. Момент оценки должен быть раз и навсегда изгнан из этнологии и истории культуры, как и вообще из всех эволюционных наук, ибо оценка всегда основана на эгоцентризме. Нет высших и низших. Есть только похожие и непохожие. Объявлять похожих на нас высшими, а непохожих – низшими, – произвольно, ненаучно, наивно, наконец, просто глупо. Только вполне преодолев этот глубоко вкоренившийся эгоцентрический предрассудок и изгнав его последствия из своих методов и выводов, до сих пор строившихся на нем, европейские эволюционные науки, в частности этнология, антропология и история культуры, станут настоящими научными дисциплинами. До тех пор они являются в лучшем случае средством морочить людей и оправдывать перед глазами романо-германцев и их приспешников империалистическую колониальную политику и вандалистическое культуртрегерство „великих держав“ Европы и Америки.

Итак, на первый из поставленных вопросов, на вопрос: „Можно ли объективно доказать, что культура современных романо-германцев совершеннее прочих культур, ныне существующих или когда-либо существовавших на

земле?“ – приходится ответить отрицательно.

III

Теперь попытаемся ответить на вопрос: возможно ли полное приобщение какого-нибудь народа к культуре, созданной другим народом? Под полным приобщением мы разумеем, конечно, такое усвоение культуры чужого народа, после которого эта культура для заимствующего народа становится как бы своею и продолжает развиваться в этом народе совершенно параллельно с ее развитием у того народа, от которого она позаимствована, так что оба – создатель культуры и заимствователь – сливаются в одно культурное целое.

Для того, чтобы ответить на вопрос, поставленный в такой форме, нужно, конечно, знать законы жизни и развития культуры. Между тем европейская наука в этой области не знает почти ничего, т. к. находясь на том ложном пути, на котором стоят все европейские эволюционные науки, благодаря эгоцентрическим предрассудкам, о которых мы говорили выше, социология до сих пор не могла выработать ни объективных научных методов, ни тем более сколько-нибудь достоверных выводов, и пребывает на ступени развития алхимии. Кое-какие правильные точки зрения на метод, которым должна бы пользоваться социология, и кое-какие верные взгляды на истинную сущность механики или динамики социальных явлений можно найти разбросанными у отдельных европейских социологов, которые, однако, сами никогда своих методологических принципов до конца не выдерживают и неизменно впадают в основанное на эгоцентризме обобщение относительно развития „человечества“. Эта страсть к поспешным обобщениям, всегда неверным вследствие ложности основных понятий „человечества“, „прогресса“, „первобытности“ и пр., – эта страсть существует у всех социологов и особенно затрудняет пользование их выводами. Крупнейший европейский социолог прошлого века, к сожалению, сравнительно мало известный

и неправильно оцененный в Европе, французский ученый Габриэль Тард в своих общих воззрениях на природу социальных процессов и на методы социологии подошел к истине, пожалуй, ближе, чем другие. Но страсть к обобщениям и стремление сейчас же после определения элементов социальной жизни дать картину всей эволюции „человечества“ погубили и этого остроумного исследователя. К тому же пропитанный, как и все европейцы, эгоцентрическими предрассудками, он не может встать на точку зрения равноценности и качественной несоизмеримости народов и культур, не может мыслить „человечество“ иначе, как стройное единое целое, отдельные части которого расположены на эволюционной лестнице, наконец, не может порвать с понятием „общечеловеческого“ или „мирового прогресса“. Таким образом, хотя мы примыкаем в целом ряде важных пунктов к социологическим учениям Тарда, тем не менее, в его теории нам приходится вводить некоторые весьма существенные поправки. С точки зрения этой-то социологической системы мы и подойдем к решению поставленного выше вопроса.

Жизнь и развитие всякой культуры состоит из непрерывного возникновения новых культурных ценностей. Под „культурной ценностью“ мы разумеем всякое целесообразное создание человека, сделавшееся общим достоянием его соотечественников: это может быть и норма права, и художественное произведение, и учреждение, и техническое приспособление, и научное или философское положение, – поскольку все эти вещи отвечают определенным физическим или духовным потребностям или для удовлетворения этих потребностей приняты всеми или частью представителей данного народа. Возникновение каждой новой культурной ценности можно назвать общим именем „открытия“ (invention – термин Тарда). Каждое открытие представляет из себя комбинацию двух или нескольких уже существующих культурных ценностей или их различных элементов, при чем, однако, новое открытие неразложимо вполне на свои составные

части и заключает в себе всегда некоторый плюс в виде, во-первых, способа самой комбинации, а, во-вторых, отпечатка личности творца. Раз возникнув, открытие распространяется среди других людей путем „подражания“ (imitation – тоже термин Тарда), причем это слово надо понимать в самом широком смысле, начиная с воспроизведения самой культурной ценности или воспроизведения способа удовлетворять данную потребность при помощи этой ценности, и до „симпатического подражания“, т. е. подчинения созданной норме, усвоения данного положения, предполагаемого истинным, или преклонения перед достоинством данного произведения. В процессе подражания данное новшество может столкнуться и вступить в противоречие с другим или с уже признанной раньше культурной ценностью, в каковом случае между ними завязывается борьба за первенство („duel logique“ Тарда), в результате которой одна из этих ценностей вытесняется другой.

Только преодолев все эти препятствия и распространившись путем подражания на все социальное целое, данное открытие становится фактом социальной жизни, элементом культуры. Культура в каждый данный момент представляет из себя сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа.

Таким образом, сущность развития и жизни культуры сводится к двум элементарным процессам: „открытие“ (invention) и „распространение“ (propagation) с необязательным, но почти неизбежным дополнением „борьбы за признание“ (duel logique). Нетрудно видеть, что оба основных процесса имеют между собой много общего: поскольку открытие является всегда навеянным предшествующими открытиями или, лучше сказать, уже существующими культурными ценностями, его можно рассматривать как комбинированное подражание или, выражаясь словами Тарда, как столкновение в индивидуальном сознании двух или нескольких подражательных волн (ondes imitatives). Отличие состоит лишь в том, что

при открытии между сталкивающимися ценностями не происходит борьбы (*duel logique*) в узком смысле этого слова; что ни одна из ценностей не вытесняет другую, а, наоборот, все они синтезируются и соединяются в одно целое, тогда как при распространении столкновение ценностей не создает новой, а лишь устраняет одну из борющихся сторон.

Поэтому, и „открытие“ и „распространение“ могут рассматриваться, как две стороны одного и того же процесса „подражания“ (*imitation*). Особенность учения Тарда состоит именно в том, что как элемент социальной жизни он принимает только один элементарный психический процесс подражания, протекающий всегда в индивидуальном мозгу, но, вместе с тем, устанавливающий связь между отдельным индивидуумом и другими людьми и, поскольку, относящийся не к чисто индивидуальной психологии, а к психологии „междуиндивидуальной“ (*interpsychologie*).

Теперь постараемся ясно представить себе те условия, которые необходимы для непрерывного появления открытий, иначе говоря, для развития культуры. Прежде всего, для этого необходимо существование в сознании данной культурной среды всего запаса уже созданных и прошедших через стадию борьбы культурных ценностей. Это необходимо, во-первых, потому, что, как сказано выше, всякое новое открытие всегда складывается из элементов уже существующих культурных ценностей, согласно принципу *ex nihilo nihil fit*. Кроме того, имея целью удовлетворить известную потребность, всякое новое открытие в то же время вызывает новые потребности или видоизменяет старые, делая необходимым искание новых путей к удовлетворению этих новых потребностей; все это делает совершенно необходимой теснейшую связь новых открытий с уже существующим запасом культурных ценностей. Этот общий запас культурных ценностей, иначе говоря, инвентарь культуры, для успешного дальнейшего развития должен передаваться путем традиции, т. е. всякое молодое поколение должно усваивать, путем подра-

жания старшим, культуру, в которой выросло предшествующее поколение и которую это поколение, в свою очередь, получило от своих предшественников.

Для каждого поколения полученная таким путем традиции культура является исходной точкой дальнейших открытий, и это обстоятельство является одним из непременных условий непрерывности и органичности развития культуры. Наконец, кроме традиции, самую важную роль в развитии культуры играет наследственность (фактор недооцененный Тардом). Наследственность дополняет собой традицию, и при помощи ее из поколения в поколение передаются вкусы, предрасположения и темпераменты тех, кто творил культурные ценности в прошлом, что и способствует органичности всего развития культуры.

Для процесса распространения открытий (*propagation des inventions*), составляющего другую столь же существенную часть развития культуры, в общем, необходимы те же условия, что и для самого возникновения открытий. Наличие общего запаса культурных ценностей необходима ввиду того, что именно этот запас определяет собою те потребности, которые должно удовлетворять открытие, а, между тем, открытие может привиться только в том случае, если потребность, вызвавшая его к жизни, имеется налицо, и при том именно в совершенно одинаковом виде как у изобретателя, так и у общества. Далее, залог успешного распространения открытия заключается большею частью в подготовленности сознания общества к его принятию, а эта подготовленность предполагает, что элементы каждого нового открытия почерпаются из того же общего запаса ценностей: следовательно, этот общий запас, одинаковый у изобретателей и подражателей, составляет необходимое условие распространения открытия. Но наличие этого одинакового запаса культурных ценностей, сама по себе, еще для этого не достаточна. Важно, чтобы все эти ценности и их элементы в сознании общества и в сознании изобретателя были расположены приблизительно одина-

ково, чтобы их взаимоотношения в том и другом сознании были те же самые. А это достижимо лишь при условии одной традиции. Наконец, для того, чтобы данное открытие было принято всеми или большинством, необходимо, чтобы вкусы, предрасположения и темперамент его создателя не противоречили психическому укладу данного общества, – а для этого нужна единая наследственность.

После этих предварительных рассуждений из области общей социологии мы можем приступить и к разрешению интересующего нас вопроса о возможности для целого народа полного приобщения к чужой культуре. Перед нами два народа, скажем А и Б, каждый имеет свою культуру (ибо без культуры в выше определенном смысле никакой народ немыслим), причем эти две культуры различны. Теперь предположим, что народ А заимствует культуру народа Б. Спрашивается: может ли в дальнейшем эта культура на почве А развиваться в том же направлении, в том же духе и в том же темпе, как на почве Б? Мы знаем, что для этого нужно, чтобы после заимствования А получило одинаковый с Б общий запас культурных ценностей, одинаковую традицию и одинаковую наследственность. Однако ни то, ни другое, ни третье невозможно. Даже если народ А сразу заимствует у Б весь инвентарь культуры Б, общие запасы культурных ценностей у обоих народов все-таки не будут одинаковы, ибо у А к запасу Б будет присоединяться, особенно в первое время, инвентарь прежней культуры А, который у Б отсутствует. Этот остаток прежней национальной культуры в первое время после заимствования всегда будет жив, хотя бы в памяти народа А, как бы старательно эта культура ни искоренялась. Благодаря этому и традиция у народа А окажется совершенно иной, чем у народа Б. Наконец, наследственность не может быть заимствована без антропологического смешения А с Б, да даже и при таком смешении наследственность у помеси А и Б будет иная, чем у одного Б. Таким образом, первое время после заимствования условия жизни культуры народа Б на

почве народа А будут совершенно отличными от условий жизни ее на родной почве народа Б.

Эти первые шаги культуры, перенесенной на новую почву, оказываются роковыми для ее дальнейшего развития. Самым решающим образом должно действовать отсутствие органической традиции. Целый ряд элементов культуры Б в самом народе Б воспринимается и усваивается с детства. В народе А все эти элементы будут усваиваться уже в зрелом возрасте. В народе Б естественным проводником традиции является семья. В народе А семья не может первое время передавать подрастающему поколению традицию новой культуры в чистом виде. Эту традицию приходится прививать через школу или через более или менее искусственные коллективы – армию, заводы, фабрики и пр. Но, получая из этих источников традиции новой, заимствованной культуры, молодые поколения в то же время сохраняют и традиции прежней национальной культуры, полученные ими из семьи даже в более позднее время. Естественно, что эти молодые поколения комбинируют обе традиции и создают в результате некоторую смесь из понятий двух различных культур. Эта смесь создается в каждом индивидуальном сознании, хотя, конечно, не без влияния подражания окружающим. В общем, смесь получается у каждого своя и все они довольно различны, смотря по условиям личной биографии каждого отдельного субъекта, причем, конечно, у людей со сходной биографией различия в смеси не так значительны.

Как бы то ни было, когда молодые поколения, о которых идет речь, из роли воспринимающих традицию перейдут в роль передающих ее, они передадут следующему за ними поколению не чистую традицию культуры Б, а традицию смеси А и Б. Следующее поколение, получая из школы и подобных источников более или менее чистую культуру Б, а из семьи и из свободного социального общения со старшими – вышеупомянутую смесь А и Б, само будет производить новую смесь из этих элементов и, впоследствии, передаст традиции этой

новой смеси поколению следующему за ним, и т. д. Таким образом, культура народа А будет всегда смесью культур А и Б, причем в каждый данный момент у старшего поколения элемент А будет несколько сильнее, чем у младшего, и семья будет ближе к А, чем другие коллективы. Впрочем, с течением времени отдельные элементы культуры А проникнут и в ту традицию, которая передается молодым поколениям школой, так что эта традиция тоже станет смешанной. В результате вся культура народа А окажется основанной на смешанной традиции двух культур, тогда как культура народа Б останется однородной: значит, полного тождества между народами А и Б в культурном отношении все-таки не получится.

Выше мы сказали, что каждое открытие складывается из элементов уже существующих культурных ценностей. Общая сумма возможных в данный момент открытий, следовательно, зависит от общей суммы культурных ценностей, имеющихся налицо у данного народа. А т. к. в отношении запаса культурных ценностей между народами А и Б, как сказано, никогда не будет полного тождества, то ясно, что и сумма возможных открытий у обоих народов никогда не будет одинакова: иначе говоря, направление развития культуры у народа Б, создавшего ее, и у народа А, позаимствовавшего ее, будет различно. К этому надо присоединить еще различия во вкусах, предрасположениях и темпераментах, обусловленные различием в наследственности. Наконец, часто все это осложняется различиями географических условий и (например, в вопросе о костюме) антропологических типов.

Таким образом, надо признать, что полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, – дело невозможное.

История отнюдь не противоречит этому выводу. Всюду, где имеется подобное полное приобщение к чужой культуре, более пристальное изучение фактов показывает либо, что это приобщение является только кажущимся, либо, что оно стало возможным только благодаря антропологическому смешению народа-создателя с

народом-заимствователем. Как на исторические примеры приобщения к чужой культуре указывают на эллинизацию и романизацию. Однако, эти примеры мало удачны. В „эллинизированных“ странах, как известно, получалась именно смесь древней греческой культуры с туземными культурами. Элементы греческой культуры, как и греческий язык, служили лишь цементом, объединявшим друг с другом все эти смешанные культуры: как известно, элемент иноземной культуры проник тогда и в саму Грецию, так что и сам греческий народ получил смешанную культуру. Таким образом, здесь не было „народа Б“, создавшего культуру, и „народа А“, эту культуру позаимствовавшего, а были народы А, Б, В и т. д., заимствующие друг у друга отдельные элементы культуры, вступившие между собою в оживленное культурное общение, совершенно взаимное. Что касается до романизации, то в ней надо различать два момента. Романизацию Апеннинского полуострова нельзя рассматривать, как приобщение к чужой культуре, ибо культура Рима республиканской эпохи мало отличалась от культуры других городских общин Италии. На всем полуострове господствовала одна культура с незначительными особенностями в отдельных местностях, и романизация, собственно, свелась к распространению латинского языка, заменившего собою все остальные наречия Италии, из которых, к тому же, большинство были близко родственны с наречием Рима. Несколько другой характер имела романизация более отдаленных провинций Римского государства – Галлии, Испании, Британии и пр., в которых национальная культура существенно отличалась от римской. Но тут надо принять во внимание несколько обстоятельств. Во-первых, романизация в этих областях происходила с большой поспешностью. Первоначально римляне ограничивались лишь проведением дорог и учреждением военных поселений, состоявших сначала из одних итальянцев, а затем подвербованных солдат и из местного населения. Позднее начали вводиться в этих местах римские государственные учреждения и римское право. В

религиозном отношении обязательным был лишь культ императора, другие же римские культы не вводились, а приносились в провинцию римскими солдатами, мирно уживаясь с национальными культами. В области материальной культуры, одежды, жилища, орудий производства провинциальные „варвары“ долгое время сохраняли свою самобытность, сглаживающуюся очень постепенно, благодаря оживленным торговым сношениям с другими провинциями и с Римом. Таким образом, культура романизированных провинций была всегда смешанной. Наконец, и сама якобы римская культура, так или иначе насаждавшаяся во всех этих областях во времена Империи, представляла из себя довольно пеструю смесь разнородных элементов самых разнородных культур греко-римского мира. В результате получилось не приобщение разных народов к культуре, созданной одним народом, а эклектизм, синтез нескольких культур. Что местные национальные культуры при этом продолжали существовать и развиваться в народных массах, показывает эпоха конца римского владычества, когда эти народные культуры всплыли на поверхность, освобожденные из-под нивелирующего влияния столицы, и дали начало культурам народов средневековья.

Эти примеры показывают, что с приобщением к чужой культуре не надо отождествлять смешение культур. Как общее правило, надо сказать, что при отсутствии антропологического смешения возможно именно лишь смешение культур. Приобщение, наоборот, возможно лишь при антропологическом смешении. Таковы, например, приобщение манджуров к культуре Китая, гиксов – к культуре славян и т. д. или приобщение пруссов, полабов и лужичан (в этом последнем случае пока еще не полное) к культуре немцев.

Таким образом, и на второй вопрос из поставленных вопросов, – на вопрос: „возможно ли полное приобщение целого народа к культуре, созданной другим народом, без антропологического смешения обоих народов?“ – приходится тоже ответить отрицательно.

РУССКИЕ КНИГИ

на складе парижского издательства

ЛЕВ

01 АГНИВЦЕВ Н. – „Мои песенки“.	ам. \$ 9,00
02 Вел.Кн. АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – Книга воспоминаний.	ам. \$ 28,00
03 Преосв. АНТОНИЙ – Словарь к творениям Достоевского.	ам. \$ 14,00
04 БЛОК А. – Последние дни императорской власти.	ам. \$ 14,00
05 БУНИН Н. – Воспоминания.	ам. \$ 24,00
06 ВОЛКОНСКАЯ О. – Как тяжкий млат.	ам. \$ 17,00
07 ГОЛЛЕРБАХ Э. – Город муз,	ам. \$ 15,00
08 ГУБЕР П. – Дон-жуанский список А. С. Пушкина.	ам. \$ 25,00
09 ДЖИЛАС М. – Тито, мой друг, и мой враг.	ам. \$ 19,00
10 ДНЕВНИК ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.	ам. \$ 24,00
11 ЖИЛЬЯР П. – Тринадцать лет при русском Дворе.	ам. \$ 28,00
12 ЗАНДЕР Л. – Песнь Господня.	ам. \$ 8,00
13 ИВАНОВ Г. – Избранные стихи.	ам. \$ 16,00
14 КАРАЧЕВЦЕВ С. – Тысяча двести анекдотов.	ам. \$ 16,00
15 КОРОВИН К. – Шалапин.	ам. \$ 16,00
16 ЛЕЙКИН Н. – Где апельсины зреют.	ам. \$ 16,00
17 МЕЛЬГУНОВ С. – На путях к дворцовому перевороту.	ам. \$ 18,00
18 МИНЦЛОВ С. – За мертвыми душами.	ам. \$ 18,00
19 ПАЛЕОЛОГ М. – Роман Императора.	ам. \$ 9,00
20 ПОЛОВЦЕВ Л. – Рыцари Тернового Венца.	ам. \$ 17,00
21 РЕМИЗОВ А. – Встречи.	ам. \$ 27,00
22 ТИТОВ А. – Лето на водах.	ам. \$ 16,00
23 ТРУБЕЦКОЙ Кн. Е. – Смысл жизни.	ам. \$ 23,00
24 ЦВЕТАЕВА М. – Вечерний альбом.	ам. \$ 18,00
25 ЦВЕТАЕВА М. – Волшебный фонарь.	ам. \$ 14,00
26 ЦВЕТАЕВА М. – Психея.	ам. \$ 9,00
27 ЦВЕТАЕВА М. – Разлука.	ам. \$ 8,00
28 ЧЕРНЫЙ Саша – Детский остров.	ам. \$ 9,00
29 ЧЕРНЫЙ Саша – Румяная книжка.	ам. \$ 12,00
30 ЧЕРНЫЙ Саша – Сатиры.	ам. \$ 19,00
31 ЧЕРНЫЙ Саша – Солдатские сказки.	ам. \$ 16,00
32 ЭЙХЕНБАУМ Б. – Анна Ахматова.	ам. \$ 11,00
33 ЭФРОН А. – Страницы воспоминаний.	ам. \$ 18,00
34 Кн. Ф. ЮСУПОВ – Конец Распутина.	ам. \$ 24,00

Заказы направлять по адресу:

SNOCHOLOUS Vlad. Ed., LEV, 59, Avenue Victor Hugo
92100 BOULOGNE-sur-SEINE (France)

Пересылка за счет покупателя. Просим добавлять на пересылку
1,50 долл. за первый и 75 центов за каждый следующий экземпляр

Книги отправляются после получения чека

В. В у л и ч

Румынские миниатюры

1. Р у м ы н и я

„Когда солнце склоняется к западу, когда сумерки опускаются над степью, тайное очарование одиночества наполняет грудь путника. Ночные звуки поднимаются от земли; шопот ветра в травах, стрекот кузнечиков, тысячи легких и неопределимых звуков, словно вздох, исторгаемый из усталой груди природы. А в вышине летят вереницы журавлей, этих кочующих птиц, в которых божественный Данте видел души людей, среди них и нежную свою Франческу...“ С описаниями степи румынского классика Александра Одобеску могла бы соперничать, разве что, сама степь. Недаром, он так восхищался Гоголем, перемежая свое описание с картинами степи из „Тараса Бульбы“: „ Мне кажется, что незаметно для себя я начал переводить описание малороссийской степи с чудесных страниц замечательного исторического романа Н. Гоголя, „Тарас Бульба“. И, как Гоголь, я сказал бы 'Черт вас возьми, степи, как вы хороши!' “

Румынский язык необыкновенно музыкален и выразите-

лен. Язык звучный, сердечный и поэтический. И вся страна, включая крестьян, говорит на языке очень чистом. При этом психологическое замечание: о наиболее часто употребляемых словах, что отражает духовный склад народа. Так, у немцев это, вне всякого сомнения слово „mein“, моё, кроме того, несколько слов чисто практического смысла. У румын же это: душа, любовь, красота, счастье, радость, Бог, свет – слова надежды и устремленности к жизни, а также великой связи с природой.

Благословил Бог Румынию несравненной красоты, богатства и щедрости землей, и веселым, дружественным народом, трудолюбивым и скромным, с природным живым умом и большим чувством юмора. Народом терпеливым и терпимым. Приходит в голову мысль, что если бы искать метафорического сравнения для Румынии, можно было бы назвать ее „империей в миниатюре“, игрушечной империей. Она всегда любила называть себя великой Румынией. Как и вообще все, что имело к ней отношение. Даже какая-нибудь крошечная речушка в горах, которую в иных местах и перешагнуть можно, – Бырса, – называется непременно Большая Бырса. Но – кому это мешает? А кто только в Румынии не жил, в достатке и мире! Венгры, немцы, греки, болгары, евреи, турки, армяне, сербы, бессарабцы, рутяне, цыгане... Румыны, разумеется, в большинстве, и „главные“, но о других они говорят: „Дай Бог ему удачи, он тоже хочет жить!“ В Румынии не было великой разобщенности людей нашего века.

Румыния провинциальна, провинциальна и ее столица, „маленький Париж“, как ее называли. Город монументально-подражательный: Триумфальная Арка – точная копия парижской. Много статуй, помпезных и по большей части связанных с историей. Тщеславные кладбища, тоже изобилующие статуями. Огромный „Версаль“ в центре города.

Но на Calea Victoriei, главной улице, рядом, вы встретите и крестьянина в опинчах, или даже босиком, и, прогуливающегося, короля. Последним королем был маль-

чик, король Михай, горячо любимый народом. Встречая его, люди сияли. Необычны, в нашем веке, такие проявления преданности и любви к правителям...

Покоряющее очарование Румынии – именно в ее провинциальности, ее остается все меньше на земле, этой утерянной простоты. Она сказывается во всем – в быте, в мироощущении, в психологии людей, в их наивной непосредственности. Сосед в трамвае может рассказать вам историю всей своей жизни, но с неменьшим интересом он выслушал бы и вашу.

В будущем мире будет невероятное количество машин, и ни одной певчей птицы, и ни одного полевого цветка. В грохоте железного нашего века, разрушающего естественную гармонию сосуществования человека и земли, возвышающего уродливые каменные города к отравленному, умирающему небу, века, создающего на земле ад, – Румыния кажется оазисом в пустыне. И с ее природой, и с ее народом. В горах вы еще можете встретить пастуха, со свирелью, как и тысячу лет назад. Румынский национальный инструмент так и называется – Panflöte. Свирель Пана.

*

Была Румыния страной обетованной. Голода не знали, на всех хватало. То, что особенно поражало новоприбывших, и это в трудные годы войны, – необыкновенное изобилие. Нам, прошедшим через годы войны и голода, оно казалось невероятным, Румыния предстала страной с молочными реками и кисельными берегами. Крестьяне с любовью обрабатывали свою землю, и она платила за это щедростью: в Трансильвании, например, некоторых видов овощей снимали до трех урожаев за одно лето. Такого мы не видывали. Крестьяне везли свои излишки в города круглый год. Были веселые крестьяне, обильнейшие базары, богатейшие ярмарки.

Однако, все изменилось, с исторического дня 23 августа 1944 года, когда Румынию „освободили“. И когда настало

время „братской помощи“ и „обмена опытом“. Кажется, не изгажено ни одно слово так, как слово „братский“. В плане „братской помощи“ (от Старшего Брата) – ободрали Румынию, как липку. Вывозили грабительски все: нефть, уголь, руду, мясо, хлеб, шерсть, лес. Леса грубо, убийственно и хищнически вырубались, на месте вековых великанов оставались лысые горы.

Румыния получила чуждый и ненавистный ей режим, и все учреждения, ему присущие: социалистическую милицию, КГБ и прочее. Со времени утверждения советского владычества, искусство и литература, наука и школа – все было дирижировано Кремлем. Не будь великого шанса – быть „освобожденным“, – Румынское Королевство было бы очень счастливо, увенчав свою историю конституционной монархией, которая наиболее адекватна всему его духовно-национальному укладу. Но, вместо этого, сделав „диалектический скачок“ прямо в „царство свободы“, Румыния победоносно строит социализм.

*

Национальное чувство, испытанное за время многовековой истории Румынии в различных иноземных нашествиях, приобрело свойство гибкости, приспособляемости, и сильный оттенок фатализма. Румыны – народ с отчетливо выраженной мистической окраской души. Они естественно-религиозны, и естественно-мистичны. В их тоскливых дойнах – и воспоминания, и предвиденья народа. Один из рассказов Иона Славича, творчество которого посвящено народной жизни, начинается так: „Когда переступаешь порог дома, входишь ты, или выходишь, – сотвори три креста и скажи: „Бог в помощь!“ Потому что вся жизнь состоит из случайностей, и случайность может быть счастливой или несчастливой, и никто не знает, в добрый ли час начал человек то, что задумал“.

Не знала и Румыния, что нес ей долгий, страшный день, который длится и поныне.

Я помню Бухарест, каким видела его в первый мой

приезд, еще до капитуляции Румынии. Как полон жизни был он! Помню мое первое знакомство с румынским театром. Это был небольшой театр, с очень хорошими артистами. Шла „Calatorie sea mare“, – „Большой вояж“. Все действие происходит на пароходе. Но именно действие – отсутствует. Пассажиры парохода, оживленное и разношерстное общество, встречаются и ведут разговоры. Из них постепенно выясняется одно странное обстоятельство: никто из них не знает, куда они плывут! Не знает цели плавания... Так проходит несколько действий, которые все больше нагнетают тревогу. Наконец, раздается звук гонга, и входит до тех пор бессловесное действующее лицо, которое им объявляет, что они прибыли к месту назначения. И одновременно падает пелена с глаз, проясняется, что до тех пор проскальзывало недомолвками, неответами, тревожными молчаниями: что все они – мертвы, и путешествие это, последнее, было „туда“, в мир мертвых. Все застывают в немой картине, как в финале „Ревизора“...

Я часто вспоминала эту пьесу. Не знала еще, Румыния, в то время, куда она плывет...

В начале мая 1944 обрушилась на Бухарест страшная бомбежка американцев: по слухам, было убито десять тысяч человек. Город как будто проснулся от беззаботного сна, все кто мог – уезжали. Так как нашей целью все равно была Тимишора, то на другой день уехали и мы. Но от судьбы уехать никуда нельзя.

2. Побег

Тимишора, 1944. Ранняя осень. Казалось, земля гудела и дрожала от беспрерывно идущих по главной дороге бронечастей.

Небо каждый день раскалывалось заново, и осколки падали на головы людей: газетными сообщениями, слу-

хами. Слухи всегда были пугающими. И никто не знал, что принесет завтра.

Лавине грозного движения войск как-то неестественно противостояла внезапно словно остановившаяся городская жизнь. И затишье, и неопределенность были гнетущими. Яркосолнечные, будто застывшие, осенние дни, и молчание людей, делающих вид, что ничего не происходило. Никто и ничего не комментировал. Это было преддверие страха, который с тех пор воцарился, уже навсегда.

Покинутый монастырь. Все было на месте: помещения, сад, огороды. Даже собака, громадный сен-бернар, бродивший по покинутым владениям. Цвели пышно разноцветные астры. Но не было ни одной человеческой души.

В „междувластии“, как-то удивительно бесшумно растащили немецкие продовольственные склады. Лукавый венгр, Сабо-Бача, пользуясь „междувластием“, и чувствуя, что мы боимся, хотел нас ограбить.

Возле страха обитают предчувствия: у меня из рук, словно с помощью какой-то силы, вырвалось зеркало, которое было еще из-дому, и, упав, разбилось на тысячу осколков, в пыль.

Потерянность... Исчезло „сегодня“, на его месте зияла пустота. В этой внезапной капитуляции настоящего перед будущим была угроза.

Мимо, бесконечной лентой, шли фронтовики. Бояться надо было не фронтовиков, бояться надо было тех, кто шел за фронтом. И они не преминули в городе появиться, не блистая формой, и не афишируя своего присутствия. Но они уже „работали“... Я проходила в сумерках мимо незаметного дома, на незаметной улице. Возле дома – охрана, солдаты с оружием. Все здание во мраке, действовало еще затемнение, но на верхнем этаже – полосы света между глухими шторами. И внезапно, воздух пронзил отчаянный крик, крик нечеловеческой боли: высокий, молодой мужской голос...

*

Есть события, настолько насыщенные тяжелым трагизмом, что их нельзя описывать. Можно только сказать, предельно-кратко, простыми, скупыми и по возможности точными словами.

*

К нам пришел священник. Беженец, как и мы, очень бедный, добрый, измолотый жизнью. С ним в Тимишоре был и его сын. О нем отец говорил всегда с тревогой и болью: „Я что... Я к смерти готов. Но что с сыном будет?..“

Батюшка всегда рассказывал о других, всегда приносил с собой чье-нибудь несчастье. В этот раз он был взволнован. Рассказал о лагере военнопленных, русских. Он имел туда доступ, как священник. Кроме того, румыны очень мягкосердечны, и по мере возможности помогают, даже против правил. В этом лагере, двое военнопленных русских офицеров объявили голодовку, требуя, чтобы по международным правилам было им предоставлено право убежища.

– И такие люди хорошие... Один совсем молодой еще, капитан. Другой полковник. Господи, как же помочь? Я смотрю каждый день, и сердце кровью обливается. Что их ждет... Столько дней уже прошло, они ослабели и совсем упали духом...

Отец Алексей пришел к нам, трем таким же беззащитным женщинам, искать помощи... Что мы могли сделать?! В конце-концов, я сказала:

– Пусть они напишут письмо, румынским властям, здешним. А еще лучше – представителям ведущей, правой партии.

Партией, самой популярной и сильной в стране была тогда партия царанистов (крестьянская). Во главе ее стоял Юлиу Маниу, а в Трансильвании – Север Боку. (Комму-

нистической же партии в 1944 году практически почти не существовало, на всю страну не насчитывалось и тысячи человек. Но это не помешало, чтобы в 1946 году, на выборах, из 90 % за партию крестьянскую и либералов сделали классические 99,99 % за коммунистов. Просто фальсифицировали результаты выборов по всей стране!).

Мы решили: первое – пусть напишут пленные письмо по-русски, а мы переведем. Сказано – сделано! Батюшка принес письмо, написанное хорошим, открытым, четким мужским почерком. Изложение безвыходного их положения, воззвание к человечности и к международным правилам. Бездна и отчаяние пронизывали письмо. Две подписи.

Письмо мы перевели. Но – кому и как отдать? Шансов было немного. В то время каждый боялся, не рисковал вмешиваться в дела, затрагивающие победителей. Особенно, связанные с политикой, беженцами, пленными и т. д. И, если бы мы даже и нашли понимающее человеческое сердце, то что мог сделать отдельный человек? И захочет ли он брать на себя риск защиты или вмешательства?

Но судьба, когда вмешивается, имеет свои пути. Вот, как все вышло: мы отправились в город, к правительственному зданию, где помещались „все сильные мира“ тех дней. Здание охранялось военными „сентинелами“. Мы прогуливались, присматриваясь к лицам... Из здания вышел молодой офицер, румынский, с хорошим и добрым лицом. Но – кто его знает? Кто и что? Чтобы и нас заодно не схватили. Дома-то мама одна осталась... Я подошла к офицеру.

И сказала, только:

– Вот, пожалуйста, передайте! Очень важно!

Пока он вертел конверт в руках, мы исчезли.

На другой день пришел сияющий батюшка.

– Услышал Бог наши молитвы! Но, расскажу по порядку. Они в тот же день получили какое-то известие. И – начали есть. Только мне и шепнули, и просили, чтоб, не дай Бог, никто в лагере ничего не узнал...

Еще через день батюшка пришел снова, светлый и радостный.

- Ушли! Ночью навестили их, тайно, два человека. Дали им цивильную одежду, немного денег. И даже – часы... Условлен был побег. И вот, действительно, ушли, и никто не знает, куда и как. А вам передали большую благодарность, и что в жизни не забудут!

Я часто думала о судьбе этих людей. Удалось ли им выжить в той страшной Западне, в какую брошены были в те дни и годы миллионы наших людей?..

3. На заре новой жизни

В первое время после войны Бухарест был еще городом веселым. В нем были сотни и тысячи маленьких ресторанчиков, садилов, бодег, без которых румыны и жизни себе не мыслили. С наступлением темноты все эти заведения наполнялись публикой. Каким-то образом, даже бедняки экономили из бюджета пару грошей на стакан легкого и чистого румынского вина. Смех, шутки и *lautari* (небольшие оркестры национальной музыки) слышались почти до утра.

Поначалу все казалось не слишком „четким“, и люди продолжали еще шутить. В первые годы после оккупации („освобождения“) шутки процветали даже и официально. Знаменитый комик, Танасе, пел со сцены куплеты:

Было, как было, с „дер-дие-дас“,

Посмотрим, как будет с „да-вай-час“!

Солдаты Красной Армии имели болезненное пристрастие к часам. Собственное правительство снабдило их самой счастливой жизнью на планете, но не позаботилось о таких предметах „роскоши“, как часы.

Прошло немного времени, и контуры всех „исторических изменений“ в сторону „национального счастья“, стали очень четкими.

Свернули в бараний рог и всю страну и каждого в

отдельности. Люди стали молчаливы, боязливы, смолкли шутки. За анекдот давали десять лет. И, разумеется, появились карточки. Но крестьянам хлеба не давали. И даже когда появился хлеб „свободно“, крестьян, приезжавших в город купить его, гнала и била милиция...

Возникли понятия: канал, штуф (камыш в болотах куда посылали на его резку для отбытия наказаний; и откуда редко возвращались). Появился в Румынии, конечно, и „новый класс“. Он – цитадель и поддержка коммунистических порядков. Просеянный тщательно (теперь уже в течение десятилетий!), и вступавший в соединения по принципу „одинаковой валентности“, новый класс приобрел кастовую чистоту и обособленность, получив даже „чувство клана“. Как и везде, где строится „коммунизм“. Колючая проволока – средство и символ. Отгорожено все: правительственные дачи, курорты, морской берег и т.д.

Лучше всего это выразил один соседский маленький мальчик, ученик первого класса, который в школьном сочинении написал: „Коммунисты долго боролись за счастливую жизнь. И наконец они ее получили“.

Общество было расколото и разделено социальными баррикадами. Если и искусственными, то, при данном порядке обеспечивающими требуемое положение, когда каждый другому враг. Куда делись румынские общность, дружелюбие и открытость. Появилось масса хмурых, подозрительных лиц, и людей с засекреченной деятельностью. А также людей, которые среди всеобщей нищеты пользовались привилегиями.

*

Настало засилье идеологии. Одним из культурных центров ее – был Институт Максима Горького в Бухаресте. Там преподавали русский язык, силы были „высококвалифицированные“. По большей части это были бессарабские евреи, как-нибудь знающие русский язык. Но случались курьезы! Наша знакомая, интеллигентная русская девочка, хотела поступить на факультет славистики, и

чтобы облегчить поступление, решила проделать курс в Институте М. Горького. Бойкая молодая лекторша объясняла образование женского рода: „Воробей – воробиха, волк – волчиха, склон...”

- Ну, скажите вы, как будет женский род от „склон“, – обратилась она к нашей знакомой.

Та, разумеется, не знала. Лекторша, с упреком сказала: „Склон – склониha“!

*

Румыния утвердилась в „светлом будущем-настоящем“. И воздвигла, недалеко от Триумфальной Арки, самый большой, из всех существовавших на земле, монумент Сталину. Больше Колосса Родосского, до поднебесья!

4. Мы в Бухаресте

“ - Мы поднимаемся?

- Нет, мы опускаемся... Хуже того, мы падаем!“ (Жюль Верн).

Падали и мы. Из Тимишоры мы опять поехали в Бухарест, чтобы затеряться в большом городе. Когда над вами обрушивается небо, вы оглушены, но вы все еще живете, вопреки всему: лавине бед, возможностям (вернее, невозможностям!), недостатку сил и всего прочего. Каждый день очередные „последние капли“ переполняли очередные „чаши“. Мы жили как на дрейфующей льдине, ожидая каждый момент, что она или растает, или перевернется.

У нас не было крова над головой. После долгих поисков, был он наконец найден: не во „дворце“, конечно, но в „хижине“. Это была даже не улица, но – тупик, которым не гордилась даже окраина. Дальше нас жили цыгане.

В узком длинном дворе помещался узкий длинный дом – „вагон“. В нем, в совершенно одинаковых отсеках – дву-

комнатушках, помещались семь семейств. Одним из этих семейств были мы с мамой.

Кроме людей, во дворе обитали свиньи. Каждый кормил поросенка. Я думаю, что в этот период жизни я жила при настоящем социализме. Соседи были так же бедны, как и мы. Это было идеальное равенство. Как в раю.

По стенам у нас текла вода, потому что печи не было. Электричества тоже не было, горела маленькая керосиновая лампа. Но как у нас было хорошо! Во дворе было тоже очень хорошо, все имело свое место: сверху висело белье, снизу бегали куры, дети и поросята. Вечером, все обитатели дома садились перед дверьми, подышать „свежим воздухом“. Разговоры были общие и многосторонние, иногда даже научные: сосед, дом' Костика, прочел, что „в желудке нашли какие-то микроскопы, еще не открытые наукой“. И что „войны не будет, а всех просто заморозят. До тысячи градусов холода“.

Но все мы жили мирно, и это было самое главное. Мечта же живет повсюду, как во дворцах, так и в хижинах. Первой „купленной мечтой“ было то, что в России называлось „лампа-чудо“. Она слегка грела, и на ней можно было варить. Здесь она называлась „Идеал“. Деньгами тех лет стоила она две тысячи лей, мой заработок за месяц.

На поросенка не было ни размаха, ни сноровки, кроме того, нам было его жаль. Движимые неискоренимым инстинктом собственности, купили, бездумно, двух гусей. Больше за красоту, были они белоснежными, как лебеди. Соседи советовали подрезать им крылья, но это казалось варварством. Гуси выросли, и очень похорошели. А в один прекрасный день поднялись, и улетели, неизвестно куда. Больше мы их никогда не видели.

*

„Земли чужой язык и нравы“ делали то, что мы постепенно дичали, забывали „и кто мы, и откуда“...

Я купила в „Русской книге“ ноты, „Сомнение“ Глинки.

Мама посмотрела с недоумением и сказала:

– Что-то я не помню такого романа у Глинки, – „Комехие“...

Я запретила маме говорить вне дома по-русски, в целях конспирации. Шла осень, мне необходимо было купить берет. Взяла маму, в качестве советника. В магазине, надев берет, я спросила по-румынски: „Идет мне“? Мама, согласно инструкции, разводила в отчаянии руками, энергично пожимала плечами, и что-то неопределенно мычала, как глухонемая. Хозяева магазина смотрели на нас с испугом.

Маму называли почему-то „Фрау Лили“. А меня коана Патриники, жена кельнера, подслушав под окном, как я занималась по самоучителю английским, и выразив свое восхищение („Точь-в-точь, как по радио Лондра“), стала с тех пор называть „Мисс Анишора“. Она любила подчеркнуть свое образование.

*

Исчезли: небо, даль, горизонт.

Я устроила себе „висячие сады Семирамиды“: под окном, в ящичке, посадила ночную фиалку. Когда все затихало, ночью, она приносила вести из другого мира. Из мира, который исчез.

Из нашего единственного окна было видно несколько звезд, а днем, в определенный час, на пол падали солнечные блики. Но, хотя я и выбрала „себе“ одну звезду на небе, я чувствовала себя беднее Иова. Одиночество многогранно. Иногда оно поворачивается к нам особо острыми углами.

Я думала о лесе... Как первыми желтеют буки. Золотом и медью. А мох, не признавая осени, так густо-изумруден. И небо такой глубокой, чистой и бездонной синевы. И солнечные блики, тишина...

Когда в нашей комнате появлялись солнечные блики, я придумала: садиться на пол, в солнечное пятно, чтобы иметь, таким образом „место под солнцем“. А вокруг

себя, мелом, я обводила круг, и очень серьезно просила маму не наступать на черту, потому что „это мое место“. Мама осторожно, и даже с испугом, обходила меня, и при этом я видела – не говорит, что думает, а подобное с нею бывало редко. Виды сумасшествия бывают разные... Мне позарез было нужно тогда, чтобы не провалиться в совершенное небытие, мое, мое место на земле, хоть самое маленькое...

*

Но патетика густо-трагического должна была разбавляться повседневностью. Иначе, наверно, разорвалось бы сердце.

В нашем нехитром окружении стали появляться рыцари, желающие предложить мне руку и сердце. Например, брат соседки за углом, самый образованный человек в околке, (законченная гимназия), мелкий чиновник. Мне пришлось окружить себя тайной, и носить обручальное кольцо, чтобы не обижать рыцарей.

А осенью, когда начались заморозки, во дворе появился красавец-мясник, который резал всех подросших на горьких хлебах свиной, осмаливал их и делал колбасы. Мясник предлагал только сердце, без руки. И потом, сдвинув на затылок смушковую шапку, критиковал с обидой мою глупость, перечисляя дары, которые он положил бы к моим ногам, и которые я отвергала: „Slanina, sunca, antriscoate!“, то-есть – сало, окорока, отбивные котлеты!

*

Мои рабочие дни были очень длинными, часов по двенадцати, и работа была глупая, нудная и утомительная. Добравшись домой, я немедленно засыпала. Но иногда работы не было. И тогда остро ощущалась жажда чтения. Привычка читать неискоренима.

Румыния – страна, где книги читают, любят и ценят. В

противоположность Германии. Здесь книг не читает никто, и невежество в этой области – непредставимое! Несмотря на то, что книги заполняют витрины магазинов, и книжные полки в домах.

В Румынии переводили все новинки английской и французской литературы, кроме того, была там чудесная традиция букинистов, с постоянными местами на улицах. Такой букинист, с его постоянными клиентами-библиофилами, – это целый маленький мирок. Там увидишь, как любовно человеческие руки берут книгу, и как книге хорошо в таких руках. А в Германии, я купила Паскаля, в прекрасном издании, на толкучке, за... пятьдесят пфеннигов. У меня было чувство, что спасла его из топкого болота.

Книг в Румынии было масса. Но денег их покупать, у нас не было. Оставалось, читать то, что попадало в руки. Мне надо было совершенствоваться в румынском языке, и потому я читала все подряд: Хэсли, и Чарльза Моргана, в переводах, но, на „безрыбьи“, и такие книги, как „Мельница окаменевших женщин“, или „Труп в подвале“.

А один раз, попало в руки редкостное: „Тайны русского императорского двора“, Изд. П. П. Сойкина, 1897 года. Еженедельные выпуски. Цена одна копейка. Человек, который дал нам для прочтения эти „книги“, был русский, старый казак. Он сказал: „Плакать будете...“ Не плакали, но кое-что осталось незабываемо. Например, как некую графиню Эльвиру муж проиграл в карты французу. Что последний собирался сделать с выигрышем – неизвестно. Но графиня, предупреждая события, вынула револьвер, и уложила на месте мужа, наповал. Потом прибавила, холодно: „Теперь вы видите, граф, как я умею любить!“ После чего „француз вздрогнул, и торопливо вышел из комнаты“.

*

И тут я стала находить яйца! Это звучит нелепо. Но представьте себе, что вы идете по Бродвею, по Мон-

мартру, по Унтер ден Линден, по Пятой Авеню, – и повсюду находите яйца... Что бы вы сказали? Так точно и я была поражена таинственным расписанием Случайности.

В первый раз это случилось так: был Сочельник, нам хотелось хоть что-нибудь испечь, но, как минимум, нужно было хоть одно яйцо, которого не было. Я поплелась на Обор, это самый большой базар Бухареста, в надежде, что найду еще какую-нибудь запоздалую крестьянку. Идти надо было километра два, по железнодорожным путям. Надежды не было никакой, дело шло к вечеру. Опускались сумерки, и вот-вот должна была показаться Рождественская Звезда... И вдруг – я не поверила своим глазам! – между шпал я увидела лежащее яйцо! Крупное, розовое. Я принесла его домой, как рождественский подарок.

Это было начало. Яйца на меня буквально посыпались. Я находила эту хрупкую земную плоть в самых неожиданных местах: на Калеа Викторией, главной улице, где движение людей было как река, на Калеа Гривицей, где толпа шла густо, как стадо бизонов, у входа в кинотеатр, в больничном саду, и еще в десятке наиллюднейших мест.

Первое недоумение сменилось смутным ощущением тайного смысла происходящего. Окружающее стало представляться как своего рода загадочные картинки, где надо находить сокрытое. И я уже зорко смотрела по сторонам: где же яйца? И они не замедляли появляться на моем пути. Что яйцо возникло передо мной в Чишмиджиу, городском саду, показалось уже совершенно банально-естественным. Но меня потрясло, когда нашла яйцо на тенистой, тихой улице, где помещалось советское консульство, месте, где обычно испытывалась только дрожь страха!

Яйца просто „лежали у меня на пути“.

Ехали в автобусе, через степь, вдали от жилья. Автобус поломался. Пока чинили, пошла в степь, вглубь. Конечно же, нашла яйцо, большое, может быть – от дрофы.

*

Когда-то, в густом лесу на Кавказе, я нашла потерянную мною за три дня до того булавку, тоненькую с цветной головкой. Она лежала в чашечке цветка, к которому я наклонилась, чтобы его сорвать! Случай был удивительный, невероятный. Но позже я увидела, что такие вещи случаются чаще, чем мы о том знаем. Я много думала о Случае, как непостижимом скрещении причинных рядов, затерянных в мирадах им подобных.

Но тогда – яйца стали являться даже и в снах, настойчиво и в самых фантастических связях. Не то это было проникновение действительности в подсознание, не то наоборот, вести из неких тайных информационных глубин, возвещавших мне на языке символов какие-то чудеса.

*

Чудес не случалось. Впрочем, – неверно! Величайшим чудом было наше избавление от величайшей же опасности, репатриации. Как и то, что мы вообще выжили. А разве этого мало?

5. На пляже

Бухарест окружен живописными, большими, тянущимися на многие километры, озерами: Тей, Флоряска, Херэстрэу, Банеаса и Снагов. Летом – место купания.

Собирались компанией, друзья-бессарабцы, и мы.

На этот раз мы были на озере Банеаса. На нашем берегу были такие же, как и мы, „простолюдины“, а на берегу противоположном – дворяне: „Comitetu central“, т. е. закрытый пляж центрального комитета партии. У нас был дикий берег, земля и выжженная трава. У них –

тенистый сад, павильоны, клумбы цветов, теннис, буфет и ресторан. Иногда ветерок доносил до нас тихую музыку.

Озеро большое, но в этом месте не шире километра. Всякий подъезд и подплыв к комитетчикам строго запрещен. Была и естественная защита от вторженцев: озеро заросло водорослями, и плавать среди них было опасно. Но в тот раз, я отплыла от берега, и, увлекшись, не заметила, как очутилась дальше середины. И так-как я устала лавировать среди водорослей, то решила плыть уже дальше, чтобы отдохнуть на том берегу, перед возвращением. Пристала к „плотам правительства“. Не прошло и минуты, как на плоту появился страж порядка. Атлет, в плавках, с сознательной физиономией. Мне было предложено немедленно покинуть территорию, на которой „пребывание посторонним запрещено“.

Я решила „сыграть“ на его сознательности, и, выразив на лице тоже „сознательность“ (это такое непередаваемо-отвратительное выражение лица, как у славных пограничников, ловящих шпионов, докладчиков на партсобраниях и т. п.), сказала:

– Почему? Откуда вам известно, что я посторонняя?

– А кто же вы такая?

Я ответила, акцентируя слова, и пытаюсь придать фразе вес и солидность:

— Я из Москвы!

Но результат совершенно обманул мои ожидания. Лицо стража, вместо сладкого умиления, приняло вдруг выражение неприкрытой злобы, и он проговорил-прошипел:

– Ах, так? Когда вы уже все отправитесь к чертям, в вашу Москву!

Мне стоило труда не рассмеяться, сделать строгую мину и пробормотать, что я „буду жаловаться куда надо“!

Происшествие придало сил, освежило. и в прекрасном настроении я поплыла назад. Меня встретили вопросами, отчего я так сияю. Услышав мой рассказ, согласились, что причина „добрая“.

6. Яурджиу

Мош Ионица – яурджиу. Какие у него красивые глиняные мисочки, для его кислого молока! В них застывает лучше, крепче. Налито до желтой полосочки. Сверху пенка. Кто раз попробует яурта моша Ионицы, будет всегда покупать.

– Как получается у него такой хороший яурт?

– Так, милая душа, прежде всего нужно не испугать молоко, не потревожить... Работать нужно спокойно, с чистым сердцем. А не то – вода отскочит.

У старика, на коромысле, словно многоэтажные весы: на каждом этаже несколько мисочек с яуртом. Он разносит свой яурт по домам.

– Тяжело носить? Походи-ка по всему Бухаресту, дороги немалые.

– Так, привычка, а еще, в деревне, отец учил: когда тяжесть поднимаешь, с умом надо! Всю тяжесть на руки перекладай, они у человека железные, все вытерпят и приносятся. А живот не напрягай, а то – оборвешься, кому ты тогда нужен?

Мош Ионица умел поднимать тяжести. Всю жизнь поднимал.

Клиенты у него старые, из хороших домов, постоянные. И их достаточно. Если он, время от времени, и кричит, негромко, слабым стариковским голосом: „Яурджиу! Яурджиу!“, то больше из порядка, и некоторого тщеславия. Фирма...

– Сколько лет занимается он этим?

– Да с тех самых пор, как в Бухарест приехал, вот уже двадцать лет.

И каждый день хоть и небольшие, но деньги. Верные. Старик немного нужно, что остается – копит для внучки. Учится она, и так хорошо учится, поди, первая в классе. Любит книгу, *fetita*. Может, в люди выйдет...

Старик ходит пешком. Редко, редко, если уж совсем непогода, сядет в трамвай, на площадку, со всем своим устройством.

Но вот, пришла беда: „запретили частников“.

Шел старик, как всегда, по привычным улицам, где „клиенты“. Навстречу милиционер: стой! Дед не сразу и понял, чего от него хотят, и почему „нельзя“, и что за „инструкция“. Он сказал: „Бога ты не боишься!“, и хотел идти дальше, но милиционер его толкнул, стянул с его плеч коромысло, ногой поддел и разбросал его мисочки, и пустые, и те, которые еще полные были. И ушел.

Старик присел на корточки, и стал собирать рассыпанное, изуродованное. Руки сгребали в кучу осколки.

По лицу его катились слезы. Он дрожал.

Потом встал, и, не оглядываясь, пошел прочь.

За всю жизнь, в первый раз – налегке.

7. Веник

Бухарест город огромный, но провинциальный. В добром смысле, приятно-провинциальный. Это означает, что он во многом живет еще жизнью естественной. В нем еще ходят и пешком, и есть еще несколько городских базаров, больших и поменьше.

Я живу теперь недалеко от одного из таких „поменьше“. Но так как он расположен вблизи главного городского вокзала, Gara de Nord, то его легче других посещать крестьянам из близлежащих деревень. Многие приходят и пешком, если расстояние 10 - 15 километров. Ну а больше, – надо уже ехать.

Я люблю ходить на базар. Люблю крестьянскую речь, простые крестьянские товары. Привозят молоко, масло, творог, овощи. А я выискиваю и высматриваю товары и еще незамысловатее. Из тех, что продают сидя на земле. Вот, крестьянка раскладывает на листьях лопуха кучки дикого степного щавля. Или пучки зелени. Или грибы.

Или ягоды, землянику, ежевику или даже барбарис. Их отмеривают стаканчиком.

Или – в корзине уложены букетики цветов – полевых, лесных. Пролески, тюльпаны, ландыши. Не премину и поговорить с такими торговцами. Меня поражает их великая скромность: ничтожность заработка и совершенная неоплаченность труда. У крестьян вообще труд – даром. Его в счет не ставят.

У меня много знакомств, с базара. Крестьян. Они приходят и ко мне домой. Я даю им одежду, которую собираю, припасую. А они платят мне рассказами о своей жизни, о необыкновенной ее бедности. Одежда крестьянина – всегда только одна, та, что на нем. А еда – часто во весь день только кусок холодной мамалыги.

Рассказы крестьян... Как точно называются вещи, и какое отсутствие ненужных слов. Поэтому, за каждым словом – картина.

Молодая крестьянка рассказывает, что у нее грудной ребенок, и что рожать пришлось в больнице в Бухаресте. И как ехала домой с голым ребенком на руках. А почему с голым? Да потому, что не во что завернуть было. Городским пеленки дают. А им, из деревни, – ничего.

*

Очень рано. На базаре сегодня людно. Там, где продают яйца, стоит „посторонняя“ фигура. Всем своим видом она выражает растерянность. Что-то в ней напоминает старую колдунью, из сказки, которая выходила из дому раз в сто лет, и каждый раз не узнавала изменившегося мира. Это была глубокая старуха, вся в темном, как это принято в Румынии для старых женщин.

Если считается, что лица пожилых русских женщин напоминают иконы, то в отношении румынок это еще верней.

Строгие, по большей части красивые лица, темные тени вокруг больших глаз.

Старуха стояла в сторонке от толпы, и прижимала к

груди три веника. Один веник стоит пять лей.

Я люблю веники, веник всегда в доме нужен. Выслушала и их историю: эти три веника связал дед, чтобы из беды выйти, описала у них постель, за долг, перцепция* (бабка говорила: причепция).

- Так постель ведь не берут?

- Как не берут... Причептор первое что берет – постель. А как нам без постели жить... Вот дед и связал веники, чтоб я в город свезла, сам он недужий...

В этот момент, налетает базарный инспектор. „Что, торгуешь? Таксу плати, пять лей. Нету? Давай сюда паспорт, а наторгуешь, придешь в бюро, выкупишь!“

И осталась бабка без паспорта.

*

Все три веника купила я. Пять лей отдали инспектору. А ведь надо и на поезд... Дала я бабке, что у меня от веников в кошельке оставалось. А хватило ли на всю беду, не знаю.

Трудно жить на этом свете...

8. Ошибка

В семье наших хороших друзей жене пришлось время менять паспорт. Для этого, паспорт старый нужно было сдать. И тут, когда заполняли анкету, в первый раз заметили забавную ошибку: в графе „Sex“ (пол) было корявым почерком, с нажимом, написано: „Sex masculin“, т. е. – „мужской пол“. Мы пошутили над „Елизавет Воробей“, и решили, что объяснение ошибки уладит дело. Но, хотя в милиции вполголоса и признавали, что Люба – дама, просто исправить ошибку было невозможно.

* Налоговое управление.

Нужно было сделать ректификацию в суде. Два свидетеля, такса. Потеря времени, конечно, но зато все будет в порядке.

Так думали мы все. Но – увы! Все только начиналось! В то время, в обиход властно вошло новое слово: *Vigilenta*, т. е. бдительность. Загадочные и темные пятна на биографиях людей не допускались. В плане бдительности все общество прочесывалось сверху донизу. Каждый дом был частью участка, которым негласно ведал особый осведомитель, на чьей ответственности лежало выявлять черных овец (или белых ворон, что одинаково плохо при социализме). А бесчисленные, одуряющие в теплицах кабинетов чиновники министерства *de interne* (понятней – КГБ) были рады любому предлогу завести „дело“, и на ниве бдительности отличиться. Не даром же государственный хлеб есть!

Liubow Silejko звучало загадочно и непроницаемо, как „сфинкс“. На свою ответственность никто этого сфинкса брать не хотел. И, может быть, Некто видел себя уже сделавшим карьеру, разоблачив шпиона под хитрой маской.

Продолжу дальше рассказ от лица непосредственного участника этой истории, мужа Любы.

„После успешной ректификации прошло недели две. В первый раз жену просто вызвали, к чину милиции. И надо было принести все имеющиеся у нее документы, с рождения. Жена взяла с собой даже школьные аттестаты. И даже семейный альбом, из которого мы вынули портрет дедушки, в полном облачении, и отца, мирового судьи, в мундире. Чин милиции культурно предложил даже сесть. На столе у него лежал пресловутый любимин паспорт, старый паспорт. Рассматривая детские фотографии моей жены, он все время сличал их с оригиналом. В итоге этого свидания, жену как будто утвердили в ее женском сословии, и, казалось, „дело“ было прекращено.

Но не тут-то было!

Во второй вызов, на дом пришел солдат. С ружьем. Правда, не на-перевес, а за спиной. Дом, и даже улица, обезлюдели, все соседи в ужасе попрятались. Солдат

объяснил, что он должен сопровождать, он конвой. Шли по Calea Victoriei, а на главной улице всегда встретишь знакомого. И как жена ни делала вид, что она сама-по-себе, люди шарахались.

Если первый визит был в префектуру полиции, то теперь привели в центральный отдел министерства внутренних дел, румынский КГБ. У Любы подкашивались ноги. В роскошном здании была тишина, безлюдье, бесшумно двигались лифты. Жену ввели в очень светлый роскошный кабинет, где за письменным столом сидел полный и очень надушенный мужчина в штатском. Обычно, люди полные как-то добродушней. Но – не этот. „Предупреждаю вас, что говорить правду в ваших собственных интересах. Мировая разведка забрасывает нам разные преступные элементы, и наша обязанность (пауза) их выявлять...“ И т. д., и т. п. Перелистывал при этом, прикрывая рукой, толстенную папку, где жена краем глаза увидела, подшитым, свой паспорт. Снова – биография, „ловящие“ вопросы, многозначительные паузы.

Отпустили. Назад без конвоя. Жена вернулась домой в полуобмороке.

– Хорошо, если только вышлют, – безнадежно говорила она.

– Вышлют? Куда вышлют?

– Ну, по старому месту жительства, в Бессарабию...

Потом, для разнообразия, вызвали только меня. В префектуру полиции. У окошечка, прорезанного в стене и всегда закрытого (вероятно, через такое окошко давали еду Железной Маске, на оловянных тарелках), толпились алчущие, нуждой приведенные. По разным вопросам милицейского ведомства. В комнате было накурено и душно. Толпилось в ней больше ста человек, не было ни одной скамьи, и вся „живая масса“ очереди изнывала на ногах. Над окошком была приколотая лаконическая надпись: „Прием от 9 до 12. Просьба не нарушать тишины“. Тайственное молчание окна электризовало и пугало. Все ждали молча, когда поднимется забрало. Наконец, окно с грохотом открылось, и в бойнице появилось хмурое лицо

с испытующим, исподлобья взглядом.

- По какому делу?

- Теща... Муж... Вызов... Визит... Отъезд...

Мелькали человеческие души. Им подписывали пропуск, с точным указанием часа и минут. Подошла и моя очередь.

- Жена... - пробормотал я.

- А, это тот... - сказала подошедшая девица, и прибавила что-то, понизив голос.

Голова посмотрела на меня со вниманием.

- Та-ак... Вы утверждаете, что вы женского пола?

- Я? Нет, это жена...

Я сбилсЯ под сверлящим взглядом... Мне вручили вызов, для нас обоих, на завтра. На одиннадцать часов.

Жена ворочалась во сне, я тоже спал плохо. Ровно в одиннадцать мы были в префектуре. Окно было закрыто, но в половине первого нас вызвали, и провели по корридору в дальнюю комнату. В ней стояла тяжелая плюшевая мебель, пол был устлан толстым ковром, на стенах портреты вождей. Нам даже предложили сесть.

Сидящий за столом был вежлив, но что-то в выражении его лица напоминало фигуру „Робеспьер, выносящий смертный приговор“, которую я видел кагда-то в паноптикуме.

- Кто из вас Любовь Шилейко?.. Вы утверждаете, что это ваше настоящее имя, и что вы действительно то лицо, за которое вы себя выдаете?.. Разрешите ваше свидетельство о браке...

Он позвонил и сказал кому-то:

- Да, насчет этого дела...

Через четверть часа он поднялся показав, что аудиенция окончена. И, в первый раз, окинул взглядом, с некоторым сомнением, полную фигуру моей жены:

- Товарищ, ваше дело будет передано дальше.

Что было дальше? Дальше было все то же. Пока, наконец, какой-то очередной следователь, решив, очевидно, что ордена за это „дело“ не получишь, его не закрыл. И жена утвердилась в своем нормальном естестве...”

9. Пирожное

Путешествий я не люблю. Может быть, они и нравились бы мне, в такой форме: „Джон, уложите мои чемоданы... Закажите мне билет на..., и не забудьте: кабину с окнами на восток. И позвоните моему банковскому агенту“. Реальность, однако, была иной. Мы подсчитывали, на сколько дней достанет наших скудных ресурсов, если будем жить в деревушке на берегу моря, у коаны Флорики, в хатке с земляным полом. И что можно взять с собой, на случай острого голода в деревне. А море, неизменно прекрасное, будет компенсировать отсутствие комфорта.

Поездка затруднялась фактом, что у нас был автомобиль. В те времена, в Румынии почти совершенно не было машин, только считанные Мафусаилы, образцы долголетия. И таких – тоже бы не было, если бы не одна из загадочных странностей мужской натуры: непреодолимое пристрастие к „автомобильному спорту“.

Мафусаилы из рук в руки, как пиковая дама, переходили от выбившегося из сил их обладателя, к новому энтузиасту, оптимисту и мечтателю, который начинал „приводить в порядок“ живучую древность.

„Последние могикане“ румынского автомобильного спорта были мучениками, в полном значении этого слова. Они возили машины на себе, отнюдь – не машины их. На весь Бухарест машин было считано.

Наш „Фиат“ давал ответ на тревожащий вопрос: существует ли жизнь после смерти? Существует.

Это была не машина, это был Франкенштейн, собранный из частей разных мертвецов. В нем не было ни одной здоровой части. Да и откуда? Ведь это был не нормально рожденный организм, а оживленный труп. Он астматически дышал, хрипел, чихал, кашлял, лил слезы, и со скрипучим стоном вращал ревматические ноги-

колеса. Из всех его пор что-то лилось. Жидкость из аккумулятора, бензин из бака, вода из охлаждения, и еще что-то таинственно-непостижимое: когда он стоял, под ним образовывались темные пятна. Шины лопались, батарея разряжалась. Только голос, будто в насмешку, у него был молодой, и даже мелодичный: как волшебная флейта!

Ехали мы всегда с замиранием сердца: когда станет? Никого и ничто я в жизни так не ненавидела, как эту машину! Она была на хлебником. Как Фома Фомич в „Селе Степанчикове“. И характером была на него похожа: капризна, вероломна и мстительна.

Ее беспрестанно чинили-лечили. Чинили одно, отказывало другое. Муж все свободное время проводил под машиной. А я приносила ему бутерброды, чтоб не умер с голоду. После этих самоистязаний, упражнения по системе йога, всякие „лотосы“ и стояния на голове, показались бы ему пустяком.

„Ездили“ мы на ней несколько кошмарных лет. И потом от нее избавились, вероломно продав какому-то несчастному.

*

Итак, мы отправились, на этой машине, к морю, в приморскую деревушку Костинешть, за Констанцей.

Мимо проплывали деревни. Все одинаковые, с глиняными хатками с маленькими окнами, и по большей части соломенными крышами. Людей не было видно, казалось, что все вымерло. И только нанизанные на нитки и подвешенные под крышами листья табака-самосада говорили о том, что люди все же есть. Иногда (не в каждой деревне!) встречалось ковыляющее, тощее куриное привидение. Никаких животных, ничего живого. Даже навоза не было! Пыль, лебеда, колочки и крапива. Безлюдье, голодная пустота. Так выглядели румынские деревни в разгар строительства социализма.

Сверкающее море и яркое солнце давали нам иллюзию курорта. Хотя окружающий мир меньше всего походил на курорт.

Угнетала невообразимая нищета крестьян. Живя у них, могли мы в непосредственной близости наблюдать их жизнь. По трудодням, в колхозах, получали граммы (в двухзначных цифрах) от урожая. Например запомнилось: по 16 грамм (!) луку, на трудодень, по 21 грамму фасоли и т. п. И денег – гроши. Заработанного за год хватало на покупку пары уродливых кооперативных туфель.

Построение социализма основано на способности людей жить на невообразимо-низком уровне. Трапеза румынской крестьянской семьи: экономно отрезанный кусок крутой мамалыги, заменяющей хлеб, и жидкая подкисленная квасом похлебка.

И так изо дня в день. Ведь это, почти мифически-легендарные бурлаки на Волге, которые ели сухой хлеб, смоченный в речной воде...

Румынский крестьянин скромен в потребностях. Но то, что нам приходилось видеть, превосходило все, что мы знали. Например, хозяйка делала „заготовки“ на зиму, – варилась из помидор томатная паста (морс), как приправа к будущим скудным, тощим супам, зимой. Варилась с превеликим вниманием, чтобы не потерять ни капли. Выходило – 3 - 4 бутылки, литровых. На всю семью. И вот, в конце хозяйка обильно натирала горьким перцем горлышки бутылок, внутри и снаружи. Мы удивились. Зачем?

– А чтобы дети не поворовали! А то смотришь – и полакомятся, известно, дитё. А что тогда в чорбу положишь...

Да, дети там непривычны были к лакомствам...

Молодой крестьянин, держа на руках свою любимицу, первенца-дочку, приговаривал:

– Нела, Нела, что бы ты хотела, чтоб татику тебе дал?

Хочешь – звезду с неба?

На что девченка, угрюмым басом, отвечала:

– Фасо-о-ли!

Не было в селе ни скотины, ни птицы.

Овощей, таких изумительных, как в Румынии, я не видела никогда. Но по мере триумфального шествия социалистического хозяйства, изменились и они. В колхозах вырастали какие-то странные скрюченные уродцы-огурцы. Но и их, все-таки, с большим риском, иногда воровали, и считали это большой удачей.

*

Но отношения с крестьянами у нас были очень дружеские. А там, где мир и сердечность, уже хорошо. Проходили наши две или три недели, и мы, довольные и обгорелые, ехали домой.

Надо было запастись провиантом на дорогу. Хлеб, помидоры, консервы. И попались еще – пирожные. Провинциальной выпечки и такого же вида. Были они: яркорозовое („земляничное“) и зеленое („фисташковое“). Они были по виду, как куски личного мыла. По вкусу, тоже...

*

„День склонялся к вечеру“, как писалось в неспешных старинных романах, когда мы решили стреножить нашего Россинанта, остановиться и закусить где-нибудь на травке. Мы разложили нашу снедь на салфетке. Очень эффектно, яркой экзотикой, выделялись пирожные. Внезапно мы заметили легкое движение вблизи. На холмике стояла фигурка деревенской девченки. Босоногой и худой. Около нее стояли три таких же тощих гуся. Так же неподвижно и молча. Девченка смотрела на нас. Впрочем, не на нас, а взгляд ее был прикован к „столу“, на котором сверкали красотой наши пирожные. Деревенские дети не видели сладкого, но может быть девченка о нем слышала, и детски-женский инстинкт подсказывал ей употре-

бление изумительных предметов.

Взгляд ее был неподвижен, и не отрывался от „объекта“. Вероятно, так мог смотреть Колумб на открывшийся материк, алхимик – на найденный философский камень, Ассоль – на Алые Паруса, а голодный волк – на беспечно прогуливающегося ягненка. В этом взгляде, горящем и фиксированном, была великая концентрация жажды обладания. На нас она даже и не смотрела, словно бы нас и не было, или мы были бы только мешающей придачей к чуду. В жизни, не каждого человека встречаются моменты такой поглощенности.

Я поднялась, взяла два пирожных, розовое и зеленое, и пошла к ней. По мере приближения, я буквально чувствовала исходящую от нее напряженность ожидания.

Я протянула ей пирожные. Она взяла по одному в каждую ладонь, слегка попятилась от меня, будто боясь, что отниму, потом, молча же, повернулась и побежала вниз. Побежали и гуси. Скоро все они скрылись за поворотом.

*

Все это было не забавно, а очень грустно. Когда татарчата на Уфе, говорили Софье Андреевне Толстой: „Тотка, давай липошка!“, – это было иное... Они пили вдосталь кумыс, да и хлеб, наверно, имели...

10. Сегодня

Черный карнавал социализма... Несчастья Румынии, со времени описываемых лет, выросли, в геометрической прогрессии. По сравнению с тем, что там сейчас, описываемое мною – буколические картинки.

О Румынии писать больно. В результате коллективизации и экономических нелепиц партийного руководства, Румыния приведена на край гибели. Заграничная задо-

лженность Румынии, из-за преступных „преобразований“, в стиле „гигантизма“, достигает астрономических цифр, и для ее оплаты из страны вывозится все, вплоть до хлеба насущного. Положение в стране устрашающее, она на грани полного экономического истощения и физической гибели. А народ Румынии – на грани полного отчаяния.

В стране царит голод, даже в больших городах. Все рационировано. Например, в месяц – семь яиц, полкило муки, сто грамм масла. В очередь становятся с вечера предыдущего дня. В провинции норма хлеба по карточкам – 250 грамм. А ведь даже в тюрьме полагается больше... Почти до минимума ограничено отопление, часами отключается свет. Да и когда есть, разрешена только одна лампочка слабого накала. Улицы не освещаются.

Но главное – голод! В магазинах ничего нет. Во время визита Горбачева, полки магазинов были декорированы товарами, но милиция охраняла их от покупателей...

Голод! И по ночам слышно по всей стране, как воют и кричат голодные животные...

Черный карнавал социализма! Кто в нем заинтересован?!

Во прахе и крови лежит прекрасная страна, Румыния! Она ждет своего избавления. И – Воскресения!

Письма редакции альманаха «ВЕЧЕ» направлять
по адресу:

RUSSISCHER NATIONALER VEREIN (RNV) e. V.
O. Krassowski
8000 München 2, Theresienstr. 118-120 (West Germany)

ПАМЯТНАЯ МЕДАЛЬ

К предстоящему в 1988 году ТЫСЯЧЕЛЕТІЮ КРЕЩЕНІЯ РУСИ Западно-Европейский Комитет ознаменования этого юбилея выпустил отчеканенную на Парижском Монетном Дворе памятную медаль.

На лицевой стороне медали изображен Св. Князь Владимир и даты „972 г. – 1015 г.“ (годы рождения и смерти Св. Владимира) и „Киев 988“. Под ободком текст: „Святой Равноапостольный Великий Князь Владимир“.

На оборотной стороне изображен Русский Православный Крест и даты „988 г. – 1988 г.“, а под ободком: „Тысячелетіе Крещения Руси“. Композиция обеих сторон медали выполнена художником А. Б. Серебряковым.

Диаметр медали 68 мм., вес – 170 г.

Стоимость медали с пересылкой:

Бронзовой – 260 фр. фр. (50 ам. долл. или 90 нем. марок).

Позолоченной – 350 фр. фр. (70 ам. долл. или 120 нем. марок).

Заказы и деньги посылать председателю Финансовой Комиссии Комитета:

A. SCHMEMANN, 12, rue Parent de Rosan, 75016 Paris.

Чеки выписывать на имя:

A. SCHMEMANN – MILLENAIRE.

П. П а л и й

„К р а с н ы й К р е с т“ и „С е р п и М о л о т“*

Международный Комитет Красного Креста с середины 1942 года несколько раз пытался договориться с правительством Германии о получении права на отправку продовольственных посылок для советских военнопленных, но каждый раз получал ответ: „Только в том случае, если аналогичная помощь будет оказана МККК немецким солдатам в советском плену“. Советский Союз выразил согласие на прием посылок Красного Креста, но без права контроля МККК за их распределением.

Отношения между Советским Союзом и МККК стали еще более натянутыми, после того, как представители Красного Креста приняли участие в расследовании массового убийства польских офицеров в Катыни, организованного немцами, после оккупации этого района. Расследование установило, что массовая экзекуция польских военно-

* *Окончание. Начало см. «Вече» № 27*

пленных офицеров была делом советских карательных органов.

С первого до последнего дня военных действий, Советский Союз настаивал на том, что в первую очередь должны соблюдаться „законы войны“, как это было определено конвенцией 1907 года в Гааге, и категорически отказывался признавать „законы обращения с военнопленными“ согласно Женевской конвенции 1929 года. После конференции в Тегеране, состоявшейся в ноябре 1943 года, ощущение приближающейся победы над общим врагом сблизило Советский Союз с Америкой и другими союзниками. Используя возникшую атмосферу „дружбы“, представитель МККК в Тегеране доктор Бороян снова попробовал установить контакт с советским послом в Иране Емельяновым. Неофициальные встречи состоялись, но без результата. Доктор Бороян под давлением польских кругов (Лондонское правительство Польши и Объединение Польских Патриотов) сперва пытался получить разрешение советского правительства на посылку представителя МККК в Москву для выяснения положения пленных поляков в СССР, и также поднял вопрос о пленных советских военнослужащих в Германии и немцев в Советском Союзе. Емельянов прекратил контакты и заявил Борояну, что он не имеет санкции Москвы на подобные „закулисные“ переговоры по вопросам, касающимся военнопленных. Контакты между МККК и СССР оборвались и не возобновлялись до конца войны, несмотря на все попытки представительств Красного Креста во многих странах мира, где были аккредитованы советские посольства.

После разгрома Германии МККК попытался принять какое-то участие в осуществлении репатриации советских и немецких пленных в их страны, но смог только организовать, в очень небольшом масштабе, некоторую помощь советским солдатам на пути домой, в их следовании по территории Германии. Для такой же миссии помощи немецким солдатам возвращающимся домой, представителям МККК советское правительство не дало виз на

въезд в СССР. Процедура репатриации продолжалась довольно долго. Возвращение немецких военнослужащих из советского плена в Германию, заняло более трех лет и в течение всего этого времени Советский Союз не допускал никакого участия МККК в этом деле.

С начала 2-й мировой войны в 1939 году и до ее окончания в 1945-м, во всех странах, принимавших участие в войне, находились постоянные миссии МККК, обеспечивавшие контроль за выполнением этими странами Женевских конвенций по содержанию военнопленных. В некоторых странах эти миссии были весьма значительны. Например, в Германии было аккредитовано 112 представителей МККК. За все время войны ни один представитель МККК не получил разрешения даже на кратковременное посещение Советского Союза. Репатриация военнопленных после войны всюду находилась под контролем МККК... но не в Советском Союзе. Все страны встречали своих солдат, возвращавшихся из плена если не как героев, то как людей пострадавших от войны. Встречали их с „распростертыми объятиями“, им выдавали денежные компенсации и жалование за все время нахождения в плену.

В Советском Союзе, привезенных под конвоем войск НКВД из Германии, „преступников и нарушителей присяги“ судили военно-полевые суды, их осуждали на каторгу или к расстрелу!

После первой мировой войны состоялась Женевская конференция 1929 года, через 20 лет, после второй мировой войны, снова была созвана Женевская конференция Международного Красного Креста 1949 года. В августе 1949 г. представители шестидесятидвух государств оформили текст четырех конвенций по защите жертв войны. Эти конвенции свидетельствовали о стремлении цивилизованного мира к защите беззащитных, дальнейшему расширению гуманитарных принципов и внедрению этих принципов в международное право. Первая конвенция „Об улучшении условий больных и раненых военнослужащих на поле боя“ была принята

почти в той же редакции как и в 1929 году, с незначительными изменениями и дополнениями, основанными на опыте второй мировой войны. Вторая конвенция, касающаяся того же вопроса, но относящаяся к военноморским силам, к условиям войны на море, к спасению моряков с тонущих военных кораблей и т. д., фактически повторяла конвенцию, принятую в Гааге в 1907 году, с учетом новых видов вооружений и методов ведения морской войны в современных условиях. Третья конвенция „Об обращении с военнопленными и ответственности за их содержание в условиях плена“ была принята в той же редакции, что и конвенция 1929 года. Четвертая конвенция „Об охране гражданских лиц и гражданского населения во время военных действий и на оккупированных территориях“ была заново сформулирована и значительно расширена. Все четыре конвенции вошли в силу в октябре 1950 года, и в настоящее время являются существенной частью свода международных законов войны.

В числе шестидесятитрех участников Женевской конференции 1949 года, Советский Союз был представлен тремя „государствами“: Белоруссия, Украина и... СССР, как и в Объединенных Нациях. России, как государства, нет! Почему-то это комическое сочетание двух „самостоятельных советских республик“ с общим Союзом и отсутствие главной части СССР – Советской России, не вызвало ни удивления, ни протеста со стороны государств – членов Организации Объединенных Наций или Международного Красного Креста. Все эти „три части одного целого“ подписали протоколы Женевской конференции 1949 года: СССР в целом – 10 мая 1954 года, а его составные части, очевидно, для демонстрации своей политической независимости от „целого“, подписали документы только 3-го августа того же года.

Но... И „целое“, и его „части“ подписали первую, вторую и четвертую конвенции с рядом оговорок (на что они имели право по уставу МККК), а подписать третью конвенцию „О военнопленных...“ отказались. Ничего не изменилось! „Солдат Советской Армии бьется до пос-

ледней капли крови“, а попавший в плен живым (даже раненым!) считается не военнопленным, но „изменником и преступником“!

Ничего не изменилось, когда Советский Союз, Белоруссия и Украина в 1954 году подписывали Женевские конвенции. Сталин недавно умер, и Советским Союзом правил бесцветный Георгий Маленков. Потом правил колоритный Никита Хрущев, затем одноцветный Леонид Брежнев, а после короткого безвластия под знаменем Андропова-Черненко, как будто, прочно занял кресло Генерального Секретаря ЦК КПСС Михаил Горбачев. И вот, появились „гласность“, „демократизация“ и прочие многообещающие лозунги. Насколько это серьезно, изменится ли сущность советской политики... покажет будущее.

Много красивых слов, пока еще не подтверждаемых соответствующими „красивыми“ делами, свидетельствуют о намерении Горбачева осветить красное знамя с серпом и молотом, каким-то новым светом. Есть люди, и их немало, которые видят это новое освещение и не только видят, но и с энтузиазмом уверяют скептиков, что Советский Союз меняет курс во внешней и внутренней политике в „лучшую сторону“. Конечно, перемена курса правительства любого государства, если она вызвана не внезапным революционным переворотом, а является следствием нормального эволюционного развития страны, требует значительного времени, и это в особенности относится к такому государству как СССР, где еще до сих пор, малейшее отклонение от „генеральной линии“ преследуется и наказывается. Чтобы поверить, что Советский Союз повернул в „лучшую сторону“, придется обождать конкретных результатов „перестройки“ в стране. Однако заметен слабенький лучик, действительно, другой окраски, упавший крошечным пятнышком на полотнище красного знамени с серпом и молотом. И этот „лучик“ имеет прямое отношение к теме настоящей статьи, больше того, он вызвал у меня желание написать ее.

Два „синдикатизированных“ (печатающих свои статьи

одновременно в нескольких газетах) американских журналиста, республиканско-консервативного направления, Рональд Эванс и Роберт Новак недавно опубликовали короткую статью, озаглавленную: „Деятельность Сталина передается гласности“. Вот выдержка из этой статьи:

„Одним из сигналов того, что Горбачев стремится вернуться к антисталинизму Хрущева, является статья в московской газете «Правда». В этой статье автор ставит вопрос, насколько оправдываются действиями Сталина, как главы государства, 20 миллионов жертв войны 1941 - 45 гг. Без труда можно понять, что автор обвиняет Сталина в недалекости и неподготовленности к неизбежной немецкой агрессии, в результате чего погибло много людей, и что этого Сталин мог бы избежать. В этой статье есть довольно прозрачный намек на то, что политика Сталина, на основании которой военнослужащих советских вооруженных сил, попавших или сдавшихся в плен врагу квалифицировали как изменников, предателей и преступников, будет пересмотрена и, по всей вероятности, совершенно изменена“.

Одной из предпосылок (по-моему очень важной), определивших ход развития и конечные результаты второй мировой войны, был отказ Советского Союза от подписания и признания Женевской конвенции 1929 года в той ее части, где речь идет о военнопленных. В настоящее время свидетельством изменения этой „предпосылки“ могло бы стать подписание, без каких-либо оговорок и изменений, правительством Советского Союза третьей Женевской конвенции 1949 года и принятие Верховным Советом СССР закона о полнейшей реабилитации всех бывших военнопленных.

Невозможно требовать от коммунизма, чтобы он свое „звериное лицо“ сразу сменил на „ангельское“. Однако, если это лицо начнет постепенно приобретать человеческие черты, то допустима осторожная надежда на то, что советское правительство станет на путь изменения своей политики в „лучшую сторону“, что неминуемо приведет к изменению позиции советского руководства в вопросе об отношении к военнопленным.

НАМ ПИШУТ

Уважаемый Господин Редактор!

Мое письмо в Ваш журнал «Вече» содержит несколько, на мой взгляд, важных положений по оценке деятелей русского искусства, в связи с юбилейной статьей „Веселое имя Пушкина“ Бориса Филиппова в газете «Единение» (Австралия) от 20. 2. 87 г.

Газета «Единение» отказалась поместить мое письмо по этому вопросу. Поскольку я считаю, что вопрос этот касается всех русских людей, независимо от места их проживания, мое письмо в газету «Единение» я посылаю Вам, в надежде, что оно будет опубликовано в «Вече».

С уважением **В. Терехов**
Мельбурн.

В защиту Пушкина и русского Искусства

Для русского человека горько и обидно в юбилейной статье о А. С. Пушкине, помещенной в нашей русской газете, которую читают за пределами Австралии, читать большое количество ложных, клеветнических, оскорбительных утверждений. Их ни в коем случае нельзя оставить без внимания. Дело в том, что утверждения автора статьи „Веселое имя Пушкина“, Б. Филиппова, в газете «Единение» от 20. 2. 87 г., как и приводимые им цитаты, искажают творческий облик великого поэта и направлены против русской культуры, навешивают совершенно ложные, оскорбительные ярлыки на великих деятелей русского национального искусства XIX-го и начала XX-го века.

Статья названа: „Веселое имя Пушкина“. Я полагаю, что „веселость“ – не главное в творческом облике Александра Сергеевича Пушкина – величайшего русского поэта, писателя и гражданина. Было бы достойно серьезной и важной статье, посвященной 150-летию со дня кончины поэта, дать подобающее заглавие. Но вместо этого господин Б. Филиппов цитирует речь А. Блока „О назначении поэта“, произнесенную им в 1921 году. Вот эта цитата: „Наша память хранит с малолетства веселое имя Пушкина. Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собой многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это легкое имя: Пушкин“.

Из цитаты видно, что „веселое имя Пушкина“ придумал А. Блок в целях противопоставления ему „сумрачных имен императоров, полководцев, изобретателей орудий убийств, мучителей и мучеников жизни“. В этой цитате оскорблено всё: и великие деяния Российских императоров – создателей мощного Российского государства, и их полководцев, чей военный гений, личная доблесть и храбрость были гордостью народной во все времена. А далее Блок в одно объединил изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников.

Мы с негодованием отвергаем попытки любых „деятелей культуры“ использовать светлое, благородное имя Александра Сергеевича Пушкина в качестве фона, на котором чернятся и оскорбляются великие люди Российской Империи, начиная от государей-императоров и славных наших полководцев, до инженеров и русских умельцев – создателей отечественной военной техники.

Отвратительную, клеветническую, коммунистическую по своей сути цитату, Б. Филиппов поставил во главу своей статьи, как отправную позицию для развития своих „идей“. Каковы же эти „идеи“?

Читаем статью г. Филиппова далее, и снова в ней цитируется Блок: „Слабел Пушкин – слабела с ним и культура его поры: единственной культурной эпохи в России

прошлого века...“ „И Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. С ним умирала его культура“.

В этих двух цитатах грубо искажается история культуры и искусства России XIX-го века. Сначала заметим, что Пушкин скончался в расцвете творческого гения. Его творчество не слабело. Что же касается культуры, то „слабела“ в России того времени культура, основанная на зарубежной западной „классике“, на формах Запада, а в то же время нарастала, возрождавшаяся русская национальная культура в архитектуре, скульптуре, живописи, литературе, музыке, театре, и продолжало развиваться народное крестьянское искусство, которое отвергало западные формы, несмотря на насильственные действия Петра I и его последователей. Именно в этот период (первая треть XIX-го века) Пушкин пишет свои замечательные произведения: „Руслан и Людмила“ (1817 - 20), „Евгений Онегин“ (1823 - 30), „Борис Годунов“ (1824), „Полтава“ (1828), „Капитанская дочка“ (1831), „Дубровский“ (1831) и ряд других.

Вспомним, что в это время по инициативе и по указанию императора Николая Павловича наметился резкий поворот от зарубежной греко-римской классики в архитектуре и изобразительном искусстве к чисто русским национальным формам.

Таким образом А. С. Пушкин как поэт и писатель, как гражданин и общественный деятель, был всецело поглощен русским национальным творчеством и возрождал русские национальные традиции и формы в отечественной литературе. Причислять Пушкина к умиравшей в то время в России классической культуре, является чистой фальсификацией. Так же фальсификацией истории русской культуры является утверждение Б. Филиппова о том, что время жизни и деятельности Пушкина является единственной культурной эпохой в России прошлого века.

Деятельность Пушкина началась в 1814 г. и закончилась в 1837 г. Таким образом, если верить Б. Филиппову

только 23 года прошлого века в России можно отнести к годам „культурным“. Зададим элементарный вопрос – царило ли в течении остальных 77 лет XIX-го века в России бескультурье?

Придется вспомнить, что в начале XIX-го века возникло в русской литературе течение „романтизма“. Следует упомянуть о поэзии Жуковского, Крылова, литературной деятельности Карамзина. После смерти А. С. Пушкина в русскую литературу входят Некрасов, Тургенев, Гончаров, Островский, Лесков, Тютчев, Достоевский, Успенский, Л. Толстой, Короленко, Чехов, Мамин-Сибиряк, Куприн, Бунин, Л. Андреев и другие писатели. И всю эту великую литературу г. Филиппов легким росчерком пера определил в „бескультурье“! Что касается архитектуры, то в послепушкинский период XIX-го века продолжалось строительство и в классике, несмотря на развитие русских национальных форм. Отмечается бурное развитие новых металлических конструкций и новой техники. Достраиваются Исаакиевский собор (1858), здание Обуховской больницы в Петербурге и Богоявленский собор в Москве. Мариинский дворец, Новый Эрмитаж, дворец Юсуповых и многое другое, не только в Петербурге и Москве, но и по всей России. Все это очень далеко от „бескультурья“.

В это время видный историк и археолог Забелин обосновал теорию русского стиля, исходя из самобытности народного зодчества. Следует так же упомянуть Даля, Павлинова, Султанова, Суслова, способствовавших развитию русского стиля, высокой русской культуры и искусствоведческих наук.

Б. Филиппов пишет: „...далее нсчинается свистопляска поисков 'национального русского стиля' в петушковых причудах Ропета, в псевдовизантийщине храма Христа Спасителя и других тяжеловесных сооружений К. Тона и ему подобных...“

Филиппов называет „свистопляской“ величайший поворот в истории русского искусства и архитектуры – возрождение исконно русских форм в начале и середине XIX-го

века. Великими деятелями этого возрождения были прежде всего императоры Николай I, Александр II, Александр III. Под их высочайшим руководством и покровительством работали В. П. Стасов, К. А. Тон, Логиновский, Клодт, Рамазанов, Толстой, Марков, Басин, Бруни, Неер, Шамшин, Маковский, Верещагин и огромное множество архитекторов, художников, скульпторов и народных мастеров-умельцев. Поистине, это было всенародное движение воссоздания национального искусства. Судя по приведенной цитате, Б. Филиппов проявляет полнейшее невежество по истории возрождения национального искусства в России XIX-го века.

Прежде всего установим, что „русский национальный стиль“ не нужно было искать – он сложился еще в далекие времена Киевской Руси и далее развивался непрерывно, несмотря на бывавшие лихолетья. Нужно было его „возродить“ на новой технической основе для потребностей нового русского общества и государства, а в народе оно вообще никогда не умирало. И начало этому было положено не творческими поисками архитектора Петрова (Ропет – это псевдоним), которые г. Филиппов назвал „петушковыми причудами“, а гораздо раньше в творчестве архитекторов – Бакарева, Росси, Воронихина, Стасова и затем уже Константина Андреевича Тона.

А теперь о „псевдовизантийщине храма Христа Спасителя и других тяжеловесных сооружениях К. Тона и ему подобных“.

Опять г. Филиппов обнаруживает приверженность к хулителям русского искусства, которые приняли этот термин совершенно безосновательно. Даль, Забелин и другие ученые опровергли и отвергли утверждение о „псевдовизантийщине“ храма Христа Спасителя, как абсолютно антинаучное. Теперь даже советским студентам известно, что архитектура храма Христа Спасителя ничего общего с византийским стилем не имеет, а К. А. Тон творчески переработал тип московской соборной церкви XV - XVI веков и Владимиро-Суздальских форм (пятиглавие, луковичные формы глав, аркатурный пояс, всефасад-

ность, рельефы). План его восходит к церкви в Коломенском. Что касается архитектурно-художественных достоинств храма Христа Спасителя, то только коммунистические заправилы, варварски разрушившие его, и их последователи разносят до сих пор по всему миру пропагандную клевету. И г. Филиппов с ними в один голос! В этом году все русские православные люди отмечают 150-летие со дня закладки этого великолепного храма и чтят его создателей. Это чудо русского и мирового искусства архитектуры, скульптуры, живописи и прикладных художественных ремесел создано на народные жертвования как храм-памятник победы над Наполеоном. Это тоже нужно было бы знать г. Филиппову.

Теперь о „петушковых причудах Ропета“, как выразился Б. Филиппов. Здесь он повторяет злобные выпады противников русского стиля, от которых даже советская пропаганда уже отказалась. Ныне, даже в Советском Союзе творчество И. Н. Петрова (псевдоним – Ропет) и академика В. А. Гартмана оценивается весьма объективно и положительно. Например: „...деревянные павильоны, красиво декорированные резьбой по дереву и другими украшениями в духе народного творчества...“ и далее: „И. Н. Петров возвел русские павильоны на выставках в Париже 1878 г., Копенгагене 1888 г., Чикаго 1893 г., демонстрируя неиссякаемую фантазию на тему русской архитектуры и стилизаторство народного зодчества...“ („История русской архитектуры“, 1984).

Это направление в архитектуре развивалось на базе обновленного народного резного декора и было весьма популярно в России того времени и даже композитор Мусоргский написал под впечатлением этого творчества свои знаменитые „картинки с выставки“ (1874).

Поэтому мы с негодованием отвергаем измышления г. Филиппова. Но, к сожалению, на этом не кончаются „ученые перлы“ Б. Филиппова. Вот еще одна цитата: „Народилась потребность в назойливой билибинщине – вместо утраченного национального духа“.

Что же такое „назойливая билибинщина“? Даем справ-

ку: Иван Яковлевич Билибин (1876 - 1942) художник-график. Учился в Мюнхене, и в Петербурге у Репина. Он изучал русскую старину, народное и древне-русское искусство, образцы которого претворял в своих графических работах. Последние годы жизни преподавал в Академии Художеств в Ленинграде. Популярность Ивана Яковлевича огромна не только в России, но и во всем мире. О нем имеется обширная литература на многих языках мира. Его произведения репродуцируются в огромных тиражах и пользуются любовью и популярностью у всех народов. Он является крупнейшим деятелем возрождения русской национальной графики.

Мало того, что г. Филиппов „запросто“ оскорбил замечательного труженика на ниве русского национального искусства – Ивана Яковлевича Билибина, – но он „так, попутно“ еще и заявил, что русский народ утратил национальный дух. Или вот еще: „...молодцы баллад Алексея Толстого и константиномаковщина в живописи... А гении русского искусства также идут мимо Пушкина“.

Опять оскорбительный ярлык – „константиномаковщина в живописи“. Константин Егорович Маковский (1839 - 1915) – академик, член-учредитель „передвижников“. В творчестве Константина Егоровича отражена с величайшим художественным мастерством народная жизнь.

Б. Филиппов утверждает: „А гении русского искусства также идут мимо Пушкина“. И достается от него всем гениям так, что и защищать уж как бы некого. И все же, от писаний г. Филиппова нужно защищать русское национальное искусство и его деятелей, и доброе, светлое имя нашего величайшего поэта Александра Сергеевича Пушкина.

Валентин Терехов, 1. 3. 1987.

В редакцию альманаха «Вече».

В 26-м номере «Вече» опубликовано сообщение Е. Р. о посещении Донского монастыря. К сожалению, посетитель монастыря ничего интересного не сообщил об этом замечательном памятнике прошлого. Не упомянул дату его сооружения, ничего не рассказал об архитектурном ансамбле.

Донской мужской монастырь был основан в 1591 году царем Федором Ивановичем в память избавления Москвы от набега войск крымского хана Кизи-Гирея. Основан он на месте, где находился стан русских воинов и стояла церковь-палатка с иконой Донской Божьей Матери.

В 1686-1711 годы монастырь был окружен кирпичной, с белокаменными деталями, стеной с 12 башнями.

В Москве после войны я не был и поэтому не могу сказать в каком состоянии сейчас находятся монастырские сооружения. Привожу описание монастыря по справочнику 1980 года. Тихвинская церковь, надвратная с колокольней, сооружена в 1713 - 14 гг. Архитектурные памятники: церковь Донской Богоматери (старый собор 1591 - 93 гг.) с трапезной и шатровой колокольней (1678 - 79); собор Донской Богоматери („Большой собор“) 1684 - 93, иконостас (1693 - 99), росписи по рисункам В. И. Баженова (1782); церковь Архангела Михаила в стиле классицизма (1806 - 09), усыпальница князей Голицыных, ныне отдел монументальной скульптуры Музея архитектуры и др. После Октября упразднен. С 1934 г. в Донском монастыре Музей архитектуры СССР, с 1964 г. – филиал научно-исследовательского Музея архитектуры им. А. В. Щусева.

На территории монастыря находится Старое Донское кладбище. Е. Р. пишет, что их группа остановилась у одной из „монастырских темных плит и здесь познакомилась с М. В. Ч., который рассказывал им следующее: „Вот мы стоим рядом с плитой, но мы забываем, что здесь лежит выдающийся, гениальный человек. И таких плит

здесь много, на кладбище Донского монастыря. Это, собственно, цвет нашей культуры, цвет нашей истории“.

Спрашивается: разве собеседник не называл ни одного имени этого цвета нации? Тех, кто покоится под плитами (если их не разбросали, как в Оптиной пустыни, о чем писал В. Солоухин)? Вероятно, все же назвал хотя одно-два имени, тех кого считал цветом России.

Я ниже назову только несколько имен русских писателей, которых похоронили на Старом Донском кладбище, возникшем в конце 16 – начале 17 вв. Со второй половины 18 века здесь хоронили представителей аристократии. На этом кладбище похоронено немало русских государственных и общественных деятелей – учесников Отечественной войны 1812 года, декабристы – М. М. Нарышкин, П. Н. Свистунов, В. П. Зубков.

Из литераторов здесь нашли последнее упокоеие: Александр Петрович Сумароков (1717 - 1777), выдающийся поэт, первый русский драматург; в 1850 г. на его могиле был поставлен гранитный памятник; Михаил Матвеевич Херасков (1733 - 1807), творец поэмы „Россиада“; Иван Иванович Дмитриев (1760 - 1837) поэт и баснописец; князь Владимир Федорович Одоевский (1804 - 1868) писатель; художник Василий Григорьевич Перов (1833 - 1882) создатель лучшего портрета Ф. М. Достоевского; академик-историк Василий Осипович Ключевский (1841 - 1911).

Думаю, этого короткого перечня достаточно для того, чтобы судить о необходимости сохранить памятные могилы и реставрировать как монастырь до его прежнего состояния, так и привести в полный порядок могилы Старого Донского кладбища.

А. Натов, США.

Уважаемый г-н Редактор!

Если можно, прошу поместить это мое открытое письмо на страницах Вашего журнала.

В июльско-августовском номере (№ 4 - 1987) журнала «Страна и мир» помещено письмо Зева Вольфсона (Бориса Комарова), центральной темой которого является диалог Эйдельман – Астафьев, с привлечением к теме отзыва Э. Штейна.

Спрашиваешь себя: тот ли это Б. Комаров, который с таким знанием дела заботится о больной природе, о сохранении рек и деревьев? В одном месте письма в перечне личных заслуг, он пишет: „...я и чета христиан...“ Но вот в содержании дальнейшем, от христианства „несколько“ отходит... Только факт, что среди евреев нашелся человек, осмелившийся судить непредвзято о переписке Эйдельмана – Астафьева, (речь об Э. Штейне), выводит З. Вольфсона из себя. В глазах З. Вольфсона – Э. Штейн чуть ли не преступник. И, уж, конечно, юдофоб!

Поскольку, в числе обсуждаемых проблем переписки приводится убийство Царской Семьи, позволим себе напомнить (приводимую также, обвинительно, З. Вольфсоном) формулировку В. Астафьева, собравшего в нескольких словах весь ужас и смысл этого „деяния“: „...в лагере вы находились по велению „Высшего Судии“, а не по развязности одного Ежова...“ Что касается „веления Высшего Судии“ – то это: Возмездие...

Неужели, блестяще-умному (в других ситуациях) Вольфсону-Комарову не ясно, что ведь и приводимый им в качестве „козырного туза“ Михоэлс, и все другие, которым пришлось помаяться, все они были **щепки**, летящие от **того леса**, который создатели советского режима начали, со столь активным энтузиазмом, рубить в 1917 году. И что блестящим „достижением“ в этой программе было убийство Царской Семьи.

Сейчас, З. Вольфсона возмущает „**мифологема**“ (по его определению), включающая это убийство в историю еврейского народа. „Мифологема“, и – что можно знать „сейчас, через семьдесят лет“?

Знать можно очень многое!

З. Вольфсон, в ослеплении своей концепцией, берет на себя великий риск, писать о „реальных обстоятельствах“

расстрела Царской семьи. Вот, его фраза: „Дело в расчете, с каким Афанасьев и Штейн затушевывают реальные обстоятельства расстрела царской семьи“.

Если вспоминать о „реальных обстоятельствах“ расстрела каждый день, можно сойти с ума от страшных подробностей. Ночь, подвал. Одиннадцать беззащитных людей, где большинство женщин; и ребенок. И даже маленькая собачка. Кровь, крики, добивания... Царевич кричал, вырванный глаз повис у него на лице... Все были зверски убиты, застрелены, приколоты, добиты озверевшими убийцами. Скользко от крови, изрешечены стены.

Но вот, какая у З. Вольфсона спокойная, историческо-прагматическая концепция о естественности убийства Царской Семьи. Оказывается, – ничего особенного! Юровский **только** и сделал, что „выполнил приказ своей партии“, уничтожающей противников...

„Своей“... Чьей? Какой?

По З. Вольфсону – „мифологема“. За давностью лет...

Но вот, один из убийц, в опьянении триумфа и крови, нашел в себе присутствие духа, чтобы расписаться на стене. И не как-нибудь, а на древне-еврейском языке. Как это? Только выполнял приказ „своей партии“?

„Мифологемы“, тоже кое-что проясняют.

И такие выступления, как З. Вольфсона, тоже. Как святотатственно и цинично-партийно, (с оттенком высшего юмора) наименование, данное им зверски-убитой Царской Семье: „святое семейство...“

И тут же мощный контрудар! „После белостокского погрома В. З. Жаботинский писал, что он видел больше гвоздей, вбитых в глазницы еврейских младенцев, чем антипогромных статей в русской прессе“...

1956 год. Венгрия.

Мы все висели на радиоприемниках, стараясь из мощного рева глушений выловить, дослышать, угадать слова информации западных радио-голосов о несчастной Венгрии. Но глушение было непробиваемо... И, вдруг, настала тишина! Тишина кристальная, глушителей – как не бывало! Наоборот: с давно неслышимой четкостью,

голоса дикторов. Были включены мощные передатчики и все они каждые десять минут, т. е. непрерывно, ставили мир в известность, что в Будапеште пострадало несколько евреев. Информация эта наполняла весь эфир, а о всех иных жертвах – ни слова. Она свидетельствовала, что жизнь жизни – рознь, что истинную ценность имеют не все жизни...

Урок этот был незабываем. И эта концепция жива и по сей день.

Само собой разумеется, что все эти мощные и свободные радиостанции молчали, как убитые, когда уволкли в Союз сто тысяч венгерской молодежи, которых там благополучно и изничтожили... Зачем шум?

Возмущает З. Вольфсона и фраза Э. Штейна, что для русского верующего человека убийство Царской Семьи – „рана незаживающая“.

Совершенно соглашаешься со Штейном. Единственно только, жива эта незаживающая рана не „в темных углах сознания“, но в очень ярко освещенных, пылающих болью, неугасающим ужасом страшного воспоминания и страдающей совести!

Но какое интеллектуальное великолепие проявляет З. Вольфсон в обыгрывании „темных углов сознания“. Он пишет, что „рупором этих 'темных углов' прежде была, в основном, подворотная пьянь, и если теперь на этот хлеб зарятся литераторы /.../, это показывает, что многие российские писатели сейчас взялись за публицистику“.

Но вот, только, кто они, эти „российские писатели“, взявшиеся за публицистику? Не у них ли вычитываем уже остандартненную характеристику русского народа, как „подворотной пьяни“? У них же в изобилии подробностей, нюансов, в узаконенной языковой непристойности (вот уж поистине – заборной!) о том, как покидают Россию „не оглядываясь“. Даже описания последних застолий, где плюют на Россию (буквально, не иносказательно). С чувством, со вкусом...

Э. Штейн пишет, что иногда „стыдно быть евреем“. Это возмущает З. Вольфсона. Быть евреем – никогда не

стыдно!

С обнадеживающей интеллектуальной широтой З. Вольфсон вещает в своем письме о „камертоне порядочности и объективности“.

Где он хранит, сей невидимый предмет?!

Н. Тарских, ФРГ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

И Л Ь Я Л Е О Н И Д О В И Ч Т А Т И Щ Е В

(св. мученик, воин И л и я)

С целью собрать возможно большие биографические данные, которые в дальнейшем послужили бы для составления жития св. муч. воина Илии, обращаюсь ко всем, кто имеет какие-либо сведения относящиеся к жизни И. Л. Татищева.

Будут очень ценны и интересны:

1. Личные воспоминания о нем и о его жизни и деятельности, а также и о его семье и близких ему людях.
2. Указания о нем в литературе и в периодических изданиях.
3. Фотографии.

Все эти сведения прошу присылать с точным указанием источника по адресу:

P. Bibikoff
R. das Palmeiras 653, Bairro Jardim
89080 S. Andre, S. P. – Brazil

Заранее приношу благодарность всем кто может отозваться на этот призыв.

П. В. Бибииков.

ФАКТЫ! ФАКТЫ! ФАКТЫ

**Выходит из печати
журнал истории славянорусов
и новых идей в естествознании**

«Ф А К Т Ы»

Для думающих и любознательных!

**4 выпуска в год, 30 ам. долларов,
только монитордер.**

Подписываться у:

**V. Schtepa
P. O. Box 235, N.Y., N.Y. 10040, USA.**

К ПОДПИСЧИКАМ И ДОБРОЖЕЛАТЕЛЯМ

АЛЬМАНАХА «В Е Ч Е»!

Окончился седьмой год издания «Вече». В свет вышло 28 выпусков независимого русского печатного органа. Независимого – не на словах, а на деле. Убедительнейшее свидетельство тому – самофинансирование издания.

Альманах «Вече» не получает никаких субсидий, не имеет ни малейшей материальной помощи со стороны какой-либо иностранной государственной или общественной инстанции.

Авторы публикуемых в «Вече» статей не получают гонораров. Все работы, связанные с подготовкой материалов к печати, набором текстов и их корректурой, версткой журнала, обширной редакционной перепиской, бухгалтерией, упаковкой и рассылкой альманаха и пр., и пр., осуществляются безвозмездно. Оплачиваются лишь: печать в типографии, бумага, канцелярские и почтовые расходы, размер которых в настоящее время превышает 40.000 немецких марок в год.

К 1986 году, благодаря быстрому росту числа подписчиков и покупателей отдельных выпусков «Вече», почти на 85 % расходы по изданию «Вече» покрывались средствами, поступающими от подписки и продажи альманаха. Дефицит компенсировался пожертвованиями нескольких русских патриотов.

Более 70 % подписчиков «Вече» живут в заокеанских странах и оплачивают подписку а американских долларах. Начиная с середины 1986 года разменный курс ам. доллара начал стремительно падать. К концу 1987 г. ам. доллар потерял по отношению к немецкой марке более половины стоимости, которую имел в начале 1986 года. Это обстоя-

тельство крайне отрицательно отразилось на финансовом положении альманаха «Вече», снизив доходную часть его бюджета более чем на 50 %.

Мы намерены сохранить и в 1988 году существующую ныне стоимость подписки на «Вече», зная, что для многих подписчиков (особенно для пенсионеров) и нынешняя стоимость весьма высока. Однако обращаемся ко всем подписчикам, живущим в условиях материального благополучия, с просьбой прибавить к подписной плате на «Вече» на 1988 год посильное пожертвование.

Глубокоуважаемые подписчики, наступил трудный момент, когда от небольшого Вашего пожертвования зависит судьба печатного органа, существование которого, судя по многочисленным Вашим письмам, Вам дорого. Помогите Вашему «Вече» в трудную минуту!

Редакция «ВЕЧЕ»

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на Австралию и Новую Зеландию

ALMANAC «VECHE»

**P. O. Box 312, Moonee-Ponds, 3039.
Vic, Australia.**

Tel. (03) 337-6880

**Просьба оформлять подписку на «Вече
для Австралии и Новой Зеландии
через Генеральное Представительство,
по указанному выше адресу.**

**Стоимость подписки на 1 год (4 номера)
42.00 австралийских доллара.**

Цена одного номера – 12.40 австрал. доллара.

**Желающие могут получить по почте
от Генерального Представительства
бесплатно пробный номер «Вече»**

ГЕНЕРАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

Альманаха «Вече»

на США и Канаду

ALMANAC "VECHE"

P. O. Box 68

Flushing St.

N. Y. 11379

Tel. (718) 651-5662

Просьба оформлять, а также продлевать подписку на „Вече” для США и Канады через Генеральное Представительство, по указанному выше адресу.

В Генеральном Представительстве можно заказывать отдельные номера „Вече”

На складе Генерального Представительства имеется книга

„Художник и Россия”

По вопросам розничной продажи „Вече” в США и Канаде просим обращаться в Генеральное Представительство

«ВЕЧЕ»

Независимый русский альманах

В Европе

цена отдельного номера

15 нм

подписка на 4 номера

50 нм

В Америке и др. заокеанских странах

цена отдельного номера

9 ам. долл.

подписка на 4 номера

30 ам. долл.

Пересылка простой почтой в Европе и воздушной
почтой за океан включена в стоимость подписки

Цена отдельного экз. „Вече“ №№ 1, 2 и 3 в Европе —
24 нм, в США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Цена сдвоенного № 7—8 „Вече“ — в Европе 24 нм, в
США и др. заокеанских странах — 14 ам. долл.

Желаю оформить подписку
на 4 номера альманаха „Вече“, начиная с №

Фамилия, имя

Адрес

.....

.....

Оплату произвожу
приложенным чеком

почтовым переводом

Заполненный талон, чек или почтовый перевод
просим направлять:

RUSSISCHER NATIONALER
VEREIN (RNV) e. V.
8000 München 2, Theresienstr. 118-120
(West Germany)

ВЕЧЕ

„Вече — древне-русское слово, которое означает народное собрание, сход с целью совещания... В русских летописях слово В. употребляется в тройном значении:

- 1) в смысле народного собрания вообще...*
- 2) в смысле совещания вообще, даже тайного совещания-заговора...*
- 3) в смысле органа политической власти...”*

*Энциклопедический словарь,
т. VIIА С.-Петербург, Типо-
Литография И. А. Ефрона,
1892*

„Вече (от „вещать” — говорить) — народное собрание в Древней Руси, являвшееся высшим органом власти в некоторых русских городах 10-15 вв...”

*БСЭ, второе издание, т. 7
Москва, 1951*

„Вече” (общеслав.; от старослав. вет — совет), народное собрание в древней и ср.-вековой Руси для обсуждения общих дел...”

*БСЭ, третье издание, т. 4
Москва, 1971*

**Издание Российского Национального
Объединения в ФРГ**

**Herausgeber: Russischer Nationaler Verein e. V.
Theresienstr. 118-120, 8000 München 2**